

М. МЕДВЕДЕВ
С. СОЛОВЬЕВ
В ПОИСКАХ
ИСТИНЫ

Annotation

Очерки прокурора Ленинграда С. Е. Соловьева и журналиста М. Н. Медведева «В поисках истины» строго документальны. Написаны они живо, увлекательно, в них рассказывается о работе следователей прокуратур и милиции, о раскрытии преступлений.

В повести «Крах вражеского агента» говорится о том, как был задержан лазутчик, засланный иностранной разведкой, показаны напряженные будни советских пограничников тридцатых годов.

- [В поисках истины](#)
 -
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ОПЕРАЦИЯ «ИНФАРКТ»](#)
 - [ЧЕТВЕРТАЯ ВЕРСИЯ](#)
 - [«ЗОЛОТЫЕ» ШПИЛЬКИ](#)
 - [АМУР ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ](#)
 - [МЕРТВАЯ ЗЫБЬ](#)
 - [ОБВИНЯЕТСЯ ЛОШАДЬ ГОЛУБКА](#)
 - [НОЖ НА ТРАВЕ](#)
 - [«ОХОТА НА ЛИС»](#)
 - [«ТРУДНЫЕ» ДЕВЧОНКИ](#)
 - [В ПЛЕНУ ВЕЩЕЙ](#)
 - [МЕЧ ФЕМИДЫ](#)
 - [КРАХ ВРАЖЕСКОГО АГЕНТА](#)
 -
 - [ОТ АВТОРОВ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

В поисках истины

Очерки прокурора Ленинграда С. Е. Соловьева и журналиста М. Н. Медведева «В поисках истины» строго документальны. Написаны они живо, увлекательно, в них рассказывается о работе следователей прокуратур и милиции, о раскрытии преступлений.

В повести «Крах вражеского агента» говорится о том, как был задержан лазутчик, засланный иностранной разведкой, показаны напряженные будни советских пограничников тридцатых годов.

ВВЕДЕНИЕ

Советские люди по праву гордятся своими успехами в промышленности, науке, культуре. Социалистическое общество выковало новую мораль. Оно неустанно прививает всем своим гражданам самые лучшие человеческие качества. Советские люди — это люди высокой сознательности, нравственной чистоты.

Однако формирование сознания — процесс длительный. Утверждение коммунистической нравственности всегда происходило и происходит в противоборстве с частнособственническими взглядами. Часто аморальные явления вызываются субъективными причинами: упущениями в идейно-воспитательной работе, тяжелой обстановкой в семье, отдельными нарушениями советской демократии, непресеченными вовремя, и т. д. Вот почему в условиях развитого социализма и встречаются еще отдельные личности, которые продолжают находиться в плену пережитков прошлого.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик сказал:

«Не секрет, что у нас до сих пор еще нередко дают себя чувствовать такие унаследованные от прошлого, чуждые социализму по своей сути социальные болячки, как недобросовестное отношение к труду, расхлябанность, недисциплинированность, стяжательство, различные нарушения норм социалистического общежития. Партия считает своим долгом обращать внимание всего нашего общества на эти явления, мобилизовывать

народ на решительную борьбу с ними, на их преодоление, ибо без этого нам коммунизма не построить».

И борьба эта ведется. Партийные, профсоюзные, комсомольские организации повседневно занимаются воспитательной и профилактической работой. Вместе с широкими слоями общественности они неумолимо пропагандируют правовые знания, правила социалистического общежития, борются за соблюдение общественного порядка. И с каждым днем он все больше укрепляется. За последние годы число преступлений как в стране, так и в Ленинграде снизилось.

В Советском Союзе нет социальных основ для преступлений, и факты правонарушений — исключение из правил нашей жизни. Но с ними, к сожалению, приходится сталкиваться. В чем причина этого?

Есть еще отдельные морально неустойчивые люди. Особенно пагубно действует на них водка. Как показывает статистика, большая часть преступлений совершается именно в состоянии опьянения. Вести борьбу против пьянства — значит, в свою очередь, снизить число правонарушений. И эта борьба тоже ведется.

О чем рассказывает книга «В поисках истины», которую написали прокурор Ленинграда государственный советник юстиции 3-го класса С. Е. Соловьев и журналист М. Н. Медведев? О какой истине идет в ней речь?

Совершено преступление... Кто его виновник? Выявлением этого занимается множество людей — оперативные работники милиций, дознаватели, следователи, прокуроры, эксперты-криминалисты. Они должны установить истину. Причем объективную.

Это совсем не просто — найти преступника, особенно если ему удалось притаиться, скрыться. Скрупулезно изучаются все обстоятельства преступления. Порой в разные стороны тянутся нити расследования, и все их надо собрать воедино. Это большая, требующая немалых сил и напряжения работа. Но зато какое она приносит удовлетворение, когда преступник пойман, разоблачен, когда можно со вздохом облегчения сказать: «Истина восторжествовала!»

Работа, которую ведут изо дня в день органы Министерства внутренних дел, прокуратуры, юстиции, сложна. Люди, посвятившие себя этому благородному делу, успешно преодолевают все трудности. Как бы ни старался преступник уйти от возмездия, оно в конце концов настигает его. Наказание неотвратимо. И это тоже убедительно показано в книге. Поднимает она и ряд других важных вопросов: воспитание в семье, в школе, на производстве, учит непримиримо относиться к любым нарушителям советской морали.

Книга «В поисках истины», как и предыдущий сборник очерков тех же авторов «По невидимым следам», строго документальна, в ней нет ни строки вымысла, изменены только фамилии. Очерки охватывают разнообразный круг тем. Они повествуют о тех, кто расследует преступления, идя по их горячим следам, ведет дальнейшее следствие, осуществляет правосудие, занимается перевоспитанием правонарушителей в исправительно-трудовых учреждениях.

В то же время авторов интересовала психология правонарушителей. Что это за люди? Каков их моральный облик? Почему они становятся на преступный путь? Это очень важно: знать тех, с кем приходится сталкиваться лицом к лицу работникам следственных и судебных органов. Это позволит еще

успешнее вести борьбу с нарушителями норм и правил социалистического общежития. К тому же не все эти люди являются окончательно потерянными для общества. Вернуть их на путь исправления, сделать полезными, честными гражданами — не так уж маловажно. И об этом тоже повествует книга.

Во второй ее части публикуется художественно-документальная повесть «Крах вражеского агента». Материалом для нее послужили документы судебного архива. И хотя некоторые ситуации, описанные в повести, перестали быть характерными для нашего времени, тем не менее они не потеряли актуальности.

Повесть привлекает не только своей остротой, заключающейся в ней детективной фабулой, подсказанной самой жизнью, но и тем, что позволяет еще раз напомнить о бдительности. «Тайная война», о которой говорится в повести и которую продолжают вести разведки капиталистических государств, в первую очередь против Советского Союза, не прекращается ни на один день. И так же ни на один день не должна ослабевать бдительность советских людей.

ОПЕРАЦИЯ «ИНФАРКТ»

Знойным августовским днем 1970 года на пустынном участке Очамчирского шоссе, неподалеку от города Ткварчели в Абхазии, стояла легковая машина «Волга». Людей в ней не было. Мимо изредка проносились, поднимая горячий бензиновый ветерок, шурша шинами, рейсовые и туристские автобусы, переполненные пассажирами. Но никто не обращал внимания на эту притулившуюся на обочине одинокую белую «Волгу», пока ею не заинтересовался дорожный инспектор ГАИ, ехавший по шоссе на своем мотоцикле.

Сперва он, как и все, промчался, не останавливаясь. Но, проехав несколько десятков метров, подумал по привычке: «А почему, собственно, стоит тут машина? С какой стати? Где ее водитель?» И инспектор сбавил скорость, притормозил, затем повернул назад и подъехал к «Волге». Не слезая с седла, он заглянул в нее через боковое стекло и увидел приколотый к спинке переднего сиденья лист бумаги, на котором было что-то написано.

Чрезвычайно удивленный, инспектор соскочил с мотоцикла. Дверца «Волги» открылась легко — она не была даже на защелке. Инспектор взял в руки записку. Прочитал:

«Прошу, кто найдет эту машину, сдать ее в милицию».

И все. Ни подписи, ни адреса.

Инспектор посмотрел по сторонам, но, кроме нависшей над обрывом пустынной дороги, уходящих вдаль гор, окутанных густой зеленью, да этой поблескивающей на солнце загадочной машины, ничего не увидел.

На дне ущелья глухо шумела река.

Разные бывают находки. Можно найти зонтик, платок, кошелек, книгу, очки, перчатки... Но чтобы... легковую машину! Редчайший, можно сказать, случай. Не мудрено, что им заинтересовались в местной, тктварчельской милиции.

Связались с другими отделами и управлениями МВД Абхазии и Грузии. И вот оказалось, что в одном из них ведется следствие по делу некоего Дарсалия из села Эстонка, Абхазской АССР, заподозренного в спекуляции автомашинами. У работников милиции возник вопрос: не имеет ли эта найденная на Очамчирском шоссе «Волга» какого-либо отношения к Дарсалия?

Машину тщательно обследовали и обнаружили, что номера на ее кузове и двигателе — поддельные. Старые уничтожены, а взамен выбиты новые. Причем точно такие, какие были на когда-то имевшейся у Дарсалия машине.

Следователь спросил у Дарсалия:

— Мушни Самсонович, как вы объясните, что на шоссе Очамчира — Ткварчели, за много километров от села Эстонка, в котором вы живете, нашли «Волгу» с точно такими же номерными знаками, какие были когда-то на вашей другой машине?

— Это какое-то недоразумение, дорогой.

— Нет, Мушни Самсонович, никакого недоразумения тут нет. Машина, которую обнаружил на шоссе инспектор дорожного надзора Хвития, действительно имеет эти номера. Но только они поддельные.

— Я к этой машине никакого отношения, дорогой, не имею. А то, что она оказалась на шоссе, то, может, кто-нибудь ее там забыл? Знаете, я сам иной раз начинаю забывать то одно, то другое... Склероз! Мед кушать надо.

— Но в таком случае, почему в «Волге» оказалась эта записка? Да и как можно забыть машину?

— Понятия не имею, — пожал плечами Дарсалия.

Он говорил правду. Дарсалия и в самом деле не знал, как очутилась его «Волга» на Очамчирском шоссе. Уже несколько дней он находился под стражей.

Некоторый свет на загадочную историю с «забытой» машиной пролил брат Дарсалия. Допрошенный в связи с делом Мушни, он сознался:

— Это я оставил машину на шоссе.

— Для чего?

— Как для чего? Брат, родной брат заподозрен в спекуляции автомашинами, арестован. Что надо делать? Спасать надо! Вот я и решил спасти: забрал с

его двора машину и оставил ее на шоссе, от греха подальше. Я и записку написал.

— Дурак! — узнав о неуклюжей попытке брата выручить его, сказал сердито Мушни. — Настоящий идиот, прости меня господь!

Пока в Грузии допрашивали Дарсалия и связанных с ним лиц, в Ленинграде лейтенант милиции Петров занимался расследованием дела, носившего частный и, на первый взгляд малоинтересный характер.

«Об угоне автомашины «Волга»,
принадлежащей гражданину
Таракарину Л. В.» —

так гласила надпись, выведенная на папке.

Машину эту похитили в ночь на 21 марта 1970 года с набережной Мойки, где она стояла у дома № 92. Началось следствие. Но так как в установленный законом срок — два месяца — человека, совершившего похищение, не нашли, следствие приостановила. Однако 6 июля в райотдел поступило сообщение: машина нашлась. Она была обнаружена за много сот километров от Ленинграда — в Сухуми. И расследование возобновилось.

Ниточки привели к шоферам-таксистам Шейхову и Подвезько. Как всегда в таких случаях, стали интересоваться: а не причастны ли эти лица и к кражам автомобилей, совершавшимся в последнее время в Ленинграде?

Следователь Петров оказался дотошным. Он установил, что только одной машиной Таракарина дело действительно не ограничивается. На совести у Шейхова и Подвезько по крайней мере еще несколько таких краж. Одну машину они похитили с проспекта Славы, другую — с Гражданского проспекта, третью — с

улицы Шаумяна. Таким образом, дело перестало носить лишь районный характер. Оно приобрело более широкий масштаб — городской. На этом основании дальнейшее расследование было решено передать следственному управлению УВД Ленинграда и области.

Работа предстояла большая. Требовалось осуществить целый ряд следственных и розыскных мероприятий. Поэтому делом занялись сразу два следственных работника — старший следователь Р. А. Смирнова и следователь М. Я. Григорьев. Общее руководство осуществлял старший следователь по особо важным делам Министерства внутренних дел СССР С. Д. Краснов. В ходе следствия держали постоянную связь со следственными органами других республик. Делом Дарсалия занимался старший следователь МВД Грузинской ССР О. Д. Беришвили.

— Ваша фамилия, имя и отчество?

— Шейхов Энуар Эйнуллоевич. Ну, а если сокращенно — Эрик.

— Кто вы по национальности?

— Азербайджанец.

— Где работаете?

— В данное время нигде. А до этого был шофером такси.

— Женаты?

— Разведен.

— Подвезько?..

— ...Леонид Николаевич, с вашего позволения. В настоящее время так же, как и Шейхов, не работаю. Вольная птица, как говорится. А прежде вместе с Шейховым работал во втором ленинградском пассажирском таксомоторном предприятии. Мы с Эриком, можно сказать, корешки. За одной рулевой баранкой сидели. Дружили.

— Женаты?

— Нет. И не был. Все никак не собраться было.

— На чем же основывалась ваша дружба с Шейховым?

— У нас с ним были общие интересы.

— А точнее!

— Люди мы молодые, компанейские. Деньжата кое-какие водились, не скрою. Поэтому мы могли позволить себе и погулять.

— А еще точнее! Откуда у вас были деньги?

— У шофера такси можно не спрашивать — откуда! Ясно, пассажиры подбрасывали. В знак благодарности.

— Не темните, Леонид Николаевич. Скажите прямо: угоняли машины и продавали. Отсюда и деньги. Причем не маленькие. Но об этом разговор еще впереди. А сейчас ответьте: когда и при каких обстоятельствах вы совершили первое хищение?

Уйти от ответа на этот вопрос Подвезько не мог. И он рассказал.

Летом 1968 года в Ленинград прибыли из Абхазии некие Чантурия и Циколия. Походили по городу. Поллюбовались куполом Исаакия, мерцавшим в голубой дымке, потолковали о том, сколько золота ушло на эту махину, — вот бы превратить его обратно в плиток!

Однако не сам город их интересовал, не его музеи и памятники, старинные особняки и новостройки, концерты и выставки. Цель появления Чантурия и Циколия в Ленинграде была совсем другая — они хотели приобрести легковые автомашины.

Побывав в Апраксином дворе, около магазина «Автомобили», и убедившись, что машины здесь, как и всюду, продаются по установленным государством правилам, в порядке очереди, гости из Сухуми вспомнили, что в Ленинграде работает шофером такси их земляк — Пачулия. Найти его было нетрудно. Пачулия работал в 7-м пассажирском таксомоторном предприятии.

— Нужна твоя помощь, земляк, — сказали ему Чантурия и Циколия при встрече.

— Землякам я всегда готов помочь.

— Хотим приобрести автомашины.

— Сложное это дело, земляки, сами понимаете. Но попробую что-нибудь сделать.

— Сделай, ничего не пожалеем. Пять тысяч надо уплатить за машину — заплатим. Шесть тысяч — пожалуйста!

Пачулия обратился к своему знакомому — Подвезько, из 2-го таксомоторного предприятия. Тот в свою очередь — к Шейхову. Соблазненный денежными посулами, Шейхов, узнав, что земляки Пачулия готовы дать за машину хоть шесть тысяч, сказал:

— Передай, Пачулия, своим землякам, что две машины достать невозможно, а одна будет.

После встречи с Пачулия Подвезько спросил у Шейхова:

— Ты пообещал машину, а где мы ее возьмем?

— Леха, барыш упускать нельзя. Ты ведь сам слышал, сколько дают! Шесть тысяч!

— Я понимаю, что дело выгодное. Только где мы возьмем машину? Не станем же красть?

— А почему бы и нет?

И Шейхов сказал, что машину можно похитить. Конечно, не из гаража. Это будет кража со взломом. Но одну из тех, что хранятся просто под открытым небом, украсть можно запросто.

Риск, по мнению Шейхова, был невелик.

Через день состоялась встреча Шейхова и Подвезько с Чантурия и Циколия. Последние подтвердили, что готовы заплатить шесть тысяч, приглашали к себе в гости, на побережье Черного моря, соблазняя прелестями Сухуми, только бы была машина. Желательно «Волга». Желательно светлая. Шейхов обещал, что «Волга» будет и что они сами с Подвезько

доставят ее в столицу Абхазии. На том и расстались. О том, что машину для покупателей они решили украсть, Шейхов, понятно, умолчал.

Чантурия и Циколия уехали, а Шейхов с Подвезько стали готовиться к краже.

Продумали все, вплоть до мелочей. Запаслись тросами, отвертками, отмычками. Раздобыли талон технического паспорта, в котором оставалось только произвести подчистку и вписать номер похищенной машины. Но где найти машину, которую можно похитить?

...Днем на автомобиле с черно-белыми шашечками, том самом, на котором они работали, Шейхов и Подвезько колесили по городу, присматриваясь к стоявшим на улицах «Волгам», принадлежавшим частным лицам. Наконец, выбрали одну — на Звенигородской улице.

Ночью на машине таксомоторного парка подъехали к облюбованной «Волге», зацепили ее тросом и стали буксировать. Около улицы Константина Заслонова, испугавшись ехавшего мимо грузовика, преступники бросили и похищенную «Волгу», и такси и убежали. Однако через некоторое время опомнились, убедились, что никто их не преследует, что паника была напрасной, и, ругая себя за трусость, вернулись и принялись буксировать «Волгу» дальше. Спрятали ее на одной из улиц в Невском районе, также заранее выбранной, сняв с машины номерной знак и сбив с рулевой колонки замок, повешенный ее владельцем.

А через несколько дней, выпросив в таксомоторном предприятии отпуск за собственный счет, Шейхов и Подвезько уже катили на похищенной машине в Сухуми.

В пути сделали остановку в городе Лебедине, Сумской области, где жили родственники Подвезько, объяснив им, что совершают автомобильный вояж на

Черноморское побережье. Однако дальше не поехали. Смутил подложный техталон. Рассмотрев его как следует, дружки пришли к выводу, что подчистка сделана грубо. Предосторожности ради решили раздобыть новый талон. Но для этого следовало вернуться в Ленинград.

И вот, сказав родственникам Подвезько, что машина, на которой они ехали, дескать, неисправна. Шейхов с Подвезько оставили ее в Лебедине, а сами уехали обратно. По возвращении в Ленинград поссорились. Даже разговаривать друг с другом перестали. Но машина, стоявшая в Лебедине, не давала покоя Шейхову. И он нашел нового компаньона — Бориса Генкина, водителя грузового автохозяйства Ленторгтранса. Генкин заверил, что сможет помочь в получении технического паспорта. И путем махинаций приобрел его.

Имея подложный техталон, Шейхов и Генкин приехали в Лебедин. На вопрос: «Где Леонид?» — ответили, что Подвезько якобы находится на военном сборе. Из Лебедина пригнали машину в Сухуми...

Шумная, оживленная столица Абхазии, залитая солнцем, с белоснежными домами, с пальмами на улицах, с веселой толпой, неизменно фланирующей в часы заката по Приморской набережной от гостиницы «Абхазия» до гостиницы «Рица» и обратно, понравилась Шейхову и Генкину. Правда, с их особой точки зрения.

— Здесь дела делать — одно удовольствие, — сказал Шейхов, имея в виду аферы.

Однако на следующий день им пришлось испытать разочарование. Чантурия и Циколия, которых они разыскали, оказывается, уже приобрели машины.

— Это что же получается — жульничество? — бледнея от негодования, спросил Шейхов. — Сколько

сотен километров гнали для вас машину, и на тебе! Обманщики!

— Почему жульничество? Почему обманщики?! Товар — ваш, зато деньги — наши. У кого хотим, у того и покупаем. Надо быть более расторопным, дружок.

— За такие штуки знаешь что делают!.. Куда мы теперь машину денем?

— Покупатель всегда найдется. У нас тут есть автомобильный черный рынок.

Услышав про рынок, да к тому же черный, приунывшие было Шейхов и Генкин несколько повеселели.

На черном рынке они быстро свели знакомство с одним еще не старым и, видно, очень деловым мужчиной, который согласился, не торгуясь, приобрести похищенную машину за 5000 рублей. Из разговора с ним можно было понять, что он и впредь не прочь приобретать машины, лишь бы это были «Волги», причем желательно белые. Такой расцветки требовала последняя мода.

— Где вас найти? — спросил Шейхов.

— Приедете в село Эстонка, спросите Дарсалия Мушни. Там меня все знают. Когда я дома бываю? Легче всего меня застать днем. Я работаю ночным сторожем.

В Ленинград Шейхов вернулся окрыленный. Пригласил к себе домой Подвезько — мириться.

— Брось, Леха, дуться на меня. Давай лучше выпьем с тобой настоящего абхазского вина. «Букет Абхазии» называется. Пей! Отличное вино! Сам покупал в Сухуми, в магазине на проспекте Мира. А вот тебе подарок — костюм. Тоже сухумский. Носи!

— Ты что, никак в Сухуми был и загнал там машину кому-то?

— Угадал!

— Кому? Тем самым деятелям, что в Ленинград приезжали?

— Нет.

И Шейхов рассказал, как познакомился с Дарсалия, который пообещал принимать похищенные автомашины и впредь, находить для них покупателей. Он ничего не утаил от Подвезько. Даже то, что из 5000 рублей, полученных от Дарсалия, полторы тысячи дал Генкину. За услугу.

— Парень так старался для нас. Техталон раздобыл. С печатью.

Талон понадобился Шейхову и Подвезько, чтобы осуществить еще одну операцию по угону автомобиля.

«Полезное» на этот раз решили соединить с «приятным». Дело в том, что в Лебедине намечалось торжество. Женился двоюродный брат Подвезько. Свадьба была задумана пышная. Готовились к ней усердно. Варили брагу, коптили домашние колбасы, откармливали уток и гусей. Заранее рассылали приглашения гостям. Получил такое приглашение и Подвезько.

— Давай поедем вместе, — предложил он Шейхову.

— Можно, — согласился тот. — А заодно и наше дело провернем. Достанем машину, поедем в ней на свадьбу, а оттуда махнем на Черноморское побережье, к нашему другу Дарсалия.

Так и сделали. Машину «достали» на улице Руставели и в тот же день уехали в Лебедин. Погуляли как следует на свадьбе и отправились дальше.

Машина, мягко шелестя резиновыми покрышками, плавно катила по Новороссийско-Батумскому шоссе. Совсем рядом шумело море. Оно сверкало. Из воды выпрыгивали дельфины. Сквозь опущенные стекла дул приятный ветерок. Дружки пребывали в отличном настроении. Сидели, небрежно развалясь, покуривая

сигареты. Со стороны казалось, что это — автолюбители, туристы, совершающие путешествие во время отпуска, а не злоумышленники, угоняющие похищенную машину.

В село Эстонка въехали рано утром. На листьях кипарисов и пальм еще блестели, как маленькие бриллианты, капельки росы. Вдали виднелись горы. Между ними неподвижно стояли белые клочья тумана.

От домов, направляясь к дороге, шла женщина в черном платье, с корзиной в руке.

— Эй, тетушка, — притормозив, крикнул Шейхов, сидевший за рулем, — где тут дом Дарсалия?

— Вам какой Дарсалия нужен? Их у нас несколько.

— Мушни. Мы к нему в гости приехали.

Приветливую улыбку будто ветром сдуло с лица женщины.

— Опять в гости? Словно заезжий дом у этого Мушни. Там он живет! — неопределенно махнула она рукой, повернулась спиной и, сердито ворча, пошла дальше.

— Вот тебе и хваленое кавказское гостеприимство, — сказал Подвезько.

У односельчан были все основания относиться к Мушни Дарсалия без особого уважения. Ночной сторож не столько занимался охраной народного добра, сколько своими темными делишками.

Председатель колхоза «Эстонка» Герой Социалистического Труда Л. П. Коркия говорил:

— Надо будет Дарсалия вызвать на заседание правления и строго поговорить с ним. Колхозник он, в конце концов, или не колхозник? Не нравятся мне его побочные занятия.

Но пока прямых улик против Дарсалия не было.

Шейхова и Подвезько Мушни Самсонович встретил как подобает. На столе тотчас же появилось угощение.

Тут были и помидоры, и холодное блюдо из мелко нарезанной курицы под соусом из уксуса и орехов — сациви, и горячая ватрушка с острым соленым сыром и яйцом — хачипури, и мамалыга в красном соусе, и чурчхела — загустевший виноградный сок с орехами. Пили и сухое вино, и чачу.

Дарсалия подтвердил, что готов принимать похищенные машины.

Первую «Волгу», ту, что ему продали Шейхов с Генкиным, он сбыв жителю города Зугдиди Абсава, с которым познакомился на станции технического обслуживания. Абсава не задумываясь дал за нее 7500 рублей. Таким образом, прибыль, которую получил Дарсалия, составила 2500 рублей. Чтобы скрыть сделку, Дарсалия и Абсава написали в ГАИ заявление, в котором один просил разрешить ему продать, а другой — купить старый автомобильный кузов. Инспектор, к которому попало это заявление, ничего проверять не стал, поверил тому, что продается именно кузов, а не что иное, и выдал разрешение.

Здесь же, в селе Эстонка, сидя за столом, уставленным яствами, злоумышленники заключили между собой негласное соглашение. Шейхов и Подвезько должны похищать в Ленинграде автомашины, а Дарсалия их принимать и сбывать. Преступной операции дали кодовое название «Инфаркт».

— Почему — «Инфаркт»? — спросил как-то у Шейхова молодой шофер Медведев, которого преступники также втянули в свою шайку.

— Потому что, когда хозяин узнает о краже у него автомашины, его чуть ли не инфаркт хватает, — смеясь, ответил Подвезько.

Преступники столкнулись с проблемой: где же доставать чистые техталоны?

Это было непросто. Недаром Подвезько признавался на следствии: «Машину для нас было легче украсть, чем достать талоны». А без талона, технического паспорта и номерного знака — этих важных документов автомобилиста — даже прожженные жулики ничего не могли сделать. Ни перегнать машину в другой город, ни продать.

Правда, и сам угон, машин проходил не всегда гладко, не так, как этого хотелось бы преступникам.

— На нервах жили, — признавался Подвезько на допросе в кабинете следователя. — То трос лопнет при буксировке, то какая-нибудь снегоуборочная машина неожиданно путь загородит, когда каждая секунда дорога...

Число похищенных машин уже достигло более десятка. Милиция с ног сбилась в поисках воров, которые были, казалось, неуловимыми. Да и как их было поймать, если днем Подвезько и Шейхов превращались в честных, добропорядочных работников таксомоторного парка, которые, сидя за рулем такси, даже от «чаевых» отказывались.

Скоро операция «Инфаркт» приобрела такой широкий размах, что услуг одного Дарсалия оказалось уже недостаточно. Необходим был хотя бы еще один посредник по сбыту краденых автомашин. И он нашелся. Это был Роман Уруцкоев.

Житель города Орджоникидзе, человек без определенных занятий, он тем не менее всегда имел доходы, главным образом за счет афер, которыми давно начал заниматься. В Ленинграде у него жил двоюродный брат — Заур. К нему-то и приехал Роман. Но главной его целью было не стремление повидать родственника, а желание приобрести автомашину, пусть даже преступным путем. Уруцкоев не брезговал ничем.

Он свел знакомство с Шейховым и Подвезько, предложил им достать для него машину, давал даже деньги вперед. Сказал, что документы и номерные знаки не требуются. Пусть будет только машина. Но она должна быть получена быстро, буквально в два-три дня.

Самого Уруцкого подгоняли «заказчики» — некие Хугаевы, приехавшие в Ленинград из Северной Осетии.

Уруцкий был изобретателен, изворотлив и хитер. Он разузнал, например, что у жителя Алма-Аты Тюфякова Виктора Васильевича имеется технический паспорт, оставшийся от машины, принадлежавшей некогда его брату, и подумал: «Вот бы его заполучить!» У Тюфякова был знакомый — Цары Баразгов, которого в кругу друзей звали обычно другим именем — Сулико. Баразгова знал и Уруцкий. Он подговорил Цары — Сулико пойти к Тюфякову и попросить, чтобы тот одолжил на время технический паспорт.

Тюфяков согласился. Он дал Баразгову технический паспорт, а заодно оформил на его имя доверенность на право перегона автомашины из Орджоникидзе в Алма-Ату. Впрочем, Тюфяков действовал далеко не бескорыстно. Через того же Баразгова он получил от Уруцкого 500 рублей.

После этого Уруцкий и Баразгов, ставший компаньоном Романа по аферам, перебили номера на двигателе и кузове похищенной «Волги», приведя их в соответствие с номерами, указанными в техническом паспорте Тюфякова, и перегнали машину в город Мары Туркменской ССР.

Правда, в пути пришлось пережить несколько неприятных минут. Дело в том, что на шоссе, по которому они проезжали, произошел несчастный случай: попала под колеса грузовика перебежавшая через дорогу девушка. Пострадавшая находилась в бессознательном состоянии, когда к месту происшествия подъехали Уруцкий и Баразгов. Их

попросили доставить пострадавшую в больницу. В план злоумышленников такая неожиданная задержка в пути, понятно, не входила. Тем не менее отказываться тоже было нельзя, во избежание осложнений. Пришлось Уруцкоеву и Баразгову свезти девушку в больницу. Сдав ее врачам, они тут же уехали. Персонал больницы счел, что они сделали это из скромности. А на самом деле, как мы знаем, угонщики боялись разоблачения. Но одной из медсестер удалось все же записать номер машины, по которому она думала найти скромных, но благородных людей, чтобы вынести им благодарность. Позже этот случай также фигурировал в уголовном деле.

Через Каспийское море преступники переправились на пароме (корешок квитанции за номером 1000608, выданный при погрузке машины на паром, также был отыскан и приобщен к делу). В Марах злоумышленники решили продать машину через комиссионный магазин. Но для этого необходим был паспорт самого Тюфякова.

И опять получить его не стоило особого труда. Едва лишь Уруцкоев и Баразгов заикнулись о том, что им нужен паспорт, якобы для того чтобы перевезти машину на железнодорожной платформе, как Тюфяков немедленно вручил им документ. А Роман и Цары — Сулико, заполучив паспорт, «соорудили» в нем подложный штамп о выписке Тюфякова из Алма-Аты, пошли в паспортный стол в Марах, и ничего не подозревавший Тюфяков был прописан в доме Курбана Пельванова на улице Некрасова, 28.

После того как машина была продана, аферисты вытравили подложный штамп о прописке Тюфякова в Марах и, как ни в чем не бывало, вернули Тюфякову паспорт. Тюфяков ничего не заметил. Только химическая экспертиза впоследствии обнаружила на последней страничке следы тщательно вытравленного штампа. Допрошенный следователями Курбан

Пельванов сказал, что Тюфяков был прописан у него с 16 июня 1970 года по 28 января 1971-го.

Хотя Тюфяков и числился столь долгое время жильцом, однако описать его наружность Пельванов не смог. Да и не мудрено. Ведь Тюфякова он никогда и не видел. Договариваться о прописке приходил Уруцкоев.

Дарсалия понимал, что частые приезды к нему в Эстонку Шейхова и Подвезько на разных автомашинах, да и сами эти автомашины, которые оставлялись у него на некоторое время, не могли не вызвать подозрения у односельчан. Так оно и было. Ночной сторож жил явно не по средствам. Правда, сам он объяснял, что имеет доходы от приусадебного участка, от цитрусовых и винограда сорта «изабелла». Но это было не совсем убедительное объяснение. К тому же ночной сторож не очень-то проявлял рвение к труду в колхозе. Когда его посылали на какие-либо работы, он всегда отказывался под тем или иным предлогом.

В конце концов его вызвали на заседание правления колхоза.

— Дарсалия, — сказали ему, — ты позоришь звание колхозника, нарушаешь устав сельскохозяйственной артели.

— Если ты и дальше будешь продолжать такое, мы вынуждены будем изъять у тебя приусадебный участок, — произнес председатель колхоза Коркия. И по тону его голоса Мушни понял, что шутить с ним не собираются. — Земля — не твоя личная собственность, — продолжал Коркия, — она принадлежит колхозу, и мы имеем право отбирать ее у таких, как ты, не желающих честно трудиться.

— В общем, делаем тебе последнее предупреждение. После пеняй на себя, — сказали члены правления.

То же Дарсалия услышал и на общем собрании уполномоченных колхоза «Эстонка». А Коркия не ограничился только этим. Он сообщил органам милиции, что у колхозников есть подозрение: не занимается ли Дарсалия перепродажей легковых автомобилей?

Дарсалия затаил против Коркия злобу. Идя с собрания, он раздумывал: как бы отомстить председателю колхоза? Поджечь его дом? Или, может быть, выкрасть какие-либо служебные документы?

Уже подойдя к дому и взявшись за щеколду калитки, Дарсалия решил, что надо сделать. Надо убить Корпия, вот что!.. Дарсалия поглядел на небо. Обычно звездное, оно на этот раз было затянуто тучами. И такая же чернота была в душе Мушни. Когда он проходил по тропинке сада, под ноги ему кинулся со злобным ворчанием, громыхая длинной железной цепью, пес: он не узнал в темноте хозяина.

Дарсалия разработал план убийства. Шейхов с Подвезько должны тайно приехать в Эстонку, убить председателя колхоза и скрыться. Сам Дарсалия предполагал лечь на это время в больницу и таким образом обеспечить себе алиби.

К счастью, из этого преступного замысла ничего не вышло. Шейхов с Подвезько не имели ни малейшего желания впутываться в «мокрое» дело. К тому же вскоре они были арестованы. Очутился в тюрьме и Дарсалия.

Над головами участников преступной шайки сгустились тучи. Уруцкоев, когда начались аресты, сбежал.

«Разыскивается опасный преступник, скрывшийся от органов следствия. Учитывая, что он может совершить новые преступления, просим принять меры к его задержанию».

Такая телеграмма была послана из Ленинграда во все концы страны. В самом Ленинграде тоже приняли меры к розыску. Стало известно, например, что Уруцкоев мог поддерживать переписку с тремя девушками — Ромеллой Федотовой, Людмилой Селивановой и Натальей Лаврушиной. За всей получаемой ими корреспонденцией установили наблюдение.

Ждать пришлось не очень долго. В апреле 1970 года Уруцкоев отправил из Ашхабада телеграмму Лаврушиной. Содержание ее было несущественным, по нему ничего нельзя было определить, тем не менее в Ашхабад была отправлена шифровка: изъять в почтовом отделении бланк, заполненный Уруцкоевым, и прислать в Ленинград: может быть, он пригодится следствию!

2 мая 1970 года Уруцкоев прислал Лаврушиной новую телеграмму, теперь уже из Целинограда. На этот раз она давала в руки следователям прямую нить. Текст ее гласил:

«Сегодня буду дома позвоню Руслан».

«Дома» — означало в Орджоникидзе.

И тем не менее задержать Уруцкоева не удалось. Как матерый волк ловко уходит от погони, так и он до поры до времени избегал ареста. Преступник был не только изворотлив, но и дерзок. Зная о задержании Шейхова, Подвезько и других, о том, что идет следствие, он все-таки приехал в Ленинград.

Однако, несмотря на внешнюю браваду, Уруцкоев был беспокоен. О том, какое у него было в те дни настроение, рассказывала Наталья Лаврушина, находившаяся с ним в близких отношениях.

— В октябре тысяча девятьсот семидесятого года Роман приехал в Ленинград в очень плохом настроении,

весь какой-то взвинченный, нервный... Я пришла к нему в гостиницу. Роман все время сновал взад и вперед по комнате. Я сказала ему даже, что он мечется, как зверь в клетке. Роман стал говорить, что у него большие неприятности, что его разыскивают, но пусть попробуют найти. Он будет ездить из города в город. Я сказала Роману, что он ведет себя так, будто чувствует решетку. Роман, помню, еще обиделся на меня.

Да, преступник походил на загнанного зверя. Кольцо вокруг него все больше сужалось. Он это чувствовал. И все же он обратился к Зауру Уруцкоеву и шоферу Геннадию Степанову и договорился с ними похитить еще одну машину.

Степанову он заявил:

— Надо отвести подозрение от Эрика, который сидит в тюрьме.

Лаврушиной предложил:

— Поедем со мной.

— Куда?

— В Орджоникидзе.

— Поездом?

— Зачем? Автомобилем!

— Согласна.

— Перебирайся ко мне в гостиницу.

— Кто мне разрешит там жить?

— Устрою! Роман Уруцкоев все может. Он, конечно, не бог, не царь и не герой, но тем не менее и перед ним с легкостью отворяются любые врата. Единственно, перед кем я бессилён, — это перед твоими родителями. Они и так грозятся, что сделают мне секир-башка. Считают, что я сбил с пути истинного их очаровательную дочь.

— Можешь их не бояться. Я уже вполне взрослая. Могу делать, что хочу. В том числе и ехать с тобой в Орджоникидзе. И поеду!

Лаврушина ни о чем не подозревала. Она слепо верила проходимцу. Уруцкоеву же требовалась от его близкой подруги практическая помощь. Но пока он ей ничего об этом не говорил. Он только сказал, что они поедут на машине, которую он приобрел в Ленинграде у частного лица.

Лаврушина поселилась в номере гостиницы. В ожидании поездки она ничего не делала. Днем спала или сидела в парикмахерской, ожидая очереди к мастеру, который сооружал ей замысловатые прически, а вечером она и Роман шли в ресторан. Впрочем, такое времяпрепровождение не было для Натальи Лаврушиной в новинку. Она и раньше ничем не занималась. После окончания восьмилетки не работала, живя на иждивении родителей да на те денежные подачки, которые давал ей Уруцкоев. Родители ее горевали, что у них такое непутевое дитя, но ничего не могли поделать. Дочь совершенно отбилась от рук.

Прошло две недели, а предполагаемая поездка в Орджоникидзе все откладывалась. Лаврушина томилась в гостинице, чувствуя себя здесь, как в заточенье. Уруцкоев стал частенько оставлять ее одну, особенно по вечерам. Возвращался поздно. Лаврушина злилась, начала даже ревновать. Но Уруцкоев объяснил свои отлучки тем, что приобрел машину с дефектом и теперь возится с ремонтом. Лаврушину такое объяснение удовлетворило.

Однажды Уруцкоев сказал ей:

— Плохо подвигается дело с оформлением машины.

— Что же мешает?

— Разные формальности... И то, что у меня не ленинградская прописка. Может быть, оформим машину на твое имя? Потом, когда мы поженимся, эта машина будет лично твоя. Можешь считать ее моим свадебным подарком.

Лаврушина не возражала. Особенно против такого подарка, как легковая машина.

— Тогда — завтра наш отъезд. Готовься!

И снова ушел.

Геннадий Степанов сидел в ресторане в обществе знакомого шофера и его девушки. Отмечали день ее рождения. Здесь-то, в ресторане, и отыскал Степанова Уруцкоев.

Его появление в зале было встречено шумными возгласами уже подвыпившей компании. Уруцкоева представили новорожденной. Роман церемонно поклонился, поцеловал девушке руку, сказал ей какой-то замысловатый комплимент явно восточного происхождения, подсел к столику, налил полный бокал сухого вина, залпом выпил. Степанов тоже потянулся к бутылке. Уруцкоев перехватил его взгляд, сделал знак, приглашая отойти в сторону.

— Ты сколько уже выпил?

— А что? — встревожился Степанов.

— Боюсь, налагаешься, как свинья. Как ты пойдешь в таком состоянии на дело? Хочешь все завалить?

— Не бойся! До ночи еще далеко. Весь хмель улетучится.

— Смотри же!

Вернулись к столику. Подошел официант:

— Что еще заказывать будете?

— Подайте черный кофе, мороженое, фрукты, — сказал Уруцкоев.

— А вино?

— Не надо.

— Мужчины, шоферы, а так мало пьете, — сказала с укоризной девушка. — Я считала, что вы народ здоровый, крепкий. А у вас какие-то дамские дозы. Трезвенники. Я и то могу выпить больше, чем вы.

— Мы не просто шоферы, — ответил Уруцкоев. — Мы еще и спортсмены, гонщики. У нас режим. Как раз завтра нам предстоит отъезд в Ригу, на авторалли. Поэтому сегодня — точка. Сухой закон.

Из ресторана Уруцкоев и Степанов поехали на Кубинскую улицу, где жил некий Демидов, который тоже должен был участвовать в похищении автомобиля. Здесь уже находился Заур Уруцкоев. У Демидова стали ждать назначенного часа. Когда стрелки часов приблизились к цифре три, Уруцкоев встал и скомандовал:

— Пора!..

После похищения машины — на этот раз с Кузнецовской улицы — Уруцкоев пришел в гостиницу, разбудил спящую Лаврушину, и они тут же подделали талон технического паспорта, вписав в него фамилию Лаврушиной, как якобы владелицы машины. Утром следующего дня выехали в Орджоникидзе. В украденной машине оказалось полно вещей — ботинки, туфли, термос, поролоновая собачка, сувенир — турок, курящий трубку, два фонарика, шезлонг. Уруцкоев сказал Наташе, что все эти вещи он купил, собираясь в дорогу.

Во время перегона сделали остановку в Витебске. Переночевав в гостинице «Двина», поехали дальше. Оставив Лаврушину в Орджоникидзе, Уруцкоев уже один отправился вч Алма-Ату, где похищенную машину ждали покупатели.

Нервы его не выдерживали. Находясь в Алма-Ате, он почти непрерывно пил на вырученные от продажи похищенной машины деньги. Угощал каких-то малознакомых, а то и вовсе незнакомых людей. Только за два дня купил бутылок шестьдесят вина, водки, пива. В пьяном чаду показывал толстую пачку денег. Хвастался, что пропил уже 400 рублей и может пропить еще столько же.

Здесь же, в Алма-Ате, его и арестовали.

Хотя преступная шайка была выловлена почти полностью, следствие еще продолжалось. Предстояло найти похищенные машины, число которых достигло двадцати трех, вернуть их законным владельцам и одновременно выявить тех, кто покупал эти машины, не задумываясь об их происхождении.

Это было не просто. Ведь, как правило, номера на машинах уничтожались, а взамен выбивались новые. Для установления подлинных номеров приходилось производить физико-техническую экспертизу. Только таким образом и удалось установить, что номера на двигателях, кузовах шасси выбиты не заводскими пуансонами, а кустарным образом.

Следствие интересовало все. Поскольку всякий раз, чтобы перегнать машину в ту же Эстонку, Шейхов и Подвезько брали отпуска за свой счет, следователи просмотрели все их заявления на имя администрации таксомоторного предприятия и установили, в какие дни они совершали перегоны. Анкетные листки гостиниц «Октябрьская», «Советская», «Россия» дали возможность узнать, что в Ленинград приезжали не только Чантурия и Циколия, но и Дарсалия. В свою очередь, такие же анкетные листки сухумской гостиницы «Тбилиси» подтвердили, что Шейхов, Подвезько и Генкин приезжали в Сухуми.

Установили также, в каких гостиницах останавливались они в пути. Наконец, следователи нашли сумку с приспособлениями для угона машин. Она хранилась у одной из знакомых Подвезько.

К концу следствия дело составило 25 томов. Одно лишь обвинительное заключение было написано на 300 страницах. Это был титанический труд. На суде присутствовали 114 свидетелей из Ленинграда и Сухуми, Лебедина и Алма-Аты, Зугдиди и Ахтырки, из сел Варча, Гульрипшского района Абхазской АССР, и

Ногири, Северо-Осетинской АССР, из Вендесена, Кизыл-Арватского района, и многих других мест.

Как во время следствия, так и на суде не раз подчеркивалось, что шайка, которую сколотили злоумышленники, была довольно «устойчивой» преступной организацией и поэтому особенно опасной. На скамье подсудимых оказались 10 человек. Все они были строго наказаны, как того и заслуживали.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕРСИЯ

Все началось так, как начинается нередко. 19 апреля 1972 года в кабинете старшего следователя прокуратуры Марченко раздался телефонный звонок. К следователю звонят часто — то из судебно-медицинской экспертизы, то из уголовного розыска. Нередко вызываемые на допрос свидетели спрашивают, когда им прийти. Но на этот раз звонил начальник следственного отдела прокуратуры Алексей Дмитриевич Васильев.

— Марченко? Чем вы сейчас заняты?

— Вычитываю после перепечатки на машинке обвинительное заключение. По делу о нарушении на кондитерском предприятии технологии производства пирожных.

— Отложите! — Голос начальника отдела звучал, как всегда, спокойно, но все-таки в нем можно было уловить что-то такое, что заставляло насторожиться. — Поедете вместе со мной на место происшествия.

— Что-нибудь серьезное?

— Да. Убийство. Причем двойное. В квартире на улице Достоевского. Убита женщина и ее десятилетняя дочь. Давно не было такого в нашем городе... Вести следствие будете вы.

Всегда, когда в Ленинграде случается какое-либо особенно серьезное, из ряда вон выходящее преступление, связанное с убийством, расследование обычно поручается или старшему следователю прокуратуры города Антифееву, или Марченко. Стало уже тривиальным, рассказывая о следователях, вспоминать знаменитого сыщика Шерлока Холмса, его ястребиный нос, твердый подбородок и пронизательные глаза, либо старика Мегрэ с его неизменной трубкой. Однако в данном случае сравнение с героями Конан-Дойля и Сименона не годится еще и потому, что, во-первых, Марченко не сыщик, а следователь, что не одно и то же, а во-вторых, женщина.

Представьте себе молодую женщину в очках, со светлыми пышными волосами, собранными в большой тяжелый узел, смелую, решительную, умеющую легко входить в контакт с людьми, и вы получите портрет младшего советника юстиции Нины Федоровны Марченко. Еще про Нину Федоровну можно сказать, что следовательская хватка у нее цепкая, чисто мужская — настоящий прирожденный криминалист. Ей поручается расследование именно таких преступлений, которые

направлены против личности и здоровья людей. Обычно в этих делах бывает мало доказательств, и их приходится собирать по крупицам, проявляя настойчивость, упорство, терпение.

Особенно трудными для следователя являются убийства, случившиеся где-нибудь на улице или во дворе. Все следы при этом бывают затоптаны множеством ног. Пойди определи, какие из них принадлежат преступнику, а какие тем, кто побывал на месте преступления после него. Когда же убийство совершается в квартире, то все предстает перед следователем в неприкосновенности, так, как оставил преступник. Но найти убийцу и в таком случае нелегко.

Вот и сейчас, сидя в мчавшейся на улицу Достоевского машине, позади начальника следственного отдела, Марченко думала: с чем-то ей придется столкнуться теперь? Сразу удастся получить в руки нужную нить или же дело перейдет в разряд тех, что носят у следователей название «глухие»? «Глухими» называются преступления, которые остаются некоторое время нераскрытыми. Их совсем немного, но они все же есть. Аккуратно перевязанные папки хранятся на полках сейфов, но это не значит, что ими не занимаются. Наоборот, каждое такое дело не выходит из поля зрения работников прокуратуры.

...У ворот дома № 14 на улице Достоевского стояли машины милиции, скорой помощи, несмотря на то что вмешательство последней уже, к сожалению, было бесполезным. Здесь же собралась довольно большая толпа, состоявшая из жильцов дома и просто прохожих, шедших мимо и узнавших о происшедшем. Как всегда в таких случаях, строили всевозможные догадки и предположения. Когда к воротам подъехала еще одна машина, толпа замолчала и с любопытством устремила взоры на выскочивших из нее людей, в том числе на женщину в красном пальто, с портфелем в руке, хотя

никому и в голову не приходило, что именно этой женщине и принадлежала теперь главная роль. Это ей надлежало разобраться в случившейся трагедии и дать ответ на вопрос: кто же ее виновник?

Марченко и ее спутники быстро пересекли тротуар, прошли под аркой и поднялись на четвертый этаж.

Здесь, в отдельной двухкомнатной квартире под номером 26, все еще, носило следы совершенного злодеяния. На полу в передней-коридоре, около батареи центрального отопления, касаясь левой рукой плитуса, лежала убитая девочка. На кухне — ее мать. Головы обеих были разможены каким-то тяжелым предметом, скорее всего молотком. В комнатах все было перевернуто, как это обычно бывает при грабеже, производимом поспешно, когда преступник боится, что его застанут на месте преступления, и торопится. Шкафы взломаны, и посуда из них выставлена на пол. Одежда, белье брошены где попало. Будильник с разбитым стеклом валяется под стулом, остановившиеся стрелки показывают 8 часов 30 минут. Среди этого хаоса осторожно, чтобы ничего не сдвинуть с места, ходили работники уголовного розыска. Они фотографировали квартиру, убитых. Комнаты то и дело озарялись яркими вспышками блица.

— Что вы установили? — спросила Марченко у одного из оперативников.

— Судя по всему, преступление совершено около недели назад. Соседи, правда, давно обратили внимание, что никто из обитателей квартиры номер двадцать шесть не подает признаков жизни, однако тревоги не забила. Полагали, что они уехали за город — в пансионат или санаторий.

— Кто первым обнаружил преступление?

— Зять убитой. Это произошло сегодня, девятнадцатого апреля. Он пришел вместе со своей женой — старшей дочерью погибшей. Они стали

звонить, стучать, и, так как им никто не открыл, зять взломал дверь, вошел в помещение и обнаружил трупы. Он же вызвал милицию и скорую помощь.

Подошел начальник следственного отдела:

— Я распорядился, чтобы прислали Андрея Борисовича Антифеева. Сейчас он приедет и поможет вам осмотреть место преступления. Пока же займитесь вместе с медиками осмотром трупов.

Хотя у следователя и вырабатывается известный «профессиональный иммунитет», однако он никогда, наверное, не в состоянии подавить в себе все эмоции. Особенно — женщина-следователь. Вот и сейчас, осматривая убитую десятилетнюю девочку, Нина Федоровна не могла справиться с охватившим ее волнением, с чувством негодования к тому извергу, который погубил ребенка, лишил его жизни. Даже насильственная смерть не смогла обезобразить милостивое лицо девочки. Марченко расстегивала на ней одежду, осматривала ее тело, раны на голове: длинные волосы девочки были обильно смочены уже подсохшей кровью. Так же подробно осмотрела Марченко и ее мать. Затем санитары положили трупы на носилки и повезли в морг. А Нина Федоровна и приехавший к тому времени Андрей Борисович Антифеев приступили к осмотру квартиры.

Если бы тот, кто незнаком с работой следователей, почитал хотя бы только протоколы осмотра мест происшествий, он бы понял, какой это сложный и кропотливый труд. Он длится часами, порой даже сутками. Ничего, ни одну мелочь не пропускаетследователь, от входных дверей шаг за шагом продвигаясь в глубь осматриваемой квартиры. Марченко и Антифеев тоже не пропускали ни одного предмета, находившегося в квартире на улице Достоевского. Они осматривали тарелки и чашки, салатницы и сахарницы, кофейники и чайники, одеяла и

простыни, рубашки и купальники, часы и книги, вазочки и карандаши, флаконы с духами и тюбики с губной помадой, все, что имелось в шкафах, на полках и на столах. При этом были сделаны неожиданные открытия.

Особенно любопытной оказалась находка, обнаруженная в банке с гречневой крупой. Запустив в нее руку, Марченко нащупала сверток. Она вынула его, развернула и обнаружила три полиэтиленовых мешочка, внутри которых находились сберегательные книжки. Две со вкладками по 1000 рублей, третья — на 5000, четвертая — на 1450. Далее Марченко извлекла из-под слоя крупы детские безразмерные носки, красные, с синими ромбиками, и детский же гольф белого цвета. В одном из носков находился массивный золотой портсигар, а в нем, в марлевой тряпочке, драгоценные камни. В другом носке и в гольфе хранились золотые наручные часы разных марок, обручальные кольца, броши, цепочки, браслеты, серьги.

Несколько предметов, найденных на кухне, особенно заинтересовали следователей. В ведре с мусором Нина Федоровна обнаружила штекер и кусок толстого синего телевизионного провода, а в тарелке на столе — билет на проезд в электричке до 4-й зоны и два окурка.

— Окурки... Откуда они в квартире, обитателями которой были только женщина да десятилетняя девочка? Не они же курили! — вслух, в раздумье, произнесла Марченко, разглядывая окурки с таким видом, словно они могли заговорить и дать ответ на вопрос.

Антифеев сразу понял, что имеет в виду его коллега.

— Да, конечно, эти окурки мог оставить тот, кто побывал в квартире и совершил убийство. Предположительно...

— А я разве утверждаю, что это именно так? Я ведь тоже только предполагаю. Что же касается штекера и этого куска провода, то они свидетельствуют о том, что здесь недавно чинили антенну...

«Немые свидетели!» Они, как правило, всегда фигурируют при расследовании таких преступлений, как убийство. Человеческая память не так уж совершенна. Порой она подводит. Человек может ошибиться в определении, скажем, цвета глаз или пальто, а вот «немой свидетель» точно наводит на след. Марченко могла бы вспомнить примеры из своей практики. Как-то раз ей поручили расследовать одно из «глухих» дел, и именно «немые свидетели» — окурки со следами зубов, а также пломба, сорванная убийцей с похищенного беличьего манто и брошенная на месте преступления, — превратились в руках следователя в доказательства, заставившие преступника сознаться.

Памятуя об этом, Марченко не торопилась прекращать поиски. Ей удалось найти общую тетрадь, полистав которую, она прочитала на одной из страниц загадочную запись: «Папа умер, учить больше некому» — и, наконец, в темном углу коридора, за дверью, обнаружила пластмассовую пуговицу, черную, круглую, плоскую, диаметром 2 сантиметра.

Был поздний час, когда Марченко завершила осмотр места происшествия. К какому же выводу она пришла? Все ждали от нее ответа.

— Ну, как? — спросил начальник отделения милиции. — Что будем дальше делать?

— Ничего я вам пока не скажу. Просто не знаю. Мне надо собраться с мыслями. Давайте отложим все на завтра!

Усталая приехала она домой. Муж и сын-третьеклассник уже спали. Чтобы не будить их, Нина Федоровна не стала зажигать свет. Походила немного в темноте по комнате, легла. Но сон не приходил. В

голове возникали разные мысли, и все были связаны с расследуемым преступлением...

Рано утром она уже была у себя в кабинете в прокуратуре.

У каждого следователя своя манера работы. Один, размышляя, любит стоять молча у окна. Другой ходит взад и вперед по кабинету. Третий пьет чашку за чашкой крепкий кофе. Марченко же нужно, чтобы все ее мысли были зафиксированы на бумаге. Она положила перед собой чистый лист и стала составлять перечень версий.

Закончив эту работу, Марченко пошла к начальнику следственного отдела. Это называлось «идти на доклад».

— Ну, что вы можете сказать? — спросил Алексей Дмитриевич.

— Пока очень немного. Ясно, на мой взгляд, лишь одно: убийство совершено с корыстной целью.

— Сколько же у вас версий?

— Три... Фактически две...

— Докладывайте!

Марченко положила перед собой исписанный со всех сторон лист бумаги и, заглядывая в него, стала рассказывать.

— Убитой — сорок шесть лет. Она — бывшая преподавательница французского языка. Была дважды замужем. Второго мужа год назад похоронила — он разбился, врезавшись на собственной машине в дерево. Первый муж жив, собирается уезжать за границу на постоянное местожительство. Виза на выезд и разрешение сменить подданство уже получены. Возможно, это он совершил преступление. Зная, что у его бывшей жены много денег и драгоценностей, мог пойти на то, чтобы ими воспользоваться. Такова версия номер один... Версия вторая. Преступление совершил механик телевизионного ателье или же иной человек,

чинивший антенну. О том, что кто-то из них приходил, свидетельствуют штекер и кусок провода, найденные в ведре с мусором. И, наконец, версия третья. К преступлению причастен какой-либо уголовник. Правда, версия эта отпадает. Выяснилось, что в городе просто-напросто нет такого лица, которое было бы способно на разбойное нападение, убийство. Установлено, что мать с дочерью вели замкнутый образ жизни, ни с кем не общались, в том числе и с соседями по лестнице, никого из посторонних к себе не пускали.

— Всё? — спросил Алексей Дмитриевич.

— Всё.

— Что ж, примем ваши версии и начнем отработку. Кто из мастеров приходил в квартиру чинить антенну, вы уже установили? Отлично! Пошлем старшего следователя Владимира Борисовича Муравьева его допросить. К бывшему мужу убитой направим Николая Ефимовича Дмитриева. А вы сами...

— А я займусь тем временем допросами старшей дочери убитой и ее мужа. Они уже пришли по моему вызову.

Людмиле было 23 года. Она работала в районном отделении банка, жила отдельно от матери. Большинство знакомых считали ее красивой. У нее было нежное, правда, несколько бледное лицо, но зато на нем особенно выделялись темные выразительные глаза. Черные волнистые волосы она распускала до плеч.

Ее муж — молодой инженер Борис Фридман — производил впечатление неглупого, начитанного человека. Он то и дело смущенно поправлял очки. Пальцы у него были тонкие, длинные. Такие пальцы обычно называют музыкальными.

Людмила рассказала, что в последний раз была у матери 13 апреля. После этого ни ее, ни сестренку Эдду больше не видела. Несколько раз приходила на улицу Достоевского: звонила, стучала, но никто не открыл.

Это беспокоило ее: не случилась ли какая-нибудь беда? 19 апреля Борис решил проникнуть в квартиру. Запасся длинной толстой веревкой и хотел было спуститься по ней с пятого этажа, проникнуть в квартиру № 26 через окно, но ему отсоветовали это делать — боялись, что еще сорвется и упадет. Тогда он просверлил в двери отверстие, просунул в него руку и таким путем открыл замок.

Борис Фридман подтвердил показания своей жены. Да, все так и было, как она рассказывает.

Марченко записала их показания на машинке, дала подписать. Людмила и Борис ушли.

После их ухода Марченко разыскала старшего следователя Дмитриева, которому была поручена отработка версии номер один — допрос бывшего мужа убитой.

— Николай Ефимович, необходимо выяснить, где был и что делал этот человек тринадцатого апреля. Сразу дайте мне знать, как только что-нибудь станет известно.

Дмитриев проявил исключительную оперативность. Спустя несколько часов он уже мог сообщить:

— Полное алиби. Я нашел свидетелей. Все они показали, что интересующий нас человек весь день находился дома, никуда не отлучался ни на минуту. И вообще, разойдясь со своей первой женой в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, он с тех пор ее ни разу не видел. Даже не знал, где она живет.

— Ясно! — ответила Марченко, хотя после того, как версия номер один отпала, яснее не стало. Наоборот, дело только больше запутывалось. — Спасибо, Николай Ефимович.

А после того как ничего не дала и версия номер два — телевизионный мастер тоже сумел доказать свою непричастность к преступлению, — Марченко подумала,

что если и дальше пойдет так неудачно, дело, которое она ведет, рискует попасть в разряд «глухих».

В любой работе могут быть неудачи. Бывают они и у следователя. Но следователь переживает их, как никто другой. Да и как не понять его состояние, если опасный преступник, способный совершить новое тяжкое злодеяние, еще находится на свободе, может быть бродит где-то совсем рядом, как дикий зверь, а он, следователь, несущий ответственность перед людьми, не в силах поймать его и обезвредить. Тут есть от чего потерять покой, и надолго. Нужно иметь большое мужество, чтобы не опустить руки даже в том случае, когда уже все, казалось бы, сделано и продолжать поиски бесполезно.

Марченко снова пошла к начальнику следственного отдела.

— Мне хочется произвести еще одну проверку.

— А именно?

— Сделать обыск в квартире дочери и зятя.

— Четвертая версия?

— Нет, скорее операция по очистке совести.

— Чьей?

— Моей собственной. Просто мне хочется быть уверенной, что эти люди ни в чем не виноваты. Чтобы можно было в дальнейшем им полностью доверять...

Появление следователя и сопровождающих его лиц — инспектора уголовного розыска, понятых — в квартире на улице Правды, где жили Людмила и Борис, было встречено с недоумением. Людмила резко сказала:

— Я удивляюсь вашей бестактности, товарищ следователь. Вы пришли делать обыск в такой тяжелый для нас момент. Неужели вы всерьез полагаете, что я и мой муж можем быть причастны к этому преступлению?

— Я этого не говорю.

— Вместо того чтобы искать настоящего преступника, вы тратите время на ерунду, оскорбляете

и травмируете ни в чем не повинных людей.

— Не обижайтесь, Людмила, — мягко ответила Марченко. — Поймите меня правильно. Действия следователя можно уподобить кругам на воде. От центра круги расходятся все дальше и дальше, захватывая все большее пространство. Так и в нашем следовательском деле. Мы тоже начинаем всегда с центра, с того, что ближе всего, а потом расширяем круг своих действий, охватывая ими все большее число людей. Поняли?

— Товарищ следователь прав, — вмешался Борис. — Он должен произвести обыск. Это ведь простая формальность.

— Начинайте, Иван Алексеевич, — обратилась Марченко к инспектору уголовного розыска Лаптеву. — А к вам, Борис, у меня будет все-таки вопрос: что означают эти таблички у вас на дверях?

— Вы имеете в виду эти? — чуть улыбнулся Борис, смущенно показывая на дверь комнаты. С наружной ее стороны висела табличка, на черном фоне которой золотыми буквами было начертано: «Заведующий аспирантурой», с внутренней: «Заведующий кафедрой».

— Да, эти.

— Простая студенческая шутка.

— А может быть, мечты честолюбца? Ведь в каждой шутке есть доля истины. Так, кажется, сказал какой-то философ?

Разговаривая, Марченко в то же время осматривала помещение, вещи.

Она открывала шкапулки, коробки, ящики письменного стола, перелистывала книги.

В комнату вошел Лаптев, производивший обыск в коридоре. В руках он держал деньги — три купюры по 25 рублей. На лице его отражалось удивление.

— Поглядите, Нина Федоровна, что я нашел за сбиями.

— Чьи это деньги? — спросила Марченко у присутствующих.

— Мои, — спокойно ответил Борис.

— Почему вы их держите за обоями?

— Потому что это заначка.

— Заначка? — воскликнула Людмила. — Но ведь ты этого раньше никогда не делал.

— Не волнуйся, зайка, — обратился к ней Борис. — Просто я хотел сделать тебе сюрприз. Купить что-нибудь в подарок. Ведь скоро Первое мая.

— А теперь, Иван Алексеевич, помогите мне с посмотреть вещи в шкафу, — сказала Марченко Лаптеву.

Инспектор открыл шкаф. В нем висели разные носильные вещи: шубка Людмилы, ее демисезонное пальто, плащ-пальто Бориса, темно-синий, на поролоне. Иван Алексеевич опустил руку в карман плаща-пальто, что-то там долго нащупывал, а затем зажал в горсти и вытащил. Марченко еще не видела, что это было. Но она почему-то инстинктивно подумала: вот сейчас Иван Алексеевич откроет кулак, и она увидит перед собой то, что прольет свет на обстоятельства дела.

Так оно и оказалось. Лаптев разжал пальцы, и Нина Федоровна увидела на его большой широкой ладони пуговицы. Они были черные, круглые, плоские. Точно такие, какой была пуговица, которую Марченко нашла в квартире на улице Достоевского.

— Тут еще и квитанция имеется, — проговорил Иван Алексеевич. — От четырнадцатого апреля тысяча девятьсот семьдесят второго года. На срочную чистку плаща-пальто. Потому-то пуговицы и срезаны. С пуговицами, как известно, в химчистку не принимают. Только квитанция почему-то выписана на фамилию Леонидов.

Марченко как молнией осенило:

— Леонидов! А вы — Фридман Борис Леонидович! Нехитрая же, прямо скажем, маскировка. Скажите, для

чего вам понадобилось отдавать этот плащ-пальто в чистку? Да еще срочную?

— Чтобы отгладить борта, которые помялись, пока плащ-пальто висело всю зиму в шкафу. Да уж не хотите ли вы сказать, что я причастен к этому убийству? — полушутливо воскликнул Борис, и его лицо чуть-чуть порозовело.

— Здесь только шесть пуговиц, — сказала Нина Федоровна, — а должно быть семь. Где же седьмая?

— Наверное, потерял. А вот когда именно — не скажу. Не знаю. Уже тогда, когда я в ателье срезал их с плащ-пальто, одна пуговица, та, что была на хлястике, отсутствовала. Может быть, я потерял ее в автобусе? Знаете, когда я езжу на работу, в автобусе всегда бывает много народу. Давка, теснота. Долго ли потерять пуговицу!

— Попрошу вас, Борис Леонидович, одеться, — сказала Марченко. — Вы поедете сейчас со мной в прокуратуру.

...Позже, вспоминая об этих пуговицах, Марченко думала: что было бы, если б обыск на месте преступления она провела не столь тщательно? Весьма возможно, что пуговица, которую она тогда нашла, так бы и осталась незамеченной. А не заметить было очень легко.

Ведь не нашел же ее сам преступник, который первым, еще до следователей, вошел в квартиру и, несомненно, тоже искал пуговицу, хотя и не был абсолютно уверен — там ли он ее потерял. А найди он, тогда бы не было самой главной улики. И, кто знает, сколько бы еще пришлось заниматься раскрытием этого дела.

Фридман, однако, ни в чем не сознавался.

— Поглядите на меня — разве я похож на убийцу? — твердил он. — Разве такие бывают убийцы?

— Тем не менее я вас задерживаю, — сказала Марченко. — По подозрению в совершении преступления.

— Не имеете права. Где у вас санкция прокурора на мое задержание?

— Вы плохо знаете законы. Органы дознания и следствия вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, на двадцать четыре часа. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Статья сто двадцать два. Пункт третий. Основание? Если на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Домой Фридман больше не вернулся. Эксперты обнаружили на кромке левого рукава и на правой поле его плаща-пальто следы крови. Кровь оказалась и на его меховой шапке, и на туфлях, и на майке, и даже да волосах.

В ящике с разными инструментами, стоявшем в коридоре квартиры, где жил Фридман, был найден молоток без рукоятки, и на нем также была кровь, правда в ничтожном количестве, — видно, ее тщательно отмывали.

Опрошенная следователем приемщица ателье вспомнила, как выглядел человек, приносивший 14 апреля в срочную чистку мужское темно-синее плащ-пальто, и описание, которое она сделала, совпадало с приметами Бориса Фридмана.

С особенным нетерпением дожидалась Марченко, что скажут следователи по поводу пуговиц. Заключение криминалистов было таково: все пуговицы — и те, что находились срезанными в кармане плащ-пальто, и та, которую следователь подобрала в квартире, где произошло убийство, совершенно одинаковы как по материалу, так и по цвету, по форме, по размерам. Эксперты даже разложили на составные элементы имевшиеся на пуговицах пылевидные наслоения.

Почему Марченко придавала столь большое значение пуговицам? Да потому, что они являлись тем самым «немым свидетелем», который с неопровержимой убедительностью подтверждал, что в квартиру на улицу Достоевского приходил именно зять убитой.

Нет, он не мог долго отрицать свою вину. Еще никогда ни один преступник не мог вести психологический поединок со следователем, в руках у которого имеются «железные доказательства» его вины. Победа всегда остается на стороне следователя, пусть это даже не широкоплечий, физически сильный мужчина, каким обычно его представляют неискушенные люди, а такая, как Нина Федоровна Марченко, молодая хрупкая женщина.

Ну, а тот, кто из подозреваемого стал отныне обвиняемым?

Что представлял собой он? Признав свою вину, Борис Фридман подробно рассказал, как он задумал убить тещу и Эдду, как, направляясь утром 13 апреля на работу, положил в портфель молоток и отвертку.

Вечером, по пути домой, он позвонил теще из телефонной будки, сказал, что сейчас к ней придет. Было минут двадцать шестого, когда преступник уже стоял перед дверью квартиры № 26 на улице Достоевского. Теща, перед тем как открыть, спросила: «Кто?» — и только после того, как убедилась, что это зять, впустила его. Не снимая ни шапки, ни плащ-пальто, ни перчаток, Борис прошел вслед за ней на кухню и тут же со всей силой нанес женщине страшный удар по голове молотком, за ним другой, третий. И так же хладнокровно расправился с маленькой девочкой, выбежавшей на шум из комнаты, где она делала уроки.

После этого убийца взломал отверткой шкафы, разбросал вещи, чтобы создалось впечатление, будто в квартире побывал грабитель, искавший ценности. Для пущей убедительности положил на стол два окурка,

которые подобрал на улице около телефонной будки, билет на электричку. Пол в коридоре полил хлорофосом, полагая, что это помешает собаке-ищейке взять след. Стрелки будильника перевел на половину девятого. Словом, действовал, как самый опытный рецидивист, — расчетливо, продуманно. После тщательно закрыл наружную дверь на ключи и пошел домой. Он ничего не взял, в квартире, кроме 100 рублей, обнаруженных им в сумочке тещи. Из четырех купюр по 25 рублей одну он разменял, остальные спрятал под обоями.

В тот же вечер он пошел с женой погулять, а заодно купить для хозяйства кремосбивалку. По пути зашел в туалет на углу Невского и Фонтанки и выкинул там ключи. На другой день тщательно почистил ацетоном брюки, а плащ-пальто отдал в химчистку, чтобы уничтожить следы крови. Перчатки бросил в Фонтанку с моста Ломоносова, рукоятку от молотка и отвертку — в Мойку. Портфель, предварительно изорвав, сунул в бак для мусора во дворе НИИ, в котором работал.

Показания преступника записывались на магнитофон. Нину Федоровну, естественно, интересовало, что толкнуло Бориса Фридмана на убийство.

— Желание овладеть имуществом тещи, разбогатеть, — ответил он.

— Разбогатеть? Ведь вы и Людмила работали. Детей у вас нет. Разве вам недостаточно было тех денег, которые вы, молодые специалисты, получали? Их было не так уж мало. Хватало не только на прожиточный минимум, но и на покупку вещей.

— Мне хотелось жить еще лучше. Вы ведь видели мою жену. Она — красивая, к тому же избалованная. Она всегда стремилась хорошо одеваться. Ей нужно было много вещей. А это требует больших затрат.

— Значит, все дело в вашей жене?

— Да! И, если хотите знать, это она подбивала меня на убийство своей матери и сестры.

И торопливо, словно боясь, что ему не поверят, Борис Фридман качал выкладывать факты, компрометирующие его жену. То она взяла у себя на работе вазу, думая, что она фарфоровая, дорогая, в то время как на самом деле оказалась обыкновенным фаянсом, то якобы украла у своей подруги туфли. Он «топил» Людмилу, свою «зайку», пытаюсь представить ее соучастницей преступления. Однако сделать это ему не удалось.

Людмиле дали прослушать магнитофонную ленту с записанными на ней показаниями мужа, и она без особого труда опровергла все его измышления. Им устроили очную ставку, и, встретившись лицом к лицу с женой, преступник не выдержал. Опустив глаза, теребя пуговицы нервно вздрагивающими пальцами, он признался: все, что говорил о жене, о том, что будто бы она знала об убийстве, готовила его вместе с ним, — ложь.

— Я ничему не удивляюсь, — сказала Марченко Фридману, — ваша натура мне абсолютно ясна. Вы даже ни в чем неповинную, близкую вам женщину готовы оболгать, только бы смягчить свою участь, извернуться, уйти от ответственности. Женщину, о которой говорили, что любите ее...

— Мне просто страшно становится от мысли, что я три года прожила с этим человеком и не знала, что он собой представляет! — воскликнула Людмила.

— Я вас понимаю, — сказала Марченко.

Каждого следователя интересуют психологические корни того или иного преступления. Почему, скажем, Борис Фридман, нормальный, казалось бы, человек, получивший воспитание в обыкновенной трудовой советской семье, окончивший институт, получивший интересную работу в НИИ, вдруг пошел на

преступление? Выяснению этого Марченко посвятила один из допросов.

— Помните, Нина Федоровна, — доверительно произнес Фридман, — как, придя к нам в квартиру с обыском, вы вскользь обронили замечание по поводу табличек на дверях? Глядя на них, вы спросили у меня: «Что это? Мечты честолюбца?» Вы очень верно подметили. Да, по характеру я — честолюбец. Мне хотелось стать заведующим кафедрой, аспирантурой, получать много денег. Но пока у меня ничего не было, кроме красивой жены. Ее внешность удовлетворяла моему тщеславию, мне было приятно, что Людмила прекрасно смотрится со стороны. Но в то же время я боялся, что она со своими данными может сделать более блестящую партию, уйти от меня к другому мужчине, который обеспечит ее всем. Я боялся этого. А Людмила, ни о чем не подозревая, только подливала масла в огонь, заявляя в шутливой форме: «Таких, как ты, — на пяточок пучок». Это было ее любимой поговоркой.

Мне не хотелось, чтобы жена, пусть даже в шутку, говорила так обо мне. Я хотел доказать ей, что тоже кое-чего стою. Я завидовал второму мужу моей тещи. Этот на редкость ограниченный, бездарный человек, обыватель до мозга костей, сам себя называл подпольным миллионером и, видимо, таковым и был в действительности. Никакими другими достоинствами он не обладал. Любил только машину (у него была «Волга» старого образца) да в известной степени Эдду. Машину даже, пожалуй, больше, чем дочь. И еще любил индийские фильмы, во время просмотра которых плакал.

И я стал думать: почему этот человек имеет деньги, может позволить себе все, а я — нет? Постепенно у меня возникла идея — достать много денег, достать любым путем, пусть даже преступным. И тогда я

разрешу все свои проблемы. Короче, я решил пойти ва-банк. Или я буду иметь все, что мне нужно для полного счастья, или же погибну. Все или ничего!

— И вы решили пойти ва-банк? — перебила Марченко, внимательно слушавшая откровенные признания преступника.

— Да! Как-то, идя на работу, я подумал: почему, бы мне не убить тещу, которую, признаться, не очень любил, и Эдду? Тогда бы я завладел всеми вещами и деньгами. Они перешли бы к моей жене как единственной законной наследнице, а через нее и ко мне. Эта мысль завладела мной. Убийство я совершил в четверг, но уже начиная с понедельника носил в портфеле молоток. Все эти дни я психологически находился в плену своей идеи. Как Родион Раскольников из «Преступления и наказания», я решил «перешагнуть через кровь». Кстати, о Достоевском. Теща жила на улице его имени. Не кажется ли вам, что в этом есть что-то роковое, мистическое?

Еще тогда, когда я звонил теще из телефонной будки, я мог бы отказаться от осуществления своего преступного намерения. Однако ранее принятое твердое решение взяло верх. Я уже представлял себя владельцем отдельной квартиры, и мебели из красного дерева, и всех вещей тещи — ее шуб, ваз, сервизов, золотых колец, серег, брошей. Я уже был близок к получению «крупного выигрыша». Но хотя я, кажется, все сделал, чтобы запутать следствие, все-таки в самый последний момент проиграл. Мне надо было уничтожить плащ-пальто, а я пожадничал, пожалел с ним расстаться, и это выдало меня. Теперь я на собственном опыте понимаю — вас, следователей, провести необыкновенно трудно. Я бы даже сказал: просто невозможно. Какая-то мелочь, пуговица или иная вещь, выдает все-таки преступника...

Убийца и дальше пытался морализировать, философствовать. Он бормотал что-то о «фатальности смерти», о пресловутом «комплексе неполноценности», но Марченко понимала, что все это одно кривлянье. Он изворачивался, пытаясь спасти свою жизнь, в то время как еще совсем недавно, не дрогнув, шел лишать жизни тех, кого наметил в свои жертвы. И все — ради денег, обывательского представления о счастье.

Совершив убийство близких жены, он спокойно явился домой, с аппетитом поел, потом отправился с Людмилой покупать кремосбивалку, чтобы, когда будут приходить гости, угощать их пирожными. Так же он был хладнокровен и когда, спустя несколько дней, пришел с Людмилой на улицу Достоевского вскрывать дверь, за которой, как он знал, лежат трупы убитых им людей.

Он вскрывал дверь, а Людмила сидела на батарее центрального отопления лестничным маршем ниже. Стук, который производил Борис, отдавался по всей лестнице гулким эхом. Привлеченные шумом, вышли из своих квартир соседи. «Ну, скоро ли ты?» — нетерпеливо крикнула мужу Людмила. «Еще минут пятнадцать придется повозиться, — ответил он. И добавил: — Только ты пока не подходи».

Потом он открыл дверь и вдруг закричал каким-то не своим голосом. И все находившиеся в этот момент на лестнице в страхе отпрянули, поняв, что он обнаружил нечто ужасное. Но никому и в голову не пришло тогда, что крик, который издал Борис, был притворным...

* * *

Суд приговорил его к высшей мере наказания.

«ЗОЛОТЫЕ» ШПИЛЬКИ

Шпильки-заколки... Не найдется, пожалуй, женщины или девушки, которая обошлась бы без этих предметов в своем туалете. Не имея «невидимок», не сделаешь как следует прически. Заколки нужны, чтобы держались локоны. Что такое в сущности шпилька? Кусочек железной проволоки. И стоит она копейки. А бывают ли золотые шпильки? Вопрос далеко не праздный. Ответить на него можно так: бывают! О них-то и пойдет наш рассказ. Только начнем мы его не с начала, а с конца. С того, чем все это закончилось...

1 февраля 1969 года старшего следователя Управления внутренних дел Ленинграда и области капитана милиции Владимира Васильевича Ананьева вызвал к себе начальник и сказал, что надо немедленно вылетать в Краснодар.

— Зачем? — спросил Ананьев.

— Там на местном рынке спекулянтов задержали. Наших, ленинградцев.

— Чем же они спекулировали?

— Мохеровыми шарфами...

Через несколько часов Ананьев уже сидел в кресле самолета.

Куда только не забрасывает беспокойная следовательская судьба! Время у следователя порой измеряется не днями, а часами. Интересно, как бы чувствовали себя в наши дни герои, которых любил описывать Антон Павлович Чехов, ездившие на следствие в колясках, везомых неторопливыми лошадками?..

С задержанными капитан милиции Ананьев встретился в Краснодаре в пикете Северного рынка.

Первой перед старшим следователем предстала женщина лет сорока, чуть ниже среднего роста, с приятным лицом, с колечками золотистых волос, выбивавшихся из-под шапочки. На ней было пальто с норковым воротником, черные щегольские сапожки на высоких каблуках. Она слегка раздумянулась, что можно было объяснить внутренним волнением, а также тем, что в помещении пикета было несколько душновато.

— Имя, отчество, фамилия?

— Зоя Александровна Дорохова.

— Где вы живете в Ленинграде?

— На улице Карпинского... Не понимаю, за что меня столько времени держат! Что я преступного сделала?

— Сейчас разберемся. Тем более что сам я тоже из Ленинграда. Ваш, можно сказать, земляк. Так каким образом, Зоя Александровна, вы попали на рынок в Краснодаре и что здесь делали?

— Продавала кое-какие детские вещи.

— Что за вещи? Точнее!

— Рейтузики, колготки... Трикотажные костюмчики...

— Откуда они у вас?

— Привезла в подарок детишкам сестры. А им эти вещи оказались малы. Вот я и решила продать. Не везти же обратно!

— У вас здесь, в Краснодаре, сестра?

— Да... двоюродная...

— А вот Анна Анисимовна Ладина, которая тоже торговала в этот день вещами на рынке, показывает: «Женщина, стоявшая рядом со мной, сказала, что приехала в Краснодар на похороны дяди». Речь идет о вас, Зоя Александровна. Так кто же у вас в Краснодаре — дядя или двоюродная сестра?

— Сестра...

— Почему же вы придумали про дядю?

— Не буду же я объяснять незнакомому человеку, что и как. Сказала про дядю просто, чтобы отвязались.

— Та же Ладина уточняет: вы стояли, повесив на руку пушистый светло-коричневый шарф, привлекая этим внимание покупателей. Оказывается, кроме детских вещей у вас еще были и пушистые шарфы. Иными словами, мохеровые...

— Вот уж и шарфы... Всего один...

— Вы опять, Зоя Александровна, мягко говоря, не точны. Вы успели продать на рынке не один, а по крайней мере четыре шарфа. Люди, купившие их у вас, установлены, опрошены. Вот их показания, можете ознакомиться. Кроме того, с вами на рынке был ваш муж, Сергей Георгиевич Порохов. Правда, сам он вещами не торговал, стоял в стороне, но время от

времени подходил к вам, передавал шарфы, а вы отдавали ему деньги, вырученные от продажи. Его тоже задержали, как и вас. При нем находилось семь шарфов, о чем составлен соответствующий протокол. Итак, вы утверждаете, что в Краснодаре живет ваша двоюродная сестра. Назовите в таком случае ее фамилию и адрес...

Говоря о «двоюродной сестре», Зоя Александровна имела в виду Раису Петровну Королеву. Пороховы действительно приехали к ней, остановились в ее доме. Но они не были между собой в родстве. Связывало их кое-что другое. Это капитан милиции Ананьев понял, посетив уютный, со вкусом обставленный кирпичный домик, в котором жила Раиса Петровна. В одной из комнат поблескивало черным лаком новенькое пианино. Здесь же стоял на тонких изящных ножках телевизор «Рубин-106». За стеклами серванта поблескивала позолотой дорогая посуда. Обстановку дополняли ковры, мягкие диваны и кресла. Словом, все в доме свидетельствовало о том, что заведующая магазином Королева живет в достатке.

Ананьев пришел к Королевой не один. Его сопровождали работники краснодарской милиции, понятые.

— Добрый день, Раиса Петровна! Принимайте гостей. Правда, вы нас не ожидали.

— Что вам от меня нужно?

— Нас интересуют вещи Зои Александровны Пороховой, приехавшей с мужем из Ленинграда и остановившейся у вас. Предъявите их нам.

— Вещи не мои. Как же я могу предъявить их вам без разрешения хозяев. Это будет противозаконно.

— Неужели вы полагаете, Раиса Петровна, что мы пришли к вам с пустыми руками, не имея соответствующего документа? Это было бы по крайней мере наивно. Вот разрешение краснодарского

прокурора на обыск. Так что хотите вы или не хотите, а мы его сделаем.

Открыв чемоданы Пороховых, Ананьев увидел, что они набиты множеством вещей. Всего супруги привезли в Краснодар 15 мохеровых шарфов, 10 детских колготок, 6 костюмов из орлона, кофты, плащи. Все эти вещи предназначались для продажи на рынке с рук.

Поскольку Королева оказалась связанной со спекулянтами, решили заодно произвести осмотр и магазина, которым она заведовала. Здесь на одной из полок нашли коробки со шпильками-«невидимками». Ни по каким документам они среди товара не числились. Эти шпильки, а также листки бумаги с расчетами, сделанными Королевой, заинтересовали Ананьева. Он вызвал ее на допрос.

— Обычно шпильки для волос покрывают черным лаком. Не правда ли? — сказал он. — Вот и в вашей прическе я вижу такие шпильки. А те, что оказались в вашем магазине, почему-то некрашеные. У меня есть подозрение, что это не заводская продукция. Откуда она у вас в магазине, Раиса Петровна? Советую быть откровенной. Так лучше.

— Хорошо! Я все вам расскажу. Эти шпильки — левый товар. Его доставляли в Краснодар все те же Пороховы.

— И много было этого товара?

— У вас имеются мои записи.

— Но без вашей помощи их не расшифровать. Что означают, например, эти цифры?

— Количество полученного и проданного. Счет, как видите, шел на десятки тысяч. А это — суммы денег, вырученных от реализации. «Невидимки» у нас в Краснодаре дефицитный товар, поэтому спрос на них большой. Одни девчонки с Краснодарского хлопчатобумажного комбината сколько их у нас

покупали! И никто не подозревал, что это — левый товар.

— Когда вы познакомились с Пороховыми? И как?

— Это было в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Познакомила меня с ними Мария Емельяновна Козырева...

На пляже в Анапе очутились рядом две женщины. Одна из них была с дочерью. Пока девочка вместе с другими детьми плескалась в теплых ласковых волнах, женщины, лежа на берегу под горячими лучам и черноморского солнца, разговорились. Вскоре они уже представлялись друг другу:

— Зоя Александровна Порохова.

— Мария Емельяновна Козырева.

— Очень приятно! Вы из каких будете мест?

— Из Краснодара. А вы?

— Из Ленинграда.

— Вы кем, если не секрет, работаете?

— Признаться, моя работа ничего особенного собой не представляет. Кочегар я, на фабрике металлической и пластмассовой галантереи. Впрочем, больше числюсь кочегаром, чем работаю. За меня мой муженек трудится. А я главным образом отдыхаю. Как видите, даже в Анапу приехала вместе с дочкой. Скоро и муж сюда прибудет в отпуск. А вы кем и где работаете?

— Заведую в Краснодаре промтоварным киоском.

Сообщение о том, что Козырева имеет отношение к торговле промтоварами, явно заинтересовало Дорохову. Глаза ее заблестели. Она взглянула, на часики и воскликнула:

— Ого! Уже второй час? Пора идти обедать. Здесь, неподалеку от пляжа, есть неплохое кафе. Может быть, хотите составить компанию?

— С удовольствием! — ответила Козырева.

Так завязалось их знакомство. Оно перешло в тесную дружбу. Когда в Анапу приехал муж Пороховой — Сергей Георгиевич, Зоя Александровна представила ему Козыреву как свою близкую приятельницу.

— Мария Емельяновна в промтоварном киоске работает, — сказала она, делая ударение на слове «промтоварном».

Когда пришла пора расставаться, новые знакомые обменялись адресами. Пороховы пригласили Козыреву в Ленинград, а она их — в Краснодар.

Супруги не замедлили воспользоваться приглашением. Через некоторое время. Зоя приехала в Краснодар. Прямо с вокзала явилась к Козыревой в дом с какой-то большой коробкой. Но не подарок это был для Марии Емельяновны. В коробке содержалось кое-что другое, о чем Зоя поведала после завтрака.

— Вы знаете, что у меня в этой коробке? Заколки для волос, «невидимки». Я слышала, что они у вас в Краснодаре пользуются большим спросом. Может быть, возьмете этот товар и продадите в своем киоске? Деньги поделим так: нам с мужем — шестьдесят процентов, вам — сорок...

Козыревой неудобно было отказывать такой «приятной» женщине, как Порохова. Впрочем, и при иных условиях она бы не отказала. «Левый» товар был для нее не в новинку. Время от времени на прилавке киоска, которым она заведовала, появлялась продукция Краснодарской парфюмерной фабрики, извлекаемая ею из... тайника, устроенного в диване. Но одно дело духи и одеколоны «Сочи», «Лазурный берег», «Кубанская весна», «Цветы Кубани», а другое — шпильки для волос. Они в ассортименте предметов, которыми торговал киоск, не значились и, следовательно, при первой же ревизии могли доставить Марии Емельяновне крупные неприятности. А рисковать ей не хотелось.

Однако отказать Пороховой она тоже не могла. И взяла на себя миссию поговорить с кем-либо из торговых работников Краснодара: может быть, найдутся желающие взять «левый» товар. Так она свела Дорохову с заведующей магазином Раисой Петровной Королевой и ее подчиненной Таисией Андреевной Галаевой. Те согласились заняться сбытом шпилек. А вскоре посредничество Козыревой больше не понадобилось. Пороховы наладили с Королевой прямой контакт.

Ананьев поначалу и не подозревал, что ниточка, которую он ухватил, была кончиком большого, хитро сплетенного клубка. А потом понял, что скоро из Краснодара не уедешь. Пришлось просить о продлении командировки.

Установив, что Пороховы занимались не только спекуляцией мохеровыми шарфами и детскими костюмчиками, но и сбытом «налево» заколок и шпилек для волос, Ананьев дал в Ленинград телефонограмму:

«Прошу произвести обыск у вышеуказанных лиц. Обыск санкционирован прокурором Краснодарского края. Одновременно прошу произвести инвентаризацию на фабрике металлической и пластмассовой галантереи».

Обыск в квартире Пороховых на улице Карпинского производила старший следователь Элеонора Вадимовна Столяренко. Ей удалось обнаружить коробки с «невидимками», уличавшие Сергея Георгиевича и Зою Александровну в преступных делах.

В тот момент, когда Столяренко вместе с сотрудниками милиции и понятыми находилась в квартире, раздался звонок. Один из оперативных

работников открыл дверь. На пороге стояла девушка-почтальон.

— Телеграмма!

— Кому?

— Пороховым.

— Откуда?

— Из Анапы.

— Хозяев дома нет. Ввиду их отсутствия телеграмму примем мы. Спасибо. Где расписаться?

Девушка ушла. Столяренко вскрыла телеграмму. Текст ее гласил:

«Вылетайте срочно Таня тяжело больна Римма».

— Кто такая Римма? — спросил на очередном допросе Ананьев у Пороховых. — Римма из Анапы?

— Женщины с таким именем среди наших знакомых в Анапе нет.

— А Таня?

— Таня... Есть в Анапе одна Таня... Татьяна Петровна Левченко, продавщица магазина Анапского курортторга.

— В телеграмме говорится, что она тяжело больна.

Проверка показала, что Левченко — жива-здорова. Телеграмму о своей мнимой болезни дала она сама. Подписалась вымышленным именем: «Римма». Это была шифровка. Так Левченко давала знать Пороховым, что ее дела обстоят плохо. Надо срочно прилетать в Анапу и забирать обратно товар, пока о нем не узнали в ОБХСС. Увы, Левченко никак не предполагала, что Пороховы уже арестованы и что ее телеграмма попадет в квартиру на улице Карпинского как раз в тот момент, когда там производился обыск. Фатальное невезение!

Оно началось в тот день, когда в павильоне на рынке, в котором Левченко работала продавщицей, приобрела два мотка тесьмы — один белый, другой зеленый — пенсионерка Валентина Ивановна Сычева.

Левченко получила с нее 2 рубля — по рублю за моток. Сделав покупку, Валентина Ивановна направилась домой, но по пути зашла в магазин на улице Ленина, чтобы купить капроновую ленту для внучки. Здесь под стеклом прилавка она увидела тесьму, точно такую, какую только что приобрела в павильоне на рынке. Но в магазине тесьма стоила 78 копеек за моток, в то время как в павильоне — рубль.

— Почему такая разница в цене? — обратилась Валентина Ивановна к стоявшей за прилавком девушке в рабочем халатике.

— Откуда я знаю! — недовольно вскинула та узенькие, подбритые бровки. — У нас цена — государственная.

— Разница всего в несколько копеек, подумаешь! — сказал кто-то из покупателей, стоявших у прилавка.

— А если взять пятьдесят мотков тесьмы? Сто мотков? Сколько это получится! Уже не копейки! — возразила стоявшая тут же женщина.

Валентина Ивановна подумала, что женщина эта права, и решила пойти в Анапский курортторг. Ее внимательно выслушали, удивились загадочному повышению цен на тесьму, поблагодарили и пообещали разобраться.

В тот же день работники курортторга пришли на рынок. Павильон был закрыт. За стеклом витрины виднелся ценник на тесьму. На нем рукой Левченко было написано: «1 р.». Таким образом, работники курортторга могли лично убедиться, что покупательница права.

Сотрудники торга стали ждать прихода Левченко. Но она так и не открыла больше в тот день павильон.

Увидев издали представителей торго и догадавшись, что они явились не без причины, продавщица скрылась. Не пришла она и на другой день. Только после настойчивых требований согласилась наконец открыть павильон. Но как только вошла в него, схватила ценник на тесьму и порвала.

Работники торго опешили.

— Что вы делаете? Почему порвали ценник?

— Это не ценник.

— А что же?

— Это я записала, чтобы не забыть, сколько денег взяла из выручки на обед.

— Объяснение не очень убедительное.

— Ах вот вы как рассуждаете? Хотите подкоп под меня устроить? Уличить в чем-то? Не выйдет! В таких условиях я не могу работать у вас, отказываюсь. Давайте расчет!

Прежде чем отпустить Левченко из торго, в павильоне произвели проверку и под прилавком, на полках обнаружили предметы, не числящиеся ни в каких документах: бусы, тесьму... Особенно много оказалось шпилек и заколок для волос. Левченко отказалась сообщить что-либо об их происхождении. Тогда сотрудники ОБХСС произвели обыск у нее в квартире. Они обнаружили в абажуре торшера 190 капроновых лент, в шкафу — большое количество пуговиц, сережек и две объемистые коробки, доверху наполненные «невидимками». В сарае, за мешками с цементом, были спрятаны коробки с браслетами.

— Зачем вы прятали все эти вещи? — задали Левченко вопрос. — Каково их происхождение и назначение?

И пришлось Татьяне Петровне обо всем рассказать.

Ее знакомство с Пороховыми также состоялось в Анапе. Зоя Александровна подошла к павильону на

рынке и без всяких обиняков спросила: не возьмется ли Левченко реализовать бусы?

— Какие бусы? — поинтересовалась Левченко.

— Вот эти, — сказала Зоя и вытащила из сумки несколько ниток. Бусы свешивались с ее ладони, заманчиво сверкали на солнце.

— Не знаю, — ответила Левченко. — Надо будет посоветоваться с моей заведующей Ольгой Ивановной Шилиной. — Что она скажет?

Ответ был положительный. Скоро бусы, принесенные Зоей Александровной, появились в витрине павильона.

Но бусы шли плохо, и тогда Порохова принесла браслеты. Однако самым ходким товаром, как и в Краснодаре, оказались шпильки и заколки.

По приглашению Зои Александровны и Сергея Георгиевича Пороховых Левченко несколько раз приезжала в Ленинград. Останавливалась у них на улице Карпинского. Обрато уезжала не с пустыми руками. Она везла с собой в качестве ленинградских «сувениров» коробки с «невидимками». Заодно прихватывала и еще кое-какой товар — серьги, цепочки, тесьму, игральные карты...

Шилина, увидев такое обилие «левого» товара, запротестовала:

— Ты, Татьяна, никак с ума сошла?

— Не бойся, Ольга Ивановна, мы осторожно.

— Нет, нет, хватит с нас шпилек да заколок!

Через некоторое время Левченко опять поехала в Ленинград. На этот раз не одна. Ее сопровождал некто Анатолий Кириенко. Прожили они в Ленинграде с неделю. Обрато Татьяна повезла чемоданы, набитые чем-то тяжелым. Анатолий помогал их нести и все удивлялся, почему они такие тяжелые.

— Что ты везешь? — спрашивал он у своей спутницы.

Но та уклонялась от ответа, отшучивалась: дескать, решила заняться тяжелой атлетикой и с этой целью приобрела гантели и гири...

О том, что на самом деле было в чемодане, Анатолий узнал не от Левченко, а от старшего следователя Ананьева, к которому ему пришлось явиться в качестве свидетеля: оказывается, там были шпильки для волос. Только тут и узнал Анатолий, что красивая загорелая Татьяна проходит одним из основных обвиняемых по уголовному делу.

Шпильки-булавки... Одних только «невидимок» попало на прилавки в качестве «левого» товара более миллиона. Откуда же они взялись, да еще в таком количестве?

Занимался их хищением, причем прямо с производства, Сергей Порохов, кочегар Ленинградской фабрики металлической и пластмассовой галантереи.

Сам Порохов подробно объяснил следственным органам, каким образом он встал на преступный путь.

Деликатно покашливая в кулак, он рассказывал:

— Однажды я попал со своим приятелем на фабрику металлической и пластмассовой галантереи. Приятель пошел куда-то по делам, а я остался ждать на дворе. Неподалеку стояла бочка для отходов. От нечего делать я подошел к ней, заглянул в нее и увидел, что там полно шпилек-«невидимок». Вскоре вернулся приятель. Он был не один, а со своим знакомым — кочегаром Акимовым. Как радушный хозяин Акимов пригласил нас к себе в котельную. Мы пошли. Акимов выставил угощение — бутылку водки, несколько плавленых сырков, кусок колбасы. Я спросил у Акимова про бочку с отходами, поинтересовался, почему в ней так много вполне пригодных для использования шпилек. Он сказал, что их действительно выбрасывают без разбора.

Среди плохих много и хороших, таких, которые умелый человек может пустить в дело.

Выпили. Закусили. Мысль о шпильках уже крепко засела мне в голову, и я не в силах был от нее отвязаться. Я сказал Акимову, что в Анапе, куда мы каждое лето ездим с женой и дочкой отдыхать, шпильки в дефиците. Я это знал, потому что Зоя, помню, как-то жаловалась, что ей нечем закалывать волосы. Потом намекнул тому же Акимову, что неплохо было бы повезти туда шпильки с их фабрики, хотя бы те, что выбрасываются в отходы. Если их продавать, то немалые деньги можно выручить. Акимов с приятелем поддержали меня.

С разрешения Акимова я набрал целый пакет шпилек — для пробы. Привез их в Анапу и на досуге стал приводить в порядок — очищать от ржавчины, выпрямлять. Жена, глядя на мое занятие, ворчала: «Что ты привез какую-то дрянь — только грязь в комнате разводишь!» — «А вот что ты станешь говорить, когда мы эту дрянь начнем продавать?» — возразил я. Зоя заинтересовалась: «Как так продавать?» Я объяснил. Вскоре мы нашли людей, которым стали сбывать эти шпильки. Дела шли хорошо. Я даже на фабрику устроился, как и Акимов, кочегаром, чтобы иметь возможность заниматься хищением заколок и шпилек. Чуть ли не ежедневно выносил их полными сумками. Позже на ту же работу оформил и Зою.

Однако не только шпильками и заколками для волос промышляли Пороховы. Они привозили в Анапу и разный другой товар, в том числе бусы, браслеты, цепочки. Старшего следователя Ананьева заинтересовало, где добывали все эти изделия предприимчивые супруги. Ведь не своя же у них была мастерская! Так перед следственными органами предстал еще один преступник. Это был хромировщик Ленинградского завода ювелирных изделий Николай

Васильевич Буровиков. При обыске у него в квартире нашли большие запасы бус, кулонов, браслетов, цепочек и других украшений. Все это было им похищено с завода и предназначалось для сбыта через тех же Пороховых.

Всегда, когда происходят хищения на каком-либо предприятии, следственные органы интересуют: какие причины их порождают? Так было и на этот раз. Инвентаризация, проведенная по требованию капитана милиции Ананьева на фабрике металлической и пластмассовой галантереи, показала, что на предприятии была полнейшая бесконтрольность. Это-то и дало возможность Дорохову в течение длительного времени заниматься хищениями.

Учет готовой продукции на фабрике был поставлен плохо. Ящики с незавершенными изделиями на ночь оставляли на рабочих местах. Ключи от производственных помещений хранились открыто, и каждый мог беспрепятственно их взять. Охрана состояла лишь из одного человека — пожилой женщины. В 24.00 она запирала наружную дверь и уходила домой.

Этого-то момента и дожидался Порохов. Он выходил из котельной, где нес ночное дежурство, и шел в цеха. Стук его каблуков гулом, отдавался в пустующих помещениях, но Порохов и не думал таиться. Он знал, что на фабрике никого нет, и беспрепятственно разгуливал по цехам. На столах были рассыпаны груды заколок и шпилек. Порохов брал их горстями и сыпал в сумку...

Дома он вместе с женой доводил их «до кондиции» — накалывал на фирменные картонки, обклеивал бандерольками, которые также похищал на фабрике. Никто не мог отличить продукцию «фирмы Пороховых» от той, что выпускалась самой фабрикой.

Отсутствие порядка, бесхозяйственность выявили следственные органы и на заводе ювелирных изделий. Здесь так же, как и на фабрике, на которой работал Порохов, продукция при передаче с одной операции на другую не учитывалась. Буровиков работал на гальваническом участке. Он мог заявить администрации, что браслет или какой-либо другой предмет «сгорел» в чане с кислотой, и ему верили на слово, никто не проверял. Помещение, где сушились готовые изделия, не закрывалось. Бери, что хочешь, и выноси...

Преступники на допросах вели себя по-разному. Одни признавались в совершенном и тем самым смягчали, свою участь, другие же старались представить дело так, будто ничего особенного не случилось, никакого ущерба государству они не нанесли.

— Я брал только бракованную продукцию, — уверял Порохов, — ту, которая все равно выбрасывается в отходы, уничтожается.

— Ничего подобного, это вовсе не бракованная продукция, — сказала женщина-мастер, ознакомившаяся по предложению следователя с образцами шпилек, похищенных Пороховым. — Это — наша обычная продукция, частично действительно незавершенная, неотлакированная. Но и такой ее можно было пускать в продажу, предварительно немного подчистив вручную наждаком, что Порохов и делал. Следовательно, ни о каком браке не может быть и речи.

— Я тоже так полагаю, — согласился Ананьев. — К тому же, если б Порохов имел дело только с браком, разве стал бы он так тщательно прятать коробки с товаром? А ведь он держал их не только у себя дома, но и, безопасности ради, у своих родственников и

знакомых. Даже мальчишку, который приходил к его дочери, чтобы послушать магнитофонные записи, сделал своим сообщником — попросил его взять на хранение несколько коробок: мол, у них, Пороховых, негде держать — тесно! И мальчишка поверил. Ничего не подозревая, он взял эти коробки и отнес к себе домой.

Левченко прикидывалась наивной провинциалкой:

— Я не знала, что изделия, которыми снабжал меня Порохов, ворованные. Думала, что это обычный фабричный брак, выбрасываемый на свалку. Так, по крайней мере, объяснил мне сам Порохов. Он заявлял, что собирает эти шпильки на свалке с помощью магнита. И я верила. Я плохо представляла себе Ленинград. Думала, что действительно за городом есть большая свалка и Порохов ходит там с длинной палкой, к концу которой привязан магнит...

Зоя Порохова пыталась вызвать к себе сочувствие:

— Мне уже сорок три года. Всю жизнь мне не везло. Рано лишилась родителей, воспитывалась в детском доме. Первый муж умер. Я осталась одна с дочкой. Встретила Порохова. Он показался мне честным, порядочным человеком. Думала, что обрела в нем друга для себя и для ребенка. Однако мне и тут не повезло. Я оказалась втянутой в преступные дела, И все из-за Порохова, будь он неладен...

— Кто же мешал вам пресечь его действия? — сказал ей Ананьев. — Вы могли это сделать в самом начале и не сделали. Наоборот, стали активной соучастницей преступления. Могу вам прочесть, как трактуют подобные действия Основы уголовного законодательства Союза ССР: «Соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Кстати, на одних только шпильках для волос вы «заработали» более семи тысяч рублей. Шпильки оказались для вас действительно

золотыми. А вспомните, для чего вы поехали с мужем в Краснодар тридцатого января тысяча девятьсот шестьдесят девятого года!

...Поезд прибыл в Краснодар рано утром. Взяв чемоданы, Пороховы вышли из вагона на перрон. Здесь их уже ждала Королева. Она вручила Пороховым ключи от дома, чтобы гости могли там расположиться, привести себя в порядок после дороги.

— Мне надо сегодня пораньше в магазин, — сказала Королева. — А вы чем думаете заняться?

— Для начала сходим на Северный рынок, — ответил Порохов и, кивнув на чемоданы, ухмыльнулся. — Прибарахлим кое-кого...

В то же утро супруги Пороховы были задержаны.

...Самолет держал курс на Ленинград. Старший следователь капитан милиции Ананьев, сидя в кресле лайнера, думал о своей командировке в Краснодар.

Вот и закончилось его пребывание в этом городе. Разве предполагал он, что командировка так затянется? Зато какая большая работа проделана за это время. Ведь помимо опроса свидетелей, опознаний, очных ставок пришлось произвести десятки инвентаризаций, бухгалтерских ревизий, товароведческих экспертиз, осмотреть более миллиона различных предметов галантереи, к которым были причастны обвиняемые.

Взять хотя бы подсчет шпилек, конфискованных у преступников и изъятых с прилавков и полок, а также полученных от свидетелей — девчонок с Краснодарского хлопчатобумажного комбината. Иные из них тут же в кабинете следователя вынимали шпильки из волос и приобщали к делу, понимая, что это необходимо. Когда удалось собрать все шпильки воедино, эксперты сели за их подсчет. Разумеется, сосчитать все поштучно было просто невозможно. Эксперты делали так. Взвешивали 100 граммов и затем

считали, сколько шпилек идет на такое количество. Потом брали 1000 штук и тоже взвешивали. Так получали средние данные. Оказалось, что общий вес похищенного составил целую тонну.

Конечно, если б нечистые на руку Пороховы не нашли нечестных работников прилавка, таких, как Королева, Левченко, Шилина, они бы не наворовали столько: им бы просто некуда было сбывать похищенное. Но в данном случае они оказались тесно связанными друг с другом, И нити из Ленинграда протянулись в Анапу, в Краснодар...

Ананьев посмотрел вниз, на облака, освещенные солнцем, и вздохнул, подумав:

«А Краснодара-то я как следует и не повидал. Все некогда было!»

— Пристегнуть ремни! — послышался голос появившейся в салоне стюардессы.

Ананьев машинально посмотрел на ее прическу: есть ли в ней заколки и шпильки?

Самолет шел на посадку.

АМУР ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ

Две посетительницы, одной из которых было лет около пятидесяти, другой — под тридцать, сидели в дежурной комнате милиции и, волнуясь, рассказывали о том, как они стали жертвами одного и того же проходимца.

Произошло это при почти одинаковых обстоятельствах. Только в деталях оказались некоторые расхождения. Так, одна из посетительниц уверяла, что фамилия этого человека Дубровский, другая — Зарицкий. Одна утверждала, что его «специальность» — мошенничество, другая — кражи.

— Вот к чему привела наша излишняя доверчивость! — воскликнула та, что постарше.

— Доверчивость? Ну, нет, гражданки, еще неизвестно, чего тут больше — доверчивости или... — дежурный сделал паузу, стараясь выбрать выражение помягче, поделикатнее, — ну, скажем, легкомыслия. Во всяком случае, клубок только начинает разматываться. Что-то покажет дальнейшее? А пока попрошу вас пройти в следственный отдел. Придется вам рассказать свои истории.

В «Сосисочной», что на Невском проспекте, Елизавета Кирилловна оказалась за одним столиком с летчиком гражданской авиации. Золотые нашивки сверкали на рукавах его пиджака, свидетельствуя о том, что их владелец «в чинах». Он был остроумен, производил впечатление культурного, воспитанного человека, и немолодая, имеющая взрослого сына и не менее взрослую падчерицу, женщина поддалась его обаянию.

Вышли из «Сосисочной» уже вместе.

— Вам в какую сторону? — спросил летчик.

— Туда! — показала Елизавета Кирилловна в сторону Адмиралтейства.

— Пойду-ка и я с вами. Заодно зайду в магазин головных уборов. Хочу купить фуражку.

— У вас же есть.

— Это не моя. Свою я потерял. Снесло ветром, когда высунулся из окна кабины на высоте десять тысяч метров, — пошутил летчик. — Кстати, мы еще не представились друг другу. Разрешите это сделать. Дубровский Борис Ильич.

— Очень приятно! Елизавета Кирилловна. Вы ленинградец?

— Нет, я из Тбилиси. Летаю на линии Тбилиси — Ленинград. Имею двенадцатилетнего сына. Жена

умерла...

— Бедный! — посочувствовала Елизавета Кирилловна. — С кем же вы оставляете мальчика, когда находитесь в полете?

— С домработницей.

— Почему бы вам не жениться снова?

— На ком? Вы думаете, Елизавета Кирилловна, что это просто — найти в наше время серьезную, положительную женщину? Ведь мне нужна не просто жена, а еще и мать для моего ребенка. Какая-нибудь пустая девчонка, вертихвостка для этой роли не подходит. Вот и живу вдовцом...

Так, разговаривая, они шли по Невскому. Был май. Тепло. Солнечно. На углах продавали цветы. Борис Ильич купил букетик подснежников и преподнес своей спутнице. Когда проходили мимо ресторана «Нева», сказал:

— Вот сюда мы пойдем с вами сегодня вечером.

Елизавета Кирилловна не возражала. Ей было приятно, что на нее обратил внимание этот интересный летчик. Кто знает, подумала она, может быть, именно ей, Елизавете Кирилловне, в недалеком будущем придется заменить мальчику мать. Почему бы и нет? Пусть между нею и Борисом Ильичом значительная разница в возрасте — он только на один год старше ее сына, — но разве в этом дело?

В ресторане Борис Ильич вел себя по всем правилам этикета. Был внимателен к своей даме, предупредителен, приглашал ее танцевать. Потом проводил домой и, расставаясь, поцеловал руку. Обещал, что в следующий раз, когда прилетит в Ленинград, обязательно ее навестит.

И действительно, 13 мая 1968 года — Елизавета Кирилловна запомнила этот день — он пришел к ней и... остался у нее в доме на правах близкого друга. В тот же день попросил в долг 3 рубля, чтобы взять такси и

съездить в аэропорт за чемоданом. А когда увидел, что в кошельке, который открыла Елизавета Кирилловна, 9 рублей, взял их все. Через несколько дней обратился с той же просьбой: одолжить ему еще немного денег, чтобы он мог купить портфель в подарок своему сыну. На этот раз Елизавета Кирилловна дала 40 рублей.

Прошла неделя. Для Елизаветы Кирилловны, голова которой кружилась от счастья, она пролетела как один день. Борис Ильич подружился с ее сыном и даже как-то повез его в аэропорт показать самолеты. В воскресенье он привел в дом какого-то щупленького человечка и представил его как штурмана своего самолета. Штурман был хмур, задумчив, молчалив — полная противоположность своему веселому, жизнерадостному командиру.

Сели обедать. Пили за здоровье присутствовавших, за успехи Гражданского воздушного флота, за ленинградцев и тбилисцев, а в заключение Борис Ильич провозгласил тост за хозяйку дома, которую наградил всевозможными эпитетами превосходной степени, и дал понять, что, возможно, в недалеком будущем за этим самым столом будет отмечаться особое торжество.

Это был более чем прозрачный намек. Елизавета Кирилловна была счастлива. Неужели она станет женой Бориса Ильича?

После обеда пилот, штурман, Елизавета Кирилловна и присоединившийся к ним ее сын отправились гулять. Вышли на набережную Невы. Погода была отменная. Вдали, за шпилем Петропавловской крепости, пылал закат. Низко, над самой водой, кружились чайки. Вихрем проносились катера на подводных крыльях. Борис Ильич рассказывал всякие истории из жизни летчиков. Штурман больше помалкивал, а если и говорил, то односложно: «да» или «нет». Борис Ильич подтрунивал над ним: «Он у нас далеко не Цицерон».

Потом по его предложению все направились на улицу Писарева, где вошли во двор одного из домов. Борис Ильич стал задумчиво и грустно смотреть на окна флигеля. «Здесь живет одна девушка!» — вздохнул он. «Красивая?» — спросила Елизавета Кирилловна, чувствуя, что ревнует. «Красота — понятие субъективное», — уклонился от прямого ответа летчик и незаметно для присутствующих выразительно, со значением пожал своей даме локоть.

Штурман сказал, что ему надо ехать в аэропорт. Никто его не задерживал. Он сел в автобус и уехал. Сын тоже куда-то заторопился. Елизавета Кирилловна и Борис Ильич остались одни. Они вернулись домой, допили вино. «Я пришлю тебе с Кавказа цветы, — говорил Борис Ильич, — мои любимые розы».

В понедельник, как всегда, рано утром она ушла на работу. Борис Ильич еще нежился в постели. А когда вечером Елизавета Кирилловна вернулась, Бориса Ильича дома не оказалось. Он исчез, а вместе с ним исчезла и новая каракулевая шуба, висевшая в шкафу. Не оказалось также на месте и плаща и пуловера сына. Это уже походило на самую обыкновенную кражу. Надо было обращаться в милицию.

Но прежде чем это сделать, Елизавета Кирилловна решила съездить в аэропорт. Может быть, она напрасно подозревает Бориса Ильича в нехорошем. Может быть, просто какие-то неотложные дела, экстренный вызов заставили его спешно уехать. А может быть, это только розыгрыш, милая шутка, и сейчас все, к ее успокоению, выяснится. В аэропорту она разыскала летчиков из Тбилиси и спросила у них: знают ли они командира подразделения Бориса Ильича Дубровского? Ответ был неутешительный. Летчики ответили, что Бориса Ильича Дубровского они не знают. И вообще такого у них нет и не было. Только тут окончательно поняла Елизавета Кирилловна, что стала жертвой обмана.

Вспомнив про дом на улице Писарева, она поспешила туда. Определила по окнам, в какой квартире живет девушка, о которой мечтательно говорил Борис Ильич. Задыхаясь, поднялась на пятый этаж и, волнуясь, нажала кнопку звонка.

Дверь открыла молодая особа. Елизавета Кирилловна сразу догадалась, что это и есть та самая девушка, которую имел в виду Борис Ильич.

— Простите, — обратилась к ней Елизавета Кирилловна, — вы не знаете такого Бориса Ильича? Дубровского?

— Может быть, Зарицкого? Вы, случайно, не перепутали?

— Как же я могу перепутать, если он мне ясно говорил, и не один раз, что его фамилия Дубровский. И еще он говорил, что служит в Тбилисском аэропорту.

— Все понятно! Ну, что там еще натворил Зарицкий — Дубровский?

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет, не знаю. Но хотела бы знать. Он причинил мне в свое время немало неприятностей. Обманул меня...

— Как! И вас тоже? — воскликнула Елизавета Кирилловна, неожиданно обретая подругу по несчастью.

...У стюардесс — необычная профессия. Она окружена ореолом романтики. О стройных девушках в синих шапочках с эмблемой Аэрофлота пишут стихи, слагают песни. Стюардессы горды, познакомиться с ними нелегко.

Однако бортпроводница Вероника Г. оказалась не такой уж недосягаемой. Стоило подойти к ней незнакомому мужчине, как она охотно вступила с ним в разговор.

Это было в аэропорту в Краснодаре. Отправка самолета, на котором летела Вероника, задерживалась, и, пока имелось свободное время, она бесцельно бродила по территории от киоска к киоску, рассматривая выставленные в них товары. Тут-то и предстал перед ней незнакомец...

Правда, доверие и расположение к нему вызвала прежде всего его форма — фуражка с гербом Гражданского воздушного флота и золотые нашивки на рукавах. Вероника хорошо разбиралась в званиях. Перед ней, как она поняла, стоял командир подразделения.

Незнакомец поведал о себе, о том, что он — Зарицкий Борис Ильич, что у него есть отец, военный служащий в отставке, который живет в Ростове. Сам же Борис Ильич — житель Тбилиси. Там у него имеется небольшая, но довольно уютная отдельная квартира. Вероника в свою очередь рассказала о себе. Ей уже под тридцать, а она еще не замужем. Говорят, что браки заключаются на небесах. Ничего подобного. В небесах мужа не найти. Даже стюардессе. Там обитают только орлы.

— Орлы — это хорошо! — воскликнул Борис Ильич. — Поглядите на меня — настоящий орел! Знаете что — выходите за меня замуж.

— Шутите! — сказала Вероника, вспыхивая.

— Нисколько! Летчик и стюардесса. Разве плохая пара? В общем, ждите меня в Ленинграде. Дайте ваш домашний адрес...

Вероника улетела в Ленинград, Зарицкий остался в Краснодаре. Через пару недель он действительно явился к Веронике прямо на квартиру. В одной руке он держал чемоданчик, в другой — огромный букет. Бравый командир только что прибыл из теплых краев с твердым намерением обосноваться у Вероники. И она не

устояла, ответила Борису Ильичу согласием вступить с ним в брак.

Объявили родителям Вероники. Те первоначально несколько скептически отнеслись к известию об этом. Им казалось — и не без основания, — что дочь слишком торопится. Ведь она даже не знает как следует жениха.

Однако Вероника сумела убедить родителей, что у них отсталые взгляды, что в двадцатом веке темпы жизни иные.

В общем, Зарицкий и Вероника подали заявление во Дворец бракосочетания. Из Тбилиси пришла телеграмма. Борис Ильич зачитал ее вслух за обедом. Летчики аэропорта столицы Грузии горячо поздравляли своего коллегу с женитьбой.

А неделю спустя, взяв расчет (так настоял Борис Ильич), Вероника вместе со своим избранником уже летела в самолете к месту своего нового жительства — в Тбилиси, где, по словам Бориса Ильича, ее ожидала уютная однокомнатная квартирка. Путешествие ничего им не стоило. Вероника летела бесплатно и такой же бесплатный полет устроила для своего будущего законного супруга.

В сумочке у нее лежали 400 рублей. Чтобы обеспечить сохранность денег, Вероника решила отдать их Борису Ильичу. По его предложению решили сделать кратковременную остановку в Адлере. Поселились на частной квартире, неподалеку от моря. Ходили на пляж, загорали, купались, ездили в Сочи. Интересный, представительный летчик Зарицкий неизменно оказывался в центре внимания. Веронике это нравилось.

Однако она начала беспокоиться. Дело в том, что подходил срок регистрации брака во Дворце, а Борис Ильич даже и не заикался об этом. Судя по всему, он не собирался ехать ни в Ленинград, ни в Тбилиси.

Вероника сходила в Адлерский аэропорт, нашла летчиков из Тбилиси и опросила у них: знают ли они командира подразделения Зарицкого? Ответ был точно такой, какой получила и Елизавета Кирилловна: не знают! Такого у них нет. Это насторожило Веронику. Она решила проверить документы своего жениха. Но как это сделать? Спросить открыто постеснялась да и, откровенно говоря, побоялась: вдруг Борис Ильич обидится?

Наконец удобный случай представился. Борис отсутствовал, а его пиджак висел на спинке стула. Вероника обшарила карманы и нашла в одном из них документы: паспорт и трудовую книжку. К ее удивлению, паспорт принадлежал какой-то неизвестной женщине, а в трудовой книжке стояла фамилия не Зарицкий, а совсем другая.

Тут вернулся Борис Ильич, и Вероника поспешно сунула документы обратно в карман. Борис Ильич надел пиджак, сказал, что пойдет в парикмахерскую, поцеловал Веронику в щеку, ушел и... больше не вернулся. Прождав его всю ночь и весь следующий день, Вероника поняла, что ее жених скрылся. Самое печальное заключалось в том, что обманутая невеста оказалась в чужих, незнакомых краях без копейки в кармане. Все деньги находились у сбежавшего Бориса Ильича.

Произошел неприятный разговор с квартирной хозяйкой.

Вероника кинулась в аэропорт, разыскала знакомых ленинградских стюардесс, поведала им, в какую беду попала, и те, пожалев подругу, доставили ее в Ленинград бесплатно. Представьте себе состояние родителей, когда они неожиданно увидели перед собой плачущую дочь. Стали рассматривать сохранившуюся поздравительную телеграмму, якобы полученную Борисом Ильичом от тбилисских летчиков. Оказалось,

что она была послана не из Тбилиси, а из... ближайшего почтового отделения Октябрьского района Ленинграда. Телеграмма была фальшивой, как и вся история с женитьбой.

Долгое время не могла оправиться Вероника от потрясения. Мысль о том, что ее обманули, посмеялись над ее чувствами, не давала покоя. Кое-кто из подруг советовал обратиться в милицию, но Вероника этого не делала — стыдно было. И только неожиданное появление Елизаветы Кирилловны, убедившей, что надо вывести прохвоста на чистую воду, заставило ее предать огласке и свою историю.

В милиции вынесли постановление: возбудить уголовное дело против человека, выдающего себя за летчика Гражданского воздушного флота, называющего себя Зарицким — Дубровским, занимающегося мошенничеством и кражами.

Начальник следственного отдела милиции наложил на постановлении резолюцию:

«Старшему следователю И. Н. Соловьевой.
Примите дело к производству».

Начинать надо было прежде всего с поимки мошенника. По рассказам потерпевших составили его словесный портрет:

«Рост — 1 метр 74—76 сантиметров, глаза серые, волосы прямые, спадают на лоб, темные, но не очень черные, на щеке — шрам, речь громкая, торопливая, когда говорит быстро, слегка заикается».

Описание разослали по отделениям милиции. Но Зарицкий — Дубровский не попадался. Да и был ли он в Ленинграде?..

Пока идут его поиски, познакомимся с героем нашего повествования несколько поближе.

Его действительно зовут Борис Ильич. Но фамилия не Зарицкий и не Дубровский, а Щелко. К Гражданскому воздушному флоту он никакого отношения не имеет. Когда-то был судим за кражи. Отбыв наказание, устроился в Ахтынскую поисковую партию Дагестанской геологической экспедиции механиком. В этой должности пребывал до тех пор, пока, за нарушение трудовой дисциплины не был переведен в слесари. Тогда Борис Ильич самовольно оставил работу и стал разъезжать по различным городам, ведя жизнь трутня, существуя главным образом за счет женщин, с которыми заводил случайные, кратковременные знакомства.

Есть такие женщины, разведенные или незамужние, еще молодые и уже стареющие, увядающие, боящиеся остаться одинокими на всю жизнь и потому стремящиеся во что бы то ни стало «устроиться». Не всегда им сопутствует счастье. Нередко они так и не находят его, даже если и выходят замуж, ибо ошибаются в человеке, с которым связывают свою судьбу. Да и где им узнать его как следует, если знакомство бывает совсем коротким. Сегодня познакомились и сегодня же приводят мужчину к себе в дом в качестве мужа.

Подобных женщин и искал Щелко. Борис Ильич подвизался в основном среди жительниц таких городов, как Москва, Ленинград, Краснодар, Ростов. Среди обманутых- им женщин были стюардессы, старшая лаборантка, инженер, фармацевт. Как видите, он общался с женщинами достаточно культурными, образованными, перед которыми ему самому надо было держаться соответствующим образом.

Щелко старался ухаживать «покрасивее», дарил женщинам цветы, водил их в рестораны. Такое «джентльменское» обхождение действовало без осечки. Очарованные им женщины не замечали обмана. А Щелко, воспользовавшись деньгами или вещами очередной «избранницы», через некоторое время исчезал.

Бросив Веронику, Щелко познакомился в аэропорту Внуково с другой стюардессой — Виолеттой М. Произошло это почти сразу же после приземления самолета, на посадочной площадке. Виолетта собиралась пойти позавтракать. Пока она вышагивала на своих высоких каблуках, направляясь в буфет, Борис Ильич, идя рядом, успел сообщить ей кое-какие свои анкетные данные: «Командир подразделения... Основное местожительство — Ленинград... Фамилия — Зарицкий». В свою очередь Виолетта поведала кратко о себе: «Была замужем... Разведена... Имею ребенка... Живу в Ессентуках с мамочкой и папочкой». Придя в буфет, Виолетта взяла стакан кефира, булочку, кусочек сыра, и, пока она завтракала, подсевший к столику Борис Ильич предложил ей свою руку и сердце. При этом он украдкой поглядывал на завтрак, который с аппетитом уничтожала собеседница, и глотал слюни.

Надо было торопиться с ответом — через 30 минут самолет, на котором Виолетта работала стюардессой, улетал обратно в Минеральные Воды. Виолетта чуточку подумала и ответила согласием на его предложение. Полчаса спустя самолет поднялся в воздух, унося из Москвы Виолетту и Щелко. Билета у Бориса Ильича, разумеется, не было, Виолетта везла его бесплатно, на правах своего будущего супруга. Правда, экипаж об этом не знал. Когда первый пилот спросил у стюардессы: «Кого это ты везешь?» — она ответила: «Знакомого!» — «Ты его хорошо знаешь?» —

«Конечно!» — ответила Виолетта. Ей стыдно было признаться, что знакомство состоялось всего час назад.

Из Минеральных Вод Виолетта повезла Бориса Ильича в Ессентуки. Познакомила со своими родителями. Мать и отец одобрили выбор. Решили, что Борис Ильич возьмет Виолетту и ее ребенка к себе в Ленинград. Отец тут же вручил 220 рублей «на свадебные расходы». Щелко поблагодарил, подсел к пианино и с воодушевлением сыграл какую-то старинную песенку, чем привел присутствующих в особое умиление.

В день отъезда собрались все родственники. Щелко опять играл на пианино все ту же песенку. Потом поехали на аэродром провожать молодую пару.

Местный фотограф-любитель запечатлел идиллическую сценку. На фоне самолета — группа. В центре — Щелко. Рядом с ним в белом свадебном платье — Виолетта. Одной рукой Борис Ильич обнимает своего будущего тестя, другой — тещу. По бокам — тети, дяди, их мужья и жены, еще какие-то родственники. Все довольны. Все улыбаются. В том числе и Щелко. Позже эта фотография фигурировала в уголовном деле как одна из улики.

Затем Борис Ильич, Виолетта и ее десятилетняя дочка улетели. Самолет приземлился в уже знакомом аэропорту Внуково. Где обосноваться на ночь командиру подразделения и стюардессе? Конечно же, в профилактории для летного состава. Щелко и Виолетта получают отдельную комнату. Виолетта говорит, что надо пригласить экипаж ее самолета в ресторан, отметить свадьбу. Щелко угощает присутствующих шампанским, коньяком, однако сам пьет немного. Виолетта замечает, что он больше притворяется пьяным. А посреди ночи, придравшись к пустяку, Щелко, устроив сцену ревности, навсегда покидает Виолетту, прихватив с собой все ее деньги...

Среди тех, кого ловко провел Щелко, оказался и один из руководящих работников Центрального агентства Аэрофлота в Ленинграде. Щелко явился к нему в кабинет после того, как вычитал в какой-то из газет, что начальник Куйбышевского аэропорта, после фельетона о нем, отстранен от работы.

Щелко представился новым начальником Куйбышевского аэропорта, якобы приехавшим в Ленинград для «прохождения учебно-тренировочного сбора». И работник, к которому он пришел, поверил этой истории. Пока они разговаривали, в кабинет вошла посетительница. Ей нужно было лететь в Магадан, и она просила помочь ей в приобретении билета.

Услышав про Магадан, Щелко оживился и незамедлительно предложил свои услуги. Он заявил, что завтра как раз отправляется в «тренировочный» полет до Магадана и может захватить с собой пассажирку. Разумеется, за полет надо будет заплатить соответственно положенному тарифу. Тут же он получил от посетительницы, которой и в голову не пришло, что перед ней жулик, 320 рублей и, договорившись, что она явится завтра с вещами прямо в аэропорт, быстро ушел.

После его ухода работник, у которого он побывал, стал ломать голову, размышляя, какой такой может быть «тренировочный» полет да еще до Магадана? «Странно! Странно!» Но текущие дела, посетители, непрерывные звонки по телефону отвлекли его от размышлений. И только когда в кабинете вновь появилась женщина и заявила, что стала жертвой наглого обмана, он сообразил, что проявил недопустимое ротозейство.

Обманул мошенник и военнотружущего П., которому заявил, что срочно уезжает в Алжир и на этом, мол, основании сдает квартиру. Получив аванс — 200 рублей, — Щелко повел П. на Заневский проспект, 30,

показал квартиру и сказал, что он может тут располагаться. Уходя предупредил, что если появится женщина, то пускать ее не следует: дескать, это прежняя жилища, с которой он расторгнул договор. Затем мошенник вручил П. ключи, попрощался и был таков, а новый жилец, чувствуя себя как дома, скинул китель, сапоги, облачился в пижаму...

Конечно, квартира, которую сдал Щелко, была не его.

Она принадлежала сотруднице агентства Аэрофлота К., с которой Борис Ильич познакомился на улице, сумел втереться к ней в доверие. Можно представить себе удивление К., когда, придя с работы, она застала у себя дома незнакомого мужчину в пижаме и домашних туфлях.

У Щелко не было ни собственного жилья, ни вещей — ничего. Все, что имел, было на нем.

Единственное свое пальто из искусственной кожи он оставил у Вероники.

Наступала зима. Логика, интуиция подсказывали, что Щелко может прийти за ним к Веронике. Опытный следователе Соловьева предупредила стюардессу: если появится Борис Ильич, немедленно поставить об этом в известность милицию.

И она не ошиблась. Щелко позвонил Веронике по телефону.

Последним местом его пребывания был Псков. Здесь Борис Ильич свел знакомство с находившейся в командировке инженером-экономистом Х. Он помог ей получить в гостинице номер, и Х. считала себя в известной степени обязанной столь любезному молодому летчику. Несколько дней спустя такой уже везло обоим в Ленинград. Разумеется, оплату производила Х. Она так прониклась доверием к Борису Ильичу, что даже дала ему «на сохранение» кошелек с деньгами.

Родителей Х. мошенник тоже очаровал. Ни мама, ни папа, ни даже пришедший в гости дядя — кандидат наук не заподозрили, что перед ними просто-напросто аферист.

Но развязка уже приближалась. Как только Щелко появился в Ленинграде, он незамедлительно позвонил Веронике. Та его домой не пригласила, а назначила с ним встречу у станции метро «Площадь Мира». Но мошенник оказался прозорливым. Предосторожности ради он приехал в такси и, когда увидел, что рядом с Вероникой на ступеньках у входа в метро стоят два незнакомца, судя по всему оперативные работники милиции, понял, что лучше не останавливаться. Он попросил шофера сделать по площади круг, а затем везти его куда-нибудь подальше. Так ему удалось ускользнуть в первый раз от задержания.

Арестовали его на улице Писарева, около дома, где жила Вероника, куда он подъехал опять-таки в такси вместе с неким Ручейковым, который познакомился с Борисом Ильичом через Х. Ручейков ничего не знал о своем спутнике, кроме того, что его фамилия Дубровин. Это была уже третья вымышленная фамилия мошенника. У Ручейкова он обитал две ночи, а потом попросил гостеприимного хозяина съездить с ним за пальто, объяснив, что сам не может этого сделать, так как находится в ссоре со своей бывшей женой. На самом же деле Борис Ильич боялся — и не без основания — ловушки. Ручейков дал согласие и поехал со Щелко на улицу Писарева. Кончилось тем, что он вместе с Борисом Ильичом очутился в дежурной комнате милиции.

Перепутанный до смерти Ручейков принес следователю вещи, которые оставил у него дома Щелко: фуражку, авторучку и листки с какими-то записями. Даже авторучка и та не принадлежала

Борису Ильичу. Он «позаимствовал» ее у последней из своих знакомых женщин — Риты Х.

Брачные аферисты существовали и раньше. В дореволюционную пору, например, они носили роскошные усы, брелоки на жилетке и перстни на пальцах, соломенные канотье и выдавали себя то за преуспевающих коммерсантов, то за частнопрактикующих адвокатов или врачей. Мошеннику, действующему на этом поприще, приходится приспособливаться к среде и обстановке, как хамелеону. В наше время он выдает себя зачастую за представителя какой-нибудь мужественной профессии, в данном случае имеющей отношение к авиации. К тому же можно и формой щегольнуть, что также является «приманкой» для некоторых представительниц женского пола.

В ходе следствия стали выясняться детали, которые могли бы своевременно насторожить людей, сталкивавшихся с мошенником, разоблачить его. Одна из свидетельниц — бортпроводница, — например, рассказала, что Щелко входил в салон самолета с папиросой в зубах, чего настоящий летчик никогда не сделает.

Другая женщина обратила внимание на брюки, в которые был облачен «командир подразделения», — они у него были порваны и зашиты. Вел себя Щелко нервозно, все куда-то спешил и метался, спал тревожно...

Нередко, уходя от женщин, мошенник прихватывал с собой паспорта, связки ключей — «на всякий случай». Но так как, в сущности, они ему были не нужны, то он от них тут же избавлялся. В одном месте оставит паспорт, в другом — ключи. Как-то раз сунул чужой паспорт под матрац детской кровати, стоявшей в комнате.

Любопытна судьба каракулевой шубы, похищенной Щелко у Елизаветы Кирилловны. Эту шубу он каждый раз преподносил в качестве «свадебного подарка» своей очередной «невесте», приводя ее в восторг широтой своей натуры, а затем вновь преспокойно брал из шкафа и скрывался.

Впервые все «жены» и «невесты» Щелко встретились и познакомилась друг с другом в помещении суда.

И, надо сказать, чувствовали они себя не очень хорошо. Им стыдно было глядеть в глаза друг другу. Но что поделаешь, если все эти женщины стали жертвами собственной беспечности, легкомысленного отношения к такому серьезному жизненному шагу, как замужество.

— Да, с такого рода делами не часто приходится сталкиваться даже следователю, — рассказывает капитан милиции Иветта Николаевна Соловьева. — По правде говоря, при допросе потерпевших я нередко вынуждена была прятать невольную улыбку — уж очень водевильными были ситуации, в которые попадали легкомысленные женщины. И смех, и грех...

Для более полного сбора материалов и изобличения мошенника Иветта Николаевна выезжала в командировку в Ростов, где жили родители Щелко. А из Ростова поехала в район, где расположен совхоз-миллионер, куда тоже заявлялся в качестве «жениха» Щелко. Его привлекла зажиточность местных жителей. В каждой хате — полированная мебель, хрусталь. Проходимец рассчитывал поживиться. Но девушки из совхоза оказались стойкими. Ни одна из них не поддавалась «чарам» проходимца, и он убрался отсюда восвояси.

Это был единственный случай, когда у Щелко «сорвалось» задуманное. В остальном же ему сопутствовала удача.

Кстати, не находите ли вы, что играть искусно роль летчика мог лишь по-настоящему ловкий человек?

У Щелко оказались незаурядные актерские способности. В качестве партнера на роль «штурмана» он привлек своего знакомого по исправительно-трудовой колонии, с которым вместе отбывал наказание. От партнера требовалось только молчаливое присутствие да изредка односложные восклицания. В то же время Щелко был и тонким психологом, хорошо знающим некоторые чисто женские качества — доверчивость, способность быстро прощать обиды. Ведь кое-кто из женщин не заявлял о мошеннике в милицию лишь из чувства... жалости к проходимцу.

Суд назвал Щелко преступником и определил ему наказание: лишение свободы на четыре года в колонии строгого режима.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Когда советское судно прибывает в иностранный порт, оно неизменно встречает там самый теплый прием. На причал, около которого стоит корабль приходят не только портовые рабочие, но и многие жители города. Судно, над которым развевается красный флаг с изображением серпа и молота, привлекает всеобщее внимание. Ведь оно является частицей Страны Советов, ее живым олицетворением.

Повсеместной любовью и уважением окружены советские моряки. Порой самые серьезные испытания выпадают на их долю, и всякий раз советские люди

выходят из них с честью. Об их мужестве, самоотверженности, благородстве, чувстве товарищества и долга, готовности в любой момент бескорыстно прийти на помощь другим знают на всех океанах и морях.

Вот почему если в большую и дружную семью советских моряков порой проникает какой-либо морально нечистоплотный человек с замашками рвача, хапуги, сами моряки стремятся поскорее избавиться от него. Правда, бывает, что не сразу распознаешь скверну, которая завелась на борту корабля, и проходит некоторое время, прежде чем это удастся сделать. Об одной такой истории мы и хотим рассказать.

Владимир Александрович Травников плавал на большом пассажирском теплоходе. Судно это совершает регулярные рейсы, главным образом по маршруту Ленинград — Хельсинки — Лондон — Гавр и обратно. Травников был на нем кондитером. На таком корабле кондитер — фигура не из последних. Без его продукции не обходится ни одно меню, предлагаемое пассажирам. Красивые булочки, торты и пирожные, изготовленные Травниковым, украшали стол. Пассажиры их ели и похваливали.

Кондитером Травников был опытным. Как работник завоевал хорошую репутацию. А вот как человек особенных симпатий не вызывал.

Когда теплоход ошвартовывался в каком-нибудь иностранном порту, Травников рвался на берег. Но не с познавательными целями. Он, например, равнодушно проходил мимо памятников, соборов, не имея ни малейшего желания остановиться около них. Зато при виде магазинов Травников необыкновенно оживлялся. Он мог часами рыться в вещах.

Но одно дело приобрести за границей что-либо для себя и своих близких в соответствии с правилами

Таможенного кодекса, определяющего, что именно и в каком количестве можно ввозить, и другое — заниматься скупкой вещей, чтобы затем перепродавать их втридорога. Последнее строго запрещено и преследуется советским законом, как и всякая спекуляция. Но даже тот, кто хорошо знал повадки кондитера Травникова, его стремление «прибарахлиться», немало удивился, услышав, что при таможенном досмотре в помещении камбуза нашли большое количество незаконно провезенных вещей. Они были спрятаны в тестомешалке и электропечи. Всего таможенники извлекли из этого неподходящего для хранения вещей места 19 женских кофт, 10 мотков мохеровой пряжи, 200 головных платков, 2 отреза ткани, 3 парика.

У Травникова спросили:

— Чьи это вещи?

Он сделал удивленный вид:

— Понятия не имею!

— Каким же образом они попали в агрегаты, которые находятся в вашем ведении?

— Не знаю!

— Уж будто бы?!

— Уверяю вас! Да, я — любитель вещей, не отрицаю, особенно вещей красивых, но никогда не был спекулянтом. За кого вы меня принимаете?

— В таком случае как вы объясните, чьи это вещи? Кто мог их засунуть в тестомешалку и электропечь?

— Может быть, кто-нибудь из палубной команды? Прокрался в мое отсутствие в кондитерский цех и сунул вещи в агрегаты...

Однако какие бы объяснения ни давал Травников, факт попытки нелегального провоза вещей был установлен. И дело поступило в транспортную прокуратуру.

Есть в Ленинграде такая прокуратура. Она занимается расследованием всех происшествий, случающихся на транспорте — железнодорожном, воздушном и водном. Происходит ли авария на стальных путях, в воздухе или на воде, случается ли хищение, кража или какое-либо другое происшествие на железнодорожной станции, на речном или морском вокзале, в аэропорту, следствие ведет транспортная прокуратура. Касается ее и все, что происходит на судах, совершающих заграничные рейсы. И хотя сотрудники прокуратуры сами в путешествия не отправляются, им, тем не менее, приходится по долгу службы интересоваться всем, что относится к мореходству, — «розой ветров», муссонами и пассатами, штормами и штилями. Нередко к ним на столы ложатся документы, побывавшие где-нибудь под солнцем Африки, Южной Америки или Австралии. От этих документов, кажется, пахнет тропическими ливнями, апельсиновыми и банановыми рощами, пряностями, цветами и пылью экзотических стран...

Дело об обнаружении в кондитерских механизмах кофт, головных платков и мохеровой пряжи попало к следователю Владимиру Эммануиловичу Кириллову. Встретившись с Травниковым, он увидел еще не старого, но уже несколько обрюзгшего человека с мешками под глазами.

— Много пьете, Владимир Александрович? — поинтересовался следователь.

— Попиваю! — ответил неопределенно Травников. — Работа у нас на камбузе трудная. Весь день в жаре стоишь, в духоте. Вот и требуется разрядка. К тому же, плавая, бываешь в разных странах. А там — виски, джин, ром, разные напитки. Почему не попробовать хотя бы из любопытства? Вот и пробуешь!

— Да, но на виски и ром деньги требуются. Инвалюта.

- Конечно! Бесплатно редко угощают.
- Где же вы их берете, столько денег?
- Я получаю неплохо.

— Однако если в каждом порту пить вино да еще покупать вещи жене, родственникам, никаких денег не хватит. Может быть, у вас есть какие-нибудь побочные доходы?

— Вы что же, меня, как и таможенники, под подозрение берете? Я уже говорил, что не знаю, кому принадлежат эти вещи.

Первый допрос так ни к чему и не привел. Расставшись с Травниковым, следователь поднялся из-за стола, подошел к окну и стал размышлять о только что состоявшейся беседе с кондитером.

Чтобы спрятать что-либо на судне, нужно хорошо знать его устройство. Травников как работник камбуза устройство судна, понятно, знал плохо. Но зато он досконально изучил механизмы и агрегаты кондитерского цеха. К тому же не кто иной, как он сам, всегда после работы закрывал кондитерский цех на замок. Следовательно, никто пробраться сюда без ведома Владимира Александровича не мог. Немаловажное значение для следствия имело и то, что Травников любил выпить. Пьющий человек, как правило, морально неустойчив. Он может пойти на любые сделки с совестью.

Тем не менее Травников продолжал упорно отрицать свое причастие к «незафрахтованному» грузу, обнаруженному в механизмах кондитерского цеха. Он заявлял, например, что вообще ничего не привозил в этот раз из-за границы. По его словам, выходя на берег в порту Гильберн, а также в Хельсинки и Гавре, он ничего не покупал. «Хотел было приобрести авторучку, — говорил Травников, — да не нашел подходящей».

История с Травниковым не могла, естественно, не взволновать экипаж судна. Честным морякам, которых было подавляющее большинство, не хотелось, чтобы кто-то бросал тень на коллектив, оставлял грязные следы на борту теплохода. И люди решили помочь следствию. Они заявили, что Травников лжет, утверждая, что ничего не покупал во время последнего рейса. В Гильберне наши моряки видели, как он делал покупки в магазине. Продавец с любезной улыбкой подал ему довольно объемистый пакет. Травников его взял и пошел к дверям.

Один из свидетелей заявил, что Травников, будучи в нетрезвом виде, давал ему советы, как «делать деньги». Причем говорил, что с Севастьяновым он уже «делал деньги» подобным образом.

Следователь поинтересовался: кто такой Севастьянов? Ему ответили, что это их бывший кок, который сейчас плавает в качестве шеф-повара на другом крупном пассажирском теплоходе.

И еще несколько чрезвычайно важных показаний получил Кириллов. Оказывается, у Травникова можно было приобрести не только вещи, но и иностранную валюту. В частности, приобретал ее начальник радиостанции теплохода Николай Кукушкин. И действительно, во время обыска в каюте Кукушкина нашли 40 американских долларов. Николай признался, что купил их у Травникова.

Несколько дней Травников еще продолжал упорствовать, а затем, поняв, что следователю уже известны уличающие его факты и дальнейшее заpiresательство может только повредить, обреченно махнул рукой и сказал:

— Ладно, буду давать правдивые показания.

— Вот так-то лучше, Владимир Александрович, прежде всего для вас, — произнес Кириллов и,

придвинув к себе лист бумаги, приготовился слушать и записывать.

— Сегодня, однако, вам не придется меня допрашивать, — сказал Травников.

— Это почему же?

— Потому что как раз сегодня ко мне на квартиру должен прийти один человек. Тот самый, у которого я приобретал валюту. И если вы хотите поймать этого человека с поличным, иметь неопровержимые улики, советую не упустить его. Сейчас же поезжайте ко мне домой и ждите.

Травников жил в большой коммунальной квартире в центре города. Туда и приехали следователь Кириллов, старший инспектор ОБХСС отдела милиции Ленинградского порта Игнатович и два оперативных работника. Жена Травникова — Ольга — провела их в комнату. Никто из жильцов не догадался, что за посетители и с какой целью пришли к ним в квартиру. Жизнь в ней шла своим чередом. Из кухни доносились женские голоса — там что-то варили, жарили, пекли. Подпрыгивая, пробежал по коридору ребенок.

...Томительно тянулись минуты. Никто не появлялся. Неужели Травников солгал? Придумал «легенду» про визитера, который якобы должен прийти к нему с валютой? Может быть, эта ложь понадобилась ему для того, чтобы оттянуть время и, пользуясь оттяжкой, обдумать свое положение? Такое ведь тоже случается...

В дверь постучали. Ольга вздрогнула, настороженно посмотрела. Игнатович поднял указательный палец, сделал предостерегающий жест: тихо! Стук повторился.

— Войдите! — пригласил Игнатович:

Дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомец. Увидев, что в комнате люди, он попятился. Но уйти ему не удалось.

— К кому вы пришли? — спросили его.

— К своему приятелю.

— Зачем пришли?

— Просто так.

— А может быть, принесли валюту?

— Не понимаю, о какой валюте вы говорите?

— Придется вас обыскать. Вот, пожалуйста, постановление на обыск.

В кармане у незнакомца ничего не оказалось. Неужели этот человек — не тот?

— Снимите, пожалуйста, туфли.

— Зачем?

— Снимите, снимите! Можете не стесняться...

— Ладно... Делать нечего. Вы правы. Я действительно принес валюту. Она у меня в носках. Разрешите я их сниму.

И, сев на стул, посетитель снял туфли, стянул с себя щегольские, черные в красную клетку, носки. В этом столь необычном «хранилище» оказалось 59 американских и канадских долларов, 6 английских фунтов, 170 западногерманских марок, 50 французских франков, 110 шведских крон и 5 финских марок.

Начался допрос.

— Кто вы такой? Ваша фамилия?

— Шаповалов.

— Кем работаете и где?

— Официантом в ресторане.

Далее выяснилось, что Шаповалов регулярно снабжал Травникова валютой, а в последний год делал это ежемесячно. Следователя интересовало: где он ее достает? Оказывается, обслуживая иностранцев, он получал от них «чаевые». Кроме того, официант приобретал валюту у бармена одной из гостиниц.

Из квартиры Травникова нарушитель правил о валютных операциях ушел не один. Его сопровождали работники ОБХСС. Они посадили Шаповалова в машину и повезли в следственный изолятор.

На другой день Кириллов встретился с Травниковым.

— Ну, как, приходил Володя? — любопытно спросил кондитер.

— Приходил. Что ж, Владимир Александрович, коль вы один раз помогли следствию, сделайте это и во второй. Докажите, что не потеряли окончательно совесть. Что вы говорили про Севастьянова?..

Севастьянов работал на пассажирских судах шеф-поваром. Он был неплохим знатоком своего дела. Под его руководством питание пассажиров всегда было налажено четко. Глядя на этого красивого, стройного человека в белоснежном поварском колпаке, царившего на камбузе среди начищенных до блеска, сверкающих котлов, никто бы не сказал, что он — матерый валютчик, спекулянт. Этот степенный человек привозил из-за границы нейлоновые плащи, кофты, платки, а затем перепродавал их втридорога. Когда его арестовали, он даже не очень переживал — видно, уже давно ждал этого момента. На предложение следователя рассказать о своих махинациях быстро ответил:

— С чего начать?

— Давайте в хронологическом порядке.

Севастьянов подробно рассказал, как занимался скупкой валюты, как провозил из-за границы вещи. Часть из них он сдавал в комиссионные магазины, а часть сбывал с рук. Несколько пальто продал в Риге. Фамилий покупателей не знал. Помнил только: одну из них звали Марией.

В заключение Севастьянов сказал как бы с упреком:

— Эх, гражданин следователь, разве мы фигуры — я, Травников... Вот Хабаров Александр Иванович...

— Возьмемся и за Хабарова, — ответил Кириллов.

О директоре ресторана теплохода следствие уже имело кое-какие сведения. Хабаров не брезговал ничем. Он шел на любые сделки. Как-то раз он заказал в Гаере свежий картофель для питания пассажиров. Однако на борт теплохода картофель не поступил. Сделка была фиктивной. Вместо картофеля Хабаров получил от шипчандлера, то есть лица, представляющего торговую фирму, 450 франков, которые поделил с тем же Севастьяновым и начпродом Сергеем Коричевым. Уже один этот факт свидетельствовал о моральной нечистоплотности директора ресторана.

Временно Хабаров плавал на другом пассажирском теплоходе. В день прихода этого судна в Ленинград Кириллов вместе с сотрудниками милиции порта явился к причалу. Смешались с толпой людей, встречавших теплоход. В руках у многих были букеты цветов, а Кириллов держал фотокарточку. На ней был изображен Хабаров. Фотография нужна была для опознания. Так нередко делается при арестах.

Раздобыть фотокарточку не составило большого труда. Директор ресторана прямо-таки обожал сниматься. Особенно с какими-либо знаменитостями, которых немало бывает на борту теплохода в качестве пассажиров. Одну из таких карточек и заполучил следователь.

Теплоход ошвартовался. Встречающие, размахивая букетами, ринулись к трапу. Кириллов и его спутники поднялись на борт. Разыскали капитана. Он был у себя в каюте. Представились. Капитан удивился. «Как? Вы пришли за Хабаровым? Вот уж никогда не подумал бы, что Александр Иванович в чем-то замешан. Впрочем, я ведь его не очень хорошо знаю. Он у меня временный». Затем капитан распорядился по судовому радио, чтобы Хабаров пришел к нему в каюту.

Хабаров явился сразу же. Губы его лоснились. Увидев в каюте людей в милицейской форме, он

растерялся от неожиданности, побледнел, затем покраснел. Все самодовольство его мигом пропало. Руки у него тряслись. Он понял, что дела его плохи.

— Александр Иванович, — обратился к нему Кириллов, — мы вынуждены произвести у вас в каюте обыск. Будьте добры, проводите нас туда.

В каюте Хабарова были обнаружены португальские эскудо, бермудские шиллинги, дирхамы Марокко, гульдены Нидерландов. Валюту Хабаров носил и при себе — его карманы были набиты английскими фунтами и шведскими кронами.

Севастьянов был прав: Хабаров оказался одной из наиболее крупных фигур в расследуемом деле. Следователь вычертил на листе бумаги схему преступной деятельности всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности. В центре он нарисовал кружок с надписью «Хабаров». В самые разные стороны тянулись от него линии. Был кружочек с надписью «Гавр» и был с надписью «Великие Луки». За лаконичным обозначением «Гавр» скрывалась махинация с картофелем, а за надписью «Великие Луки» — сделка с жительницей этого города Верой Зиновьевой, продававшей по поручению директора ресторана нейлоновые платки и кофточки.

Был на схеме и еще один кружочек с надписью «Гавр». Рядом стояла дата — «1969 г.». Так лаконично обозначил следователь историю с магнитофонами и радиоприемниками, полученными Хабаровым от представителя одной из иностранных торговых фирм, договорившейся об оборудовании на борту советского теплохода рекламной выставки-витрины с образцами своих товаров. Магнитофон и два радиоприемника «Грюндик экспорт-бой» и «Грюндик концерт-бой» были самой что ни на есть незамаскированной взяткой. По словам Хабарова, это был только «скромный подарок» от благодарной ему фирмы. Приемники и магнитофон

он продал, чтобы купить легковую автомашину. Однако сам без этих предметов не остался. У него были магнитофоны и радиоприемники, которые он тоже провез нелегально, сверх положенного.

Они стоили друг друга — Хабаров, Севастьянов, Травников. Последний, например, уже давно занимался валютными операциями, незаконным провозом товаров из-за границы. Еще в 1968 году он вместе с членами команды теплохода музыкантом Берковичем и фельдшером Шароновой обменивал в иностранных банках советские деньги на валюту. Тогда же он и Шаронова привезли из заграничного плавания товаров на 2500 рублей, которые затем перепродали в Ленинграде. В 1969 году предприимчивый кондитер передал одному из бывших матросов Балтийского морского пароходства нейлоновые платки, за которые получил 760 рублей. Осенью 1970 года Травников и Севастьянов привезли 50 женских синтетических кофт, причем уже тогда использовали в качестве тайников агрегаты кондитерского цеха. Была у них и большая партия нейлоновых пальто. Закупали они за границей и дорогие сервизы, хрусталь.

Однажды при увольнении на берег Травников попал в группу, где старшим был Николай Кукушкин. Желая задобрить его, получить возможность беспрепятственно ходить по магазинам, Травников предложил начальнику радиостанции купить у него иностранную валюту. Кукушкин согласился. После этого он уже не раз обращался к кондитеру за тем же. Некоторые привезенные им из-за границы вещи — 34 нейлоновых платка, пальто, кофточки, гипюр, шариковые ручки — продавала его мать, проживавшая в городе Хмельницком...

Так шаг за шагом распутывалось это дело. А ведь когда таможенники обнаружили в кондитерском цехе тайники для хранения нелегально провозимых из-за

границы вещей, никто и не предполагал, что в деле окажется замешанным не один человек, а большая группа людей.

На судах, где служили Хабаров, Севастьянов, Травников, преступные махинации последних вызвали самое суровое осуждение. Состоялись собрания, на которых выступавшие говорили, что аморальные действия несовместимы с высоким званием моряка советского торгового флота. Мусор есть мусор. И его надлежит выбрасывать за борт...

Следствие разыскало и всех тех, кто занимался покупкой вещей у Хабарова, Севастьянова, Травникова и тем самым поощрял их на дальнейшую спекуляцию, незаконные операции с валютой.

Севастьянов, например, на одном из допросов признался, что продавал в Риге нейлоновые пальто, которые нелегально привозил из-за границы.

В командировку в Ригу был послан старший лейтенант милиции Альберт Павлович Игнатович. Предварительно он и Кириллов набросали на бумаге план действий. Он был обширен. Надо было отыскать Марию, найти других женщин, приобретавших вещи у Севастьянова и Травникова. Кроме того, следовало найти некую Светлану, работавшую не то в Сигулде, не то в Вангажи заведующей клубом. У нее одно время жил Хабаров. Известно было, что он делал Светлане подарки. Возможно, что-то и продавал.

Рига — город большой. Женщин по имени Мария в нем сотни. И тем не менее, опрашивая людей, имевших связи с моряками дальнего плавания, Игнатович нашел именно ту Марию, которая покупала нейлоновые пальто у Севастьянова и Травникова. Это была Мария Андреевна Параскова. Оказалось, что она систематически скупала у моряков вещи, а затем перепродавала. Уже одно это было основанием для того, чтобы привлечь ее к уголовной ответственности.

Параскова призналась, что покупала у Севастьянова и Травникова нейлоновые пальто. Но так как взять все пальто, которые они ей предлагали, не могла, то повела их к своей подруге Мозиной. Та, в свою очередь, приобрела три пальто. Остальные Травников и Севастьянов сбыли через скупочный магазин.

И действительно, в скупочном магазине Игнатович обнаружил квитанции на сдачу Травниковым и Севастьяновым нейлоновых пальто, а в почтовом отделении на улице Ленина — корешок квитанции, по которой Севастьянов перевел своей жене в Ленинград крупную сумму денег, вырученных от продажи вещей. Это была нелегкая работа: перевернуть тысячи квитанций и чеков, прежде чем найти нужные.

Ходили разговоры, что Травников и Севастьянов во время пребывания в Риге держали вещи в камере хранения на вокзале. Игнатович и там перелистал множество квитанций и в конце концов обнаружил документы, подтверждающие, что Травников и Севастьянов держали вещи в камере хранения. Так у следственных органов появилось еще одно доказательство их преступной деятельности.

Были установлены также связи Хабарова с некоторыми жителями Латвии, подтвердившими, что директор судового ресторана занимался спекулятивными и валютными сделками.

За время работы над делом было проведено много различного рода следственных мероприятий: допрошено более 200 свидетелей, наложен арест на вклады, общая сумма которых составила 7000 рублей. Из них значительная часть принадлежала Хабарову. У Травникова изъяли облигаций Государственного трехпроцентного займа на 3000 рублей. Сделав тщательную опись, Кириллов вложил облигации в пакет, запечатал его, как положено инструкцией, пятью сургучными печатями и отправил в Госбанк.

Преступники были полностью изобличены, их вина доказана. Теперь можно было подвести окончательные итоги многотомного дела. Составив обвинительное заключение, следователь понес его на согласование к транспортному прокурору.

Ознакомившись с обвинительным заключением, прокурор Василий Васильевич Желтов сказал Кириллову:

— Вы, конечно, знаете, что такое мертвая зыбь на море? Это довольно неприятное явление. Судно, попавшее на такую зыбь, подвергается опасности быть разломанным. Вот на подобного рода жизненную зыбь попали в свое время и ваши подследственные. И они не выдержали, оказались слишком слабыми духом. Советскому торговому флоту такие люди не нужны. Пусть воздаст им суд по заслугам...

ОБВИНЯЕТСЯ ЛОШАДЬ ГОЛУБКА

Поздним мартовским вечером колхозный тракторист Алексей Киселев и электрик Петр Власов, проходя по деревне, обнаружили лежащего посреди дороги человека. Это был бригадир Федоров.

Колхозная электростанция к тому времени уже кончила работать. Деревня погрузилась в темноту. Лежавший на дороге человек выделялся темным пятном на снегу. Тут же неподалеку валялась его шапка.

— Никак, напился наш Борис Васильевич, даже до дома не дошел — свалился, — сказал Власов. — Такого с ним еще никогда не случалось.

— Развезло! — со знанием дела определил Алексей, который сам был не очень трезв.

— Надо его поднять и отвести домой, — предложил Власов. — Не спать же ему на снегу всю ночь.

Вдвоем они стали поднимать Федорова.

— Вставай, Борис Васильевич! Здесь не место для сна. Простудишься!

— Жена небось заждалась.

— Поднимайся! Федоров не шевелился.

Решили позвать его жену. За ней отправился Власов. Киселев же стал стучать в окно дома, где жил колхозник Тихомиров:

— Эй, выходите! Помогите отвести бригадира домой.

Пришла жена Федорова. Стала тормошить мужа. Запрокинутая голова бригадира безжизненно болталась. И тут женщина увидела, что он мертв.

— Боря! Голубчик ты мой! Господи, вот беда-то! — запричитала она.

...Утром в деревню Хрепле, Новгородской области, где жил Федоров, приехали следователь районной прокуратуры, работники милиции. Приступили к следствию. Прежде всего начали восстанавливать во всех подробностях, как бригадир провел свой последний день. И вот что выяснилось.

Зимний день в колхозной деревне начинается рано. В 7 утра Федоров уже был на ногах. Помимо обычных дел у него оказалось еще одно, экстренное. От мороза лопнула труба водопровода, подающего на скотный двор горячую воду. На месте аварии образовалось целое озеро. Над ним клубился молочно-белый пар. Федоров поспешил за народом. Он заходил в избы, каждый раз громко стуча в сенях сапогами, сбивая с них

снег, чтобы не наследить. Свет от топящихся печей бросал на его лицо жаркий розовый отблеск.

В 11 утра Федоров вместе с учительницей Никитиной и ее мужем ездил в деревню Витце. Учительская пара — по своим делам, бригадир — проверить, все ли колхозники вышли на работу. Там Федоров на 15—20 минут заходил к своему родственнику Бармашову.

В 17—18 часов Федоров обедал у себя дома. Потом поехал в деревню Крючково — подыскать доярку для своей бригады. На улице встретил Захарову, обрадовался: «Вот кто мне лучше всех подойдет!» Минут 30—40 азартно, с горячностью, до хрипоты в горле уговаривал Захарову перейти работать в Хрепле. Потом посадил ее в сани и повез показывать скотный двор.

Уже стемнело, когда Федоров повстречался с Николаем Киселевым. Николай сказал, что ищет своего брата Алексея.

— Да он же с утра уехал в Остров с моего разрешения. Возит из леса на тракторе дрова для Анны Дроздовой, — ответил Федоров. — Впрочем, — добавил он, — давай-ка съездим туда, посмотрим, не напоила ли его Анна. Она ведь женщина добрая, гостеприимная.

Запрягли в дровни резвую молодую лошадь Голубку, и она мигом домчала их лесной дорогой до деревни Остров.

Алексея нашли в доме Дроздовой. Анна действительно уже угостила его. С ним были Анатолий Царев и Виктор Григорьев, помогавшие вывозить дрова из леса.

Федорова и Николая компания встретила шумными возгласами, стала усаживать за стол. Федоров сначала отказывался: не к лицу ему, колхозному бригадиру, бражничать. Но потом все же сдался. Ему налили полный стакан водки.

— Ну, будьте здоровы! — произнес он и выпил. Поморщился. Потянулся к миске с солеными огурцами...

На этом, собственно говоря, выражаясь юридическим языком, объективно установленные обстоятельства, имевшие место при жизни Федорова, исчерпывались. Все дальнейшее было крайне загадочным. Сам Федоров спустя некоторое время был найден мертвым на дороге в деревне Хрепле, а лошадь, на которой он ехал, обнаружила на рассвете в своем огороде колхозница Мазовская. Голубка стояла, уткнувшись мордой в стог сена, и вся дрожала.

Что же произошло? Почему Федоров оказался мертвым?

Первое предположение, которое сделал следователь прокуратуры, — смерть бригадира произошла из-за отравления алкоголем. И действительно, Федоров находился, как показало вскрытие, в высокой степени опьянения. Химическое исследование позволило установить, что в его крови содержалось 5,4 промилле винного спирта. Такая доза может привести к смертельному исходу.

Однако судебно-медицинская экспертиза показала и другое. На теле Федорова имелось множество различных повреждений: и в области позвоночника, и поясницы, и в брюшной полости. Все они сами по себе также были смертельными. Кто же нанес ему эти тяжкие травмы? Следователь пришел к выводу, что это сделала лошадь, та самая Голубка, на которой Федоров ездил в деревню Остров.

Об этом свидетельствовала и одежда, которая была на Федорове в тот день. На фуфайке, например, криминалисты нашли след, который, судя по всему, был оставлен передним (зацепным) шипом подковы переднего левого копыта. Другие следы могли быть оставлены пяточными шипами подков. Окончательное мнение экспертов было такое: смерть Федорова

наступила в тот момент, когда он, находясь в бессознательном состоянии от алкоголя, попал в необычные условия. Эксперты даже нарисовали картину. Федоров лежал в санях, ворочался, его опутало вожжами и выбросило на землю. Некоторое время его волокло рядом с санями. В довершение ко всему по нему прошла лошадь. Так наступила смерть, и никто в ней, кроме самого Федорова, не виноват. Во всяком случае, никакого преступления здесь нет. Просто несчастный случай. Тем более что нрав Голубки был известен. Она была порой как сумасшедшая. Ездить на ней было небезопасно, особенно ночью. Она боялась теней, шарахалась от них, неслась как угорелая.

Бригадир похоронили, справили по нему поминки, вспомнив при этом все хорошее, что о нем знали. А хорошего было немало. Федоров был назначен бригадиром колхоза «Верный путь» за год до смерти. В бригаду, которой он руководил, входили жители трех деревень: Хрепле, Витцы и Крючково.

Федоров был требовательным и принципиальным работником, заботился об укреплении трудовой дисциплины в бригаде. По характеру он был человеком уравновешенным, пользовался авторитетом. Его избирали депутатом местного Совета, а одно время он был и председателем Островского сельского Совета. После его смерти жена осталась с двумя несовершеннолетними детьми.

Трагический случай с Федоровым произошел 15 марта 1965 года, а в мае того же года в юридическую консультацию Невского района Ленинграда пришли две посетительницы. Они хотели встретиться с опытным адвокатом. Им посоветовали обратиться к Геннадию Аркадьевичу Порховнику.

— Помогите нам установить истину, — сказала одна из посетительниц.

— Что я должен сделать? — спросил Порховник.

— Речь идет о моем брате и муже этой женщины — Борисе Васильевиче Федорове, бригадире колхоза «Верный путь», якобы попавшем под лошадь, — продолжала посетительница. — Прокуратура Новгородской области прекратила расследование обстоятельств его гибели из-за отсутствия уголовного состава. Но мы не согласны с таким решением. Борис не попал под лошадь, а был зверски убит, и мы даже знаем, кем именно. Надо добиться пересмотра дела. Об этом мы вас и просим. Надо привлечь к ответственности убийцу и наказать его.

— Почему вы считаете, что произошло убийство?

— А как же! Вся деревня об этом толкует...

После похорон Бориса Федорова в деревне действительно стали поговаривать, что не лошадь убила бригадира, а сделали это люди, затаившие на него злобу. Называли нескольких человек, и среди них Василия Тихомирова, неподалеку от дома которого Федорова нашли мертвым.

Когда-то Тихомиров сам был бригадиром. Но его сместили и назначили Федорова. Тихомиров был этим очень недоволен. Он ходил по деревне и угрожал Федорову расправой. Правда, делалось это в пьяном виде. Но известно: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Больше того, как-то в праздник в доме Василия Семенова собрались гости. Был среди них и Тихомиров. За столом зашел разговор о Федорове, о причине его смерти.

Захмелевший Семенов сказал, обращаясь к Тихомирову:

— Бориса убили. И убил его ты. Кроме тебя больше некому. Или ты был еще с кем-то?

Тихомиров также заплетающимся языком ответил:

— Давай скажу, кто это сделал. Тебе одному скажу. Только на ухо.

Он отвел Семенова в сторону, нагнулся к его уху, но поскольку был пьян, ничего не соображал, то сказал не шепотом, а громко, так, что слышали все сидящие за столом:

— Федоров был убит у меня в доме. Я его бил, а мне помогали Федоров Анатолий и еще Кислый.

— Какой Кислый?

— Ну, как какой? Мишка Никитин, не знаешь, что ли!.. Нет, это они его били, а я уж добил...

Семенов взял Тихомирова за руку и подвел к столу:

— Все слышали, что он сказал?

— Все! — ответили сидящие за столом.

— В свидетели пойдете?

— Пойдем!

А Тихомиров уже забыл о том, что болтал. Он припал к столу, схватил неверной рукой бутылку и стал наливать водку, но больше не в стакан, а мимо...

Но не только собственное признание Тихомирова вызвало в деревне толки о том, что бригадир был убит. Стало известно также, что в день гибели Бориса Федорова между ним и его однофамильцем Анатолием Федоровым произошла ссора, и все из-за той же Голубки. Анатолий хотел взять лошадь, чтобы поехать на ней в деревню Витцы, а Борис ему не дал. Он сам отправился на Голубке в Остров. Когда он уехал, через некоторое время после этого Анатолий Федоров и Михаил Никитин, по прозвищу Кислый, проезжали по деревне, оба нетрезвые, и угрожали бригадиру расправой.

Нашлась еще одна свидетельница — Матрена Федоровна Сазонова. Она рассказывала соседям, что слышала, как спорили между собой сыновья Михаила Никитина и Анатолия Федорова и во время этого мальчишеского спора называлось имя бригадира.

— Замолчи! Твой отец Бориса убил! — крикнул один паренек.

— И твой отец его бил! — отпарировал другой.

И наконец, еще одно обстоятельство вызывало подозрение. Сразу же после смерти Федорова внезапно уехал в Павлодарскую область житель деревни Остров Виктор Григорьев. Виктор был последним, кто видел Федорова в живых. Было известно, что это он посадил Федорова в дровни после того, как тот вышел из дома Анны Дроздовой. Потом Виктор якобы отправился к себе домой, а Федоров поехал через лес в Хрепле. Экстренный отъезд Григорьева был более чем странным. Григорьева допросили в прокуратуре Краснокутского района Павлодарской области, и он дал путаные, явно неправдивые показания.

По просьбе родственников Федорова Порховник приехал в Хрепле. Перед этим он побывал в Новгороде, в областной прокуратуре, где ознакомился с делом о смерти Федорова, которое уже положили в архив. Адвокат убедился, что родственники и односельчане покойного в известной степени правы. Может быть, утверждать категорически, что Федоров убит, и рановато, однако то, что следствие проведено поверхностно, крайне небрежно, — факт неоспоримый.

В Хрепле Порховник провел несколько дней. Он осмотрел место происшествия, познакомился с расположением деревни, всех ее построек, побеседовал со многими колхозниками. Конечно, в прямую его обязанность это не входило. Геннадий Аркадьевич рисковал заслужить среди коллег репутацию частного детектива-любителя. Однако такова уж его натура. Адвокат Порховник относился к тем людям, которые обязательно должны доводить до конца любое дело. «Частный сыск» прошел не без пользы. Порховнику удалось дополнить уже известное по рассказам сестры

и жены покойного многими новыми любопытными сведениями.

Колхозница Мазовская, в огороде которой оказалась Голубка, утверждала, например, что пройти туда самостоятельно лошадь, да еще запряженная в дровни, никак не могла.

— Проход на огород с улицы — узкий. Он идет вдоль дома. На пути находится столбик, который подпирает террасу. Если б лошадь шла самостоятельно, она обязательно зацепила бы за столбик. Нет, дело здесь явно нечистое, — говорила Анна Михайловна адвокату. — Лошадь сюда определенно привели. И привел тот, кто убил бригадира.

Муж Мазовской, Николай, был того же мнения.

— Если б кобыла шла сама, то она должна была бы прийти либо на колхозную конюшню, либо к дому Тихомирова, сын которого вырастил Голубку. Тихомиров-младший обучил ее и ходьбе в упряжи. Она часто стояла у них на дворе, где тоже есть стог сена. Почему же лошадь пошла не туда, а к нам, живущим в отдалении от места происшествия? Ведь известно, что у лошадей хорошая память. Бывали случаи, когда колхозные лошади приходили сами, без ездовых, даже из Батецкой и шли либо на конюшню, либо в знакомые им дома, а никак не на чужие участки.

То же оказала и колхозница Федорова:

— Самой лошади было не попасть на приусадебный участок к Мазовским. Ее туда завели. И завел убийца. Надо было привести розыскную собаку — уж она бы напала на след преступника. Может быть, он прятался в том самом стоге сена, возле которого была найдена лошадь?

Сам Порховник тоже пришел к выводу, что лошадь тут, пожалуй, ни при чем. Если принять версию о том, что Федоров погиб под копытами, то Голубка, когда он выпал из саней, должна была повернуть и пойти

обратно. При этом неизбежно должны были бы оставаться следы поворота саней и копыт лошади не только на дороге, но и на снежных валах по обеим ее сторонам. Но таких следов обнаружено не было. Та же Мазовская заявляла, что когда она увидела Голубку у себя на огороде, то вожжи лежали на той части саней, которая называется головяжкой, чего никак не могло бы быть, если считать, что перед этим лошадь наехала на человека. В таком случае вожжи должны были бы упасть и волочиться по земле...

Надо отдать должное энергии Порховника. Он с настойчивостью, не допускающей никаких компромиссов, стал добиваться пересмотра дела. Это ему удалось. Дважды пересматривалось по его ходатайству дело и дважды все ответы сводились к одному: бригадир колхоза «Верный путь» погиб в результате «несчастливого бытового случая». Если кто и виноват в его смерти, то только «сумасшедшая» лошадь Голубка. Что же касается слухов о том, что Федорова убили недруги, то это всего лишь слухи. Мало ли что взбредет кому в голову.

Но Порховника такие ответы не удовлетворяли. Он не успокаивался. Геннадий Аркадьевич по-прежнему считал, что, наверное, тут имеет место следственная ошибка. И он решил добиться нового, теперь уже третьего пересмотра дела, несмотря на то, что с момента гибели бригадира прошло уже три года. С этой целью он приехал в Москву.

Порховник побывал на Московском ипподроме, познакомился с наездниками.

— Может ли лошадь, находящаяся в упряжи, наехать на человека? — спросил у наездников адвокат.

— Наехать? В упряжи? Нет, такого случая мы не знаем, — ответили знатоки. — Лошадь может покусать зубами, лягнуть копытом, особенно если подойти к ней неожиданно сзади, но чтобы наехать на человека... Она

должна обязательно либо остановиться перед лежащим на земле, либо обойти его — такова природа коня.

В заключение наездники предложили:

— Если хотите, можем проделать при вас эксперимент. Эй, Василий, ложись на землю! Сейчас, товарищ адвокат, мы пустим вскачь орловского рысака... Глядите, что произойдет!

Из конюшни вывели лошадь. То, что затем произошло, оказалось для Порховника чрезвычайно интересным. Пущенная галопом лошадь, кося диким лиловым глазом, обогнула лежащего ничком на земле человека, промчалась мимо него. Василий встал, отряхнул костюм.

Сходил Порховник и в цирк. Мастера манежа, конной дрессировки в свою очередь подтвердили, что лошадь никогда не затопчет человека. Это не относится, правда, к табуну. Но ведь адвоката и не интересовал табун. Он спрашивал про одну лошадь.

Заместителя Генерального прокурора СССР, к которому попал на прием Порховник, не пришлось долго убеждать в том, что утверждение, будто Федоров был убит ударом копыта лошади, — абсурдно. Как только Порховник рассказал ему об этом, упомянул про эксперимент на Московском ипподроме, он воскликнул:

— Ну да! Совершенно верно. Полный абсурд! Лошадь никогда не пойдет по человеку. Это я знаю хорошо. Сам вырос в деревне, имел дело с лошадьми. Даже во время кавалерийской атаки, когда происходит, как вы сами понимаете, что-то невообразимое — «смешались в кучу кони, люди», — лошадь никогда не наступит на лежащего. Сколько, вы говорите, времени прошло со дня гибели колхозного бригадира? Три года? Срок, конечно, большой, но ничего! Возвращайтесь домой. Дело пересмотрим. Обязательно. Больше того! Поручим его для объективности прокуратуре другой

области. Скажем, Ленинградской. Значит, говорите, обвиняется лошадь Голубка? Абсурд! Полный абсурд!..

Старший следователь Ленинградской областной прокуратуры Владимир Эдуардович Писаревский начал с того, что изучил дело, а затем позвонил своему старому знакомому — заместителю начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Г. И. Заславскому.

— Григорий Иосифович? Здравствуй! Есть дело...

— Ты думаешь, мы сидим сложа руки?

— Но такого дела, которым я хочу предложить тебе заняться, наверняка давно не было.

— Что надо будет делать?

— Исследовать труп.

— Когда последовала смерть?

— Три года назад.

— Значит, ты хочешь произвести эксгумацию?

— Да! Если мне поручено новое расследование дела о причине смерти человека, я должен начать с того, с чего обычно начинают, — с судебно-медицинского исследования. Во имя установления истины.

— Вся наша работа — во имя установления истины, а не чего иного, — ворчливо проговорил Заславский. — Три года спустя? Ну что ж, приезжай, посмотрим, что там у тебя...

Суровость профессии накладывает свой отпечаток на судебно-медицинских экспертов. Весна, например, для большинства — это пора тающих снегов, звонкой капели, прозрачной голубизны небес, пушистых сережек на вербах, а для экспертов — напряженное время года, когда с прибавлением светового дня увеличивается, согласно статистике, и число преступлений. Но они не лишены своеобразной романтики, эти люди, одновременно и медики и криминалисты, вооруженные теперь новейшими методами — физико-техническими, биологическими,

химическими — для проведения своих, подчас сложнейших, экспертиз.

Вот почему, выслушав следователя, Заславский сразу же загорелся:

— Едем!

Морозным декабрьским утром следователь, судебно-медицинский эксперт и сопровождающие их лица приехали в Хрепле. Взяв понятых, направились на деревенское кладбище. Как назло, в этот день бесновался ветер. Он сдувал снег с могильных крестов и веток деревьев. Коченели руки. Зябли ноги, особенно у следователя и эксперта, одетых в легкие ботинки. Но дело есть дело.

— Начали! — скомандовал негромко Писаревский.

Лопаты со звоном вонзились в промерзшую землю. Потом послышались глухие удары — это задели крышку гроба...

Заславский был скрупулезен. Он тщательно осмотрел останки бригадира, извлеченные из вскрытой могилы и доставленные в морг.

Писаревский с нетерпением ожидал, что скажет Григорий Иосифович, какое он сделает заключение: ведь от этого будет зависеть дальнейший ход следствия. Заключение было таково: помимо тех повреждений, которые уже были в свое время установлены, у Федорова имелись также переломы таза и четырех ребер, не обнаруженные при первичной экспертизе. Порховник был прав — она производилась небрежно, поверхностно.

При допросе жены потерпевшего выяснилось, что она сохранила всю одежду, которая была на погибшем, сохранила в том виде, в каком получила три года назад из прокуратуры Новгородской области. Вызвали понятых, принесли с чердака узел, разложили вещи на столе. Лупа поочередно переходила от Писаревского к Заславскому и обратно. Но это было только

предварительное исследование. Подробная, обстоятельная экспертиза еще предстояла.

Эксперты обратили внимание на то, что все следы на фуфайке расположены по одной линии, а это означало, что они не могли образоваться от подковы.

Если принять версию о том, что по Федорову прошла лошадь, то следы должны были быть расположены по-другому. Чтобы удостовериться в этом, Писаревский решил проверить, как ходит Голубка. Оказалось, что ее задние копыта при ходьбе не попадают в следы передних, не доходят до них по крайней мере на 10—15 сантиметров.

И тогда Писаревский решил произвести следственный эксперимент с лошадью. Он захотел точно удостовериться: пойдет ли Голубка по человеку? Лошадь запрягли в дровни, на дорогу положили искусно сделанный макет, изображавший человека, и, разогнав лошадь, направили ее прямо на него. Голубка всякий раз упорно его обходила. Ее пытались тянуть за уздцы, подгоняли криками, понукали, пугали. Лошадь, упираясь всеми четырьмя ногами, приседала, громко ржала, пыталась лягаться и кусаться, но по «человеку» не шла. Писаревский был вполне удовлетворен, хотя явно отпадавшее обвинение в адрес Голубки осложняло дело. Если не Голубка причина гибели Федорова, то что же в таком случае произошло три года назад? Отчего погиб колхозный бригадир?

Ответ на этот вопрос дал тот же Заславский. Когда Писаревский, с нетерпением ожидавший окончательного акта судебно-медицинской экспертизы, поинтересовался у Григория Иосифовича, можно ли, судя по повреждениям на трупе, оказать, что бригадир был убит злоумышленниками, он отрицательно замотал головой:

— Ни-ни! Никто колхозного бригадира не убивал. Он умер не в результате того, что по нему проехала

лошадь, запряженная в сани, и не потому, что кто-то наносил ему удары, скажем, ногами, обутыми в сапоги, или каким-либо тяжелым предметом. Характер полученных им повреждений таков, какой бывает при попадании под движущийся механизированный транспорт.

— Автомобиль? — воскликнул Писаревский.

— Нет, — ответил Заславский. — Скорее, гусеничный трактор. Подробней ты узнаешь об этом из моего акта.

Акт, который следователь получил через два дня, гласил:

«Весь комплекс повреждений, обнаруженных на трупе Федорова, не мог возникнуть в результате падения с саней и попадания под них... ни в результате удара копытами лошади, ни в результате ударов, причиненных человеком. Обширность и тяжесть повреждений костей таза исключает также возможность переезда тела Федорова легковым автотранспортом, а также передними колесами грузовика. Множественные двусторонние переломы передних и задних отделов костей таза можно отнести за счет воздействия частей движущегося механизированного транспорта, каковым, в частности, мог быть гусеничный трактор».

Гусеничный трактор! Он и раньше фигурировал в материалах следственного дела. Но никому и в голову не приходило, что именно трактором и был задавлен Федоров. Значит, обвинение в том, что его кто-то убил, отпадало само собой?

И тогда Писаревский решил взяться за, казалось бы, невозможное. Он решил «привязать» к месту происшествия все тракторы, которые могли проезжать три года назад через деревню Хрепле в тот самый день и час, когда погиб Федоров. И не только тракторы, а заодно и грузовые машины, и все другие виды механизированного транспорта.

Это была сложнейшая работа, если учесть к тому же, что надо было поднять документы трехлетней давности.

Правда, работу эту несколько облегчало то, что Хрепле расположено не на шоссейной дороге, а в стороне от нее. «Посторонние» тракторы и грузовые машины появляются в деревне редко. Следовательно, речь может идти только о своих машинах.

Затребовав путевые листы, Писаревский принялся их тщательно разбирать.

И вот что установил.

15 марта 1965 года в бригаде Федорова на ходу было три трактора — Николая Прокофьева, Владимира Семенова и Алексея Киселева.

Первый трактор весь вечер находился на стоянке около колхозной электростанции.

Второй трактор часов в 16—17 испортился в полтора километрах от Хрепле — слетела гусеница, которую тракторист нашел в снегу лишь на следующий день.

Таким образом, под подозрение был взят только один трактор — тот самый, на котором Алексей Киселев возил дрова жительнице деревни Остров Анне Дроздовой.

Не проезжал ли он в тот злополучный час, когда погиб бригадир, через деревню Хрепле?

Следователь установил: да, проезжал! И вот как это было.

Примерно в 22 часа 30 минут все принимавшие участие в выпивке у Анны Дроздовой, в том числе и Федоров, ушли от нее. Григорьев и Царев посадили бригадира в сани, в которые была запряжена Голубка, сами тоже примостились рядом, и все трое доехали до окраины Острова. Там остановились. Покурили. Затем уже один Федоров поехал дальше, а через несколько минут на той же дороге послышалось урчание трактора. Это поехали домой, в деревню, братья Алексей и Николай Киселевы. Царев и Григорьев постояли еще немного на улице, поговорили и пошли спать.

Трактором управлял Николай. Алексей сидел рядом в кабине. Оба были пьяны. Все качалось и плыло перед их взором.

Когда проезжали по деревне Хрепле, Николай не заметил выпавшего из саней и лежавшего поперек дороги Федорова. Трактор переехал его одной своей гусеницей. От полученных повреждений Федоров тут же скончался.

Ну, а как же слухи о том, что Федорова убили? Как же обвинения в адрес Тихомирова, Федорова, Григорьева? Они тоже были проверены следователем и не нашли никакого подтверждения. Тихомиров, например, в 19 часов уже спал. Когда в окно его дома постучал Алексей Киселев, он даже не встал. Встала с постели его жена. Она подошла к окну, спросила, что надо. Киселев ответил, что с бригадиром что-то случилось, надо помочь его поднять: пусть Тихомиров выйдет на улицу. На это Тихомирова ответила, что Федорова есть кому поднимать и без ее мужа. У него есть жена. Пусть она и поднимает!

И проворчала:

— Наш дом стоит при дороге. Всех пьяных поднимать — времени не хватит.

Конечно, такой ответ не свидетельствовал об отзывчивости этой женщины. Тем не менее он явился

для ее мужа одним из доказательств алиби.

Но почему же в таком случае сам Тихомиров утверждал, что вместе с Анатолием Федоровым и Михаилом Никитиным убил бригадира? Просто он нес в пьяном виде околесицу, болтал, что только взбредет в голову. Такая болтовня могла обернуться для него крупной неприятностью, не разберись в ней как следует следователь.

Отпали также обвинения и в адрес Анатолия Федорова и Михаила Никитина. Их признали сплетней... Слухи, тревожившие родственников Федорова, были отмечены.

Допрошенный следователем Николай Киселев готов был полностью признать себя виновным при условии, если судебно-медицинская экспертиза дала на этот раз правильное заключение о смерти Федорова и его действительно переехал трактор. Мол, Федорова на дороге он не видел, — возможно, как раз в этот момент посмотрел в сторону, — и все эти годы даже не подозревал, что задавил человека.

Когда судебно-медицинские эксперты подтвердили, что заключение абсолютно точно, Киселев сказал:

— Что ж, никаких возражений против выводов экспертов у меня нет. Если установлено, что Федоров погиб в результате наезда на него механизированного транспорта, то есть трактора, готов нести полную ответственность.

Была проведена еще одна экспертиза — техническая. К ней привлекли специалиста по механизированному транспорту — доцента, кандидата технических наук. По ремонтной ведомости установили, что трактор находился в исправном состоянии. Фары действовали нормально. Это подтвердили свидетели, видевшие их свет из окон своих домов. Рельеф местности позволял заметить лежащего на дороге человека. Расстояние, которое было до него, а также

скорость движения, состояние механизмов трактора, находившихся в полной исправности, позволяли избежать трагического случая. Однако наезд все-таки произошел. И случилось это потому, что Киселев управлял трактором в нетрезвом состоянии. Он нарушил «Правила движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР» и за это должен нести уголовную ответственность.

В качестве вещественного доказательства на суде фигурировал кусок вожжей, с помощью которых Федоров управлял Голубкой. Но они не понадобились...

НОЖ НА ТРАВЕ

6 ноября 1968 года, придя на работу, старший следователь Ленинградской областной прокуратуры Владимир Эдуардович Писаревский узнал, что ему присвоено звание советника юстиции. Товарищи поздравляли его, сам Писаревский отшучивался. Он вспомнил свое самое первое дело — это было в Хабаровске, куда его направили после окончания Ленинградского университета. Перед ним предстала в качестве подследственной пятнадцатилетняя девочка, укравшая велосипед и продавшая его. Неизвестно, кто

тогда больше трусил — эта ли девочка, замершая от страха как мышонок, или он, молодой следователь...

Сколько воды утекло с тех пор! И вот сейчас у него уже по две звезды в петлицах.

День складывался удачно. Никаких экстренных дел не намечалось. Можно наконец уйти вовремя, заглянуть по пути в магазин, купить бутылку шампанского, торт и отпраздновать в кругу семьи получение звания. Тем более что следователю, да еще такому, у которого работа связана с разъездами по области, бывать дома приходится не так уж много. А впереди еще целых два праздничных дня.

Однако все сложилось совсем по-другому...

Когда зазвонил телефон в кабинете и Писаревский снял трубку, он услышал голос начальника областного уголовного розыска подполковника милиции Виктора Ивановича Степанкина:

— Володя? Сегодня ночью произошло убийство в поселке Мельничный Ручей.

— Ну, а я-то тут при чем?

— При том, что как же ехать на следствие без тебя? Вот что, Володя. Заславский уже у меня. Жди нас, сейчас мы за тобой заедем. С начальством этот вопрос согласован. Впрочем, еще успеешь выкурить папиросу.

— Постой, постой, неужели некому больше ехать?

— Представь себе, шеф говорит, что все заняты. К тому же дело очень серьезное. Тут нужен следователь твоего плана — энергичный, решительный, быстрый.

— Можно подумать, что я — скорая помощь!

— Ну, не мне тебя учить да и времени нет для разглагольствований. В общем, обо всем договорились. Жди!

Через четверть часа Писаревский, держа на коленях портфель, в котором содержится все необходимое для проведения расследования на месте — лупы, пробирки с реактивами, с веществами для закрепления следов на

земле, дактилопленки для снятия отпечатков пальцев, — уже сидел в машине. Все, с кем он ехал, были его старыми знакомыми. Они, эти люди, хорошо понимали друг друга с полуслова, потому что работали вместе годами, раскрыли не одно сложное преступление.

Рация донесла прямо в машину голос заместителя начальника Всеволожского райотдела милиции:

— Докладывает Селезнев... Товарищ подполковник, убита Валентина Илатовская, двадцати одного года... Работница завода «Красный Октябрь»... Работала в вечернюю смену... Возвращалась домой в Мельничный Ручей одной из последних электричек... Поезд, которым она ехала, устанавливается... Убитая проживала на улице Фонвизина вместе с матерью и сестрой-девятиклассницей... Место происшествия охраняется...

Слушая доклад заместителя начальника райотдела, Писаревский невольно подумал: еще совсем недавно эта девушка работала, ходила на танцы, в кино, читала книги, о чем-то мечтала и уж, конечно, не подозревала, что дни ее сочтены. И вот какой-то негодяй пересек ей дорогу и в одно мгновение оборвал ее жизнь.

Завывая сиреной, машина промчалась по облаченным в яркий праздничный наряд улицам города, миновала окраину и вырвалась на простор пригородных дорог. Замелькали пожелтевшие осенние луга, телеграфные столбы, домики с приусадебными участками, снова луга, коллективные сады, перелески, над которыми с печальными криками кружились стаи ворон. Несмотря на то что уже наступил ноябрь, на большинстве деревьев еще сохранилась листва. Было тихо, безветренно...

Машина свернула на улицу Фонвизина. Где находится место происшествия, сразу было видно по окружавшей его толпе, в которой мелькали милицейские фуражки. На земле лежал труп молодой

девушки. Рядом, на пожухлой траве, сидела женщина и, держа на коленях голову убитой, громко причитая, безудержно плакала. Мать!..

Подошел, шурша плащом, Селезнев. Откозырял.

— Кто первым обнаружил убитую? — обратился к нему Писаревский.

— Да повар тут один...

— Где же он? Позовите.

Перед следователем предстал немолодой человек. По его внешнему виду нетрудно было определить, что он взволнован.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы обнаружили труп?

— Было это примерно в половине девятого утра, Я шел на станцию Мельничный Ручей, чтобы сесть в поезд и поехать в Ленинград на работу. Обычно я выхожу раньше, а сегодня решил пойти чуть позже. Работаю я в столовой поваром... Прохожу по улице Фонвизина — тишина, ни души. Вдруг вижу, в канаве с водой что-то лежит. Вначале я даже не понял, что именно. Пригляделся — женщина! Близко не подходил. Пошел скорее на станцию и там сообщил сотрудникам пикета. Они стали звонить во Всеволожск, в райотдел милиции, а мне велели, чтобы я на работу не ехал, вернулся назад. Буду, мол, свидетелем.

— Совершенно верно, — подтвердил Писаревский. — Виктор Иванович, — повернулся он к Степанкину, — будь добр, поручи кому-нибудь допросить этого человека, и пусть едет на работу.

Выяснилось также, что, пока повар сообщал о случившемся работникам железнодорожного пикета, еще несколько человек прошли по улице Фонвизина мимо придорожной канавы, в которой лежала убитая. Это были мужчина с ребенком, ночная няня из расположенного поблизости детского дома, сторож.

— Кто извлек труп из канавы?

— Мать погибшей.

Хотя девушку убили буквально в двух шагах от дома, в котором она жила, мать ничего не подозревала: думала, дочь заночевала в Ленинграде. О случившемся узнала только утром, когда услышала от соседей, что ночью кого-то убили. Вышла на улицу любопытствовать и вдруг увидела, что это ее дочь.

С вечера накануне начало слегка примораживать, вода в канаве покрылась слоем льда, и понадобились некоторые усилия, чтобы вытащить убитую. Когда мать повернула ее лицом вверх и увидела множество ран, она чуть не лишилась рассудка...

Во время осмотра местности были найдены вещи, принадлежавшие убитой. Преступник разбросал их по всей улице. Часть кинул за забор, на территорию заколоченных на зиму дач, а часть — в канаву с водой. Оттуда были извлечены зеркальце, коробочка с тушью коричневого цвета и щеточка для окраски ресниц, губная помада, проездной железнодорожный билет, сроком от 20 октября до 19 ноября, с фотографией убитой. Была найдена также ее сумочка — черная, с двумя ручками. В ней находились записная книжка, тюбик с вазелином, кружевной воротник типа жабо, заводской пропуск, завернутые в бумажку конфеты драже и книга «Крушение» Рабиндраната Тагора. Судя по тому, что сумочка лежала открытой под уличным фонарем, преступник рассматривал ночью ее содержимое.

— Все ли вещи целы? Ничего не пропало? — обратился Писаревский к матери и сестре убитой.

И тут возник вопрос: где же часы?

Известно было, что у Вали в тот трагический для нее день находились в сумочке двое часов: женские «Лиры» и мужские «Родина». Последние дал ей знакомый — Вячеслав Ю., чтобы она поносила их, пока ее «Лиры» будет в починке. Он, же сам и отнес их в мастерскую.

«Ли́ра» уже давно возвратилась из ремонта, а Валя все не отдавала Вячеславу его часы. Вот этих-то часов и не оказалось на месте происшествия.

— Не кажется ли тебе, Виктор Иванович, — сказал Писаревский, — что если убийца разбросал вещи своей жертвы по всей улице, то все же где-то тут находятся и часы? А может быть, даже и нож, которым было совершено убийство. Надо их поискать.

— Давайте пустим служебно-розыскную собаку.

— Собака уже здесь, — доложил Селезнев.

— Может быть, применим металлоискатель?

— Неплохая идея, — одобрил Писаревский.

— Сейчас пошлю за ним, — заторопился Селезнев.

— А если нож и часы в канаве с водой? Если преступник бросил их туда?

— Поищем и там. Неплохо бы выкачать всю воду с помощью пожарной мотопомпы.

— Отлично!

Привели служебно-розыскную собаку, применили металлоискатель. Но часов не нашли.

Прибыла мотопомпа. Пустили ее в ход. Вода в канаве начала медленно убывать. Тем временем Заславский, закончив осмотр трупа, установил, что на нем имеется 21 ножевое ранение, и повез его в морг на вскрытие. Оперативная бригада направилась во Всеволожский райотдел и там провела совещание.

Писаревский предложил ряд экстренных мер.

— Немедленно надо дать знать о случившемся во все соседние районы, информировать также прилегающие области, чтобы и там были начеку — организовали поимку преступника. В самом поселке перекрыть все дороги. Установить на них милицейские посты. Ввести круглосуточное патрулирование. Одновременно надо заняться проверкой. Выяснить, не видели ли в эти дни подозрительных лиц. Может быть, кто-нибудь ночевал в пустых дачах? Надо установить

также, не устраивались ли в эти дни гулянки, не приезжал ли на них кто-либо из Ленинграда. И еще. Необходимо выявить, кто ехал той же электричкой, что и Валя. Всех допросить. Организовать подворный обход.

— Да у нас и людей для этого не хватит.

— Свяжитесь с Ленинградом. Пусть пришлют.

— Сейчас же сделаем. Жуковский! Садись к телефону. Или вот что... поезжай на станцию.

— Да, и связи, связи убитой надо установить: с кем она дружила, кто ее знал.

— На завод отправим инспектора уголовного розыска Данилова. Он дотошный...

— И про мать не забудьте: кто у нее бывал, круг ее знакомых.

— Может быть, и с соседями поговорить?

— Давайте. Итак, завтра с утра начните подворный обход. Праздник? Ну и что ж из того? Он для нас отменяется. Сами понимаете!..

Только в 4 утра несколько спало напряжение. Следователь и начальник уголовного розыска области ненадолго прикорнули в одной из комнат райотдела милиции. Писаревский устроился на диванчике, Степанкин прямо на стульях. В 6 часов все уже снова были на ногах. Дорогá была каждая минута...

Мотопомпа работала всю ночь. До самого утра пожарные выкачивали воду. Сделали они это добросовестно. Воды в придорожной канаве как не бывало.

— Ну, Владимир Эдуардович, — обратился Селезнев к Писаревскому, — вы как в воду глядели. Часики ведь были там, в канаве...

— Нашлись? И те и другие?

— Нет, только часы марки «Лира».

— А «Родина»?

— Увы! Этих часов там не было.

— У меня идея. Надо поднять на их поиски всех местных жителей. И не только улицы Фонвизина, но и соседних с ней. Пусть внимательно посмотрят у себя на приусадебных участках. Заодно, может быть, обнаружат и нож.

Его предположение оказалось верным. Александр Николаевич Васильев, проживающий в доме наискосок от места убийства, нашел у себя на участке, неподалеку от забора, самодельный кухонный нож с коричневой пластмассовой ручкой. Он лежал на траве, слегка запорошенной снегом. В ночь накануне убийства снега не было. Он выпал только в ночь на шестое. Поскольку на самом ноже снега не оказалось, это дало возможность предположить, что он очутился здесь позднее. Нож был остро отточен, и на нем имелись многочисленные, в основном мелкие, бурые пятна. Кровь это или не кровь, должна была определить судебно-биологическая экспертиза.

— Накануне я этого ножа не видел, — уверял Васильев. — Хотя трижды проходил мимо этого места к колодцу. Значит, его подкинули позже, и, видимо, ночью. У меня в хозяйстве такого ножа не было. Не видел я его и у кого-либо из соседей.

Нож со всеми предосторожностями подняли, упаковали в коробку и отправили на исследование. Надо было определить: остались ли на нем следы крови, пальцев?

Опрос местных жителей ничего существенного не дал.

Все они в один голос заявили, что никаких подозрительных лиц в поселке не видели. И вообще здесь спокойно. По неделям может висеть на дворах белье, и никогда ничего не пропадает. В пустых дачах никто не ночует. Гулянки ни у кого не устраивались.

Затем началась проверка знакомых Вали. Писаревский установил, что среди них были парни:

Василий, Виктор, Вячеслав и Геннадий.

Виктор отпал сразу же. Он в эти дни отсутствовал — совершал туристскую поездку на теплоходе в Ригу.

Нашлось алиби и у Геннадия Г., с которым Валя дружила в последнее время. В связи с Геннадием всплыло имя некой Маргариты. Эта женщина работала вместе с Валею в одном цехе. Оказалось, что Геннадий встречался с этой женщиной. Познакомившись с Валею, Геннадий оставил Маргариту. Из-за этого, как утверждали некоторые, она затаила злобу на Валю, считая ее разлучницей. Однажды даже между ними произошла ссора в раздевалке. Маргарита якобы кричала, что Геннадий, если и женится, все равно будет по-прежнему к ней ходить.

Может быть, эта женщина причастна к убийству? Маргарита заявила, что никаких ссор между ней и Валею не происходило. Это все наветы сплетников. Угроз в адрес Вали она не высказывала. Когда некоторые женщины-работницы говорили, что Геннадий к ней больше никогда не придет, что он собирается жениться на Вале, она отвечала: «Что ж, дорога для него свободна, я за ним бегать не собираюсь».

Тем не менее, установить, где была Маргарита 5 ноября после работы, следовало. Оказалось, она пришла домой и никуда не уходила. Зашла только к соседям по лестничной площадке — посмотреть по телевизору концерт. Ушла от них в 22 часа.

Вычеркнув и ее из списка заподозренных, Писаревский приступил к допросу Вячеслава Ю.

Владелец часов «Родина» Вячеслав, или, как его называли, Славик, когда-то работал вместе с Валею на одном заводе. Девушка ему очень нравилась. Он даже заявлял друзьям: «Мне без Валентины нет жизни — люблю ее так, как никого еще не любил». Славик делал ей предложение, просил Валю стать его женой. Однако

ей он не нравился, и в последнее время она стала даже его избегать.

Однако Славик не хотел порывать с Валею. Он настойчиво продолжал ухаживать за девушкой, искал с ней встреч, поджидал ее у ворот завода. Однажды его видели в поезде с букетом гладиолусов. На станции Мельничный Ручей в вагон вошла Валя. В руках у нее были точно такие же цветы. «Эх, выходит, я зря везу эти цветы из дома!» — произнес Славик, с огорчением взглянув на свой букет. «Выходит, зря!» — холодно отрезала Валя. Но даже и этот случай не отрезвил парня. Он продолжал домогаться девушки. Единственное, что себе позволила Валя, это взять у него часы и дать ему свои для ремонта. Но почему она не вернула Славику его часы? Почему держала их у себя?

Ответ на этот вопрос дали мать и сестра Валентины. Они сказали, что раз Валя избегала встреч со Славиком, то, естественно, и часы не могла ему вернуть. Мать постоянно напоминала ей об этом, говорила, что чужую вещь нечего держать у себя, надо вернуть. Накануне своей гибели Валя наконец достала их, завела и положила к себе в сумочку. Сестра, которая видела это, поняла, что Валя собирается отдать часы Славику.

Может быть, именно Славик и совершил преступление? Может быть, поняв, что Валя никогда не станет его женой, он решил убить ее из ревности? Что ж, это вполне могло быть!

Писаревский спросил у Славика на допросе, когда он последний раз встречался с Валею.

— Недели две-три назад. Это было на станции Мельничный Ручей. Я подошел к Вале и спросил: «Я слышал, что вы живете теперь по другому адресу? Где именно?» — «А тебе не все ли равно?» — проговорила Валя. «Ты не хочешь, чтобы я с тобой даже

разговаривал?» На это Валя ничего не ответила. И я понял, что она для меня навсегда потеряна.

— Нам известно, что пятого ноября вы работали во вторую смену. Работу закончили в двадцать три часа пятьдесят пять минут. Что вы потом делали?

— Поехал домой. Электричка отходила в ноль тридцать одну.

— Кто может подтвердить, что это именно так?

Славик задумался.

— Ну? — поторопил Писаревский.

— Вспомнил! В вагоне ехала девушка. Мне неизвестна ее фамилия, знаю только, что ее зовут Аллой. Она читала книгу. Еще я встретил в поезде Сашку Зайцева из Ириновки. Спустя некоторое время я прошел в последний вагон, лег на скамейку и так доехал до станции Ладожское Озеро, где живу. Домой при шел в два ночи...

Найти Аллу оказалось не так-то легко. Кто она такая, где живет? Только после двух дней кропотливых розысков оперативник наконец доложил:

— Алла найдена! Это — Алевтина М., жительница поселка Борисова Грива, работница объединения «Светлана».

Она подтвердила, что Славик ехал с ней в одном поезде. Парень подсел к ней на скамейку и своей болтовней мешал ей читать, так что она даже вынуждена была в конце концов сказать ему: «Отстань!» Славик обиделся и ушел. Позже, когда поезд стал подъезжать к станции Борисова Грива, Алла прошла в последний вагон и увидела, что на скамейке кто-то лежит. Это был Славик.

Зайцев также подтвердил, что видел Славика в поезде. Славик вошел в вагон на перегоне между станциями Корнево и Проба, подошел к Сашке Зайцеву, посмотрел, какую он читает книгу, и пошел дальше. Показания Зайцева оказались чрезвычайно важными

для Славика, для установления его алиби. Станция Корнево находится дальше, чем Мельничный Ручей. Следовательно, Славик говорил правду, что после работы поехал домой. Так оно и было. К убийству Вали он не имел никакого отношения.

...Василий Ф. вел себя на допросе дерзко, вызывающе. Он кричал, что это возмутительно — подозревать его в чем-либо. При этом глаза его почему-то испуганно бегали. Он прятал руки. Это не могло не остаться незамеченным.

— Покажите руки, — потребовал следователь.

— Зачем?

— Хочу их посмотреть.

— Вы, кажется, действительно собираетесь мне что-то пришить? Ну, смотрите, если вам требуется!

На руках у Василия оказались царапины.

— Откуда они у вас? — спросил Писаревский.

— Получил на работе. Если вам нужны подтверждения, что это именно так, можете обратиться за справкой к Катьке, той, что работает у нас на сверловке. Она мне самолично смазывала эти царапины йодом. Ну, как, устраивает вас такое объяснение? Что вы еще хотите от меня?

Следователь позвонил по телефону к дежурному:

— Судебный эксперт еще здесь?

— Так точно!

— Пригласите его ко мне.

Вошел Заславский.

— Что вы хотите делать? — вскочил со стула Василий.

— Раздевайтесь.

— Зачем?

— Вас освидетельствует эксперт.

— Что?! — заорал Василий.

— Снимите пиджак, сорочку...

Василий нехотя подчинился.

Поимка преступника в какой-то степени напоминает ловлю сетью. Она забрасывается глубоко, так, чтобы ни одна даже самая мелкая рыбешка не проскользнула сквозь ячеи...

Одновременно с проверкой знакомых Вали отрабатывались и другие версии.

Знаете ли вы, что такое «подворный обход»? Это такое следственное мероприятие, когда проверяются улица за улицей, дом за домом. Ни один двор не пропускают участвующие в обходе люди. Они уточняют уже имеющиеся факты, выявляют новые. В данном случае вопрос ко всем был один: что вы можете добавить к событиям, связанным с убийством на улице Фонвизина?

Десятки сотрудников милиции, дружинников двинулись в обход по дворам. Большинство опрошенных отвечало отрицательно: нет, они, к сожалению, ничего не знают. Но вот нашелся свидетель, который заявил, что приехал с Валею поездом, который прибывает в Мельничный Ручей в 1 час 07 минут. Он не только ехал в одном поезде, в одном вагоне, но и шел с ней некоторое время от станции до своего дома. Этим свидетелем была Люба М. После того как они расстались, Валя пошла дальше одна.

Как бы ни были туманны эти сведения, тем не менее они позволили следствию определить часть маршрута, по которому шла от станции Валя, начать вычерчивать его схему. А это уже было немаловажно.

Заинтересовал Писаревского и рассказ местной жительницы Тамары Степановны, которая тоже приехала тем же поездом. Поскольку час был поздний, Тамару Степановну встретил на станции ее муж. К ним присоединилась знакомая соседка, и все трое пошли к дому.

Тамара Степановна рассказала, что чем дальше удалялись они от станции, тем все пустынное, глуше становились улицы, не везде идеально освещенные электрическим светом. Идти было жутковато. На земле лежали длинные тени, отбрасываемые деревьями и заборами. Когда стали подходить к улице Фонвизина, Тамаре Степановне показалось, что оттуда донесся крик: «Мама! Мама!» Кричала девушка. Голос был тревожный.

— Ау! — крикнула Тамара Степановна, останавливаясь и вглядываясь в ночную темноту.

Никто не отозвался. Спутники стали уверять Тамару Степановну, что она ошиблась, никто не кричал: «Мама!» Подошли к улице Фонвизина, посмотрели: она была пустынна.

— И все-таки я отчетливо слышала крик: «Мама!» — сказала следователю Тамара Степановна.

— Почему же это вас не насторожило?

— Потому что это не был крик о помощи, крик ужаса... Это был слабый, хотя и тревожный возглас, который мог быть отголоском семейной ссоры. Вот почему я не забеспокоилась.

Третий свидетель, выявленный благодаря подворному обходу, заставил Писаревского насторожиться. Худенькая девушка, работница комбината «Красная нить», Валентина Д. испуганно поглядывала на следователя и рассказывала односложно, неохотно, путано. Да, она приехала тем самым поездом. Однако сказать что-либо по интересующему следствие делу не может. Пришла домой, поела и тотчас же легла спать, так как устала.

«Странно! — подумал Писаревский. — Очень странно! Как же так? Девушка приехала той же электричкой, что и убитая. Живет на той же улице Фонвизина... Уж она-то должна хоть что-то знать. А сбывает... Почему?»

Он решил воздействовать на ее совесть:

— Я вижу, Валентина, что вы что-то недоговариваете... Почему вы не желаете помочь следствию? Мы должны поймать и обезвредить опасного преступника. Кто знает, может быть он бродит где-то поблизости, замыслив новое преступление? Ваш долг — рассказать все, что вы знаете.

— Я ничего не знаю, — продолжала настаивать на своем девушка.

— Идите! — сердито махнул рукой Писаревский. — Вы свободны...

Еще больше испортилось у него настроение, когда, приехав в бюро судебно-медицинской экспертизы, он узнал, что эксперты высказали сомнение по поводу ножа, найденного на приусадебном участке Васильева. Они заявили, что нож, лежавший на запорошенной снегом траве, вовсе не тот...

— Понимаешь, Володя, — говорил Заславский, сидя за своим огромным письменным столом, через который не дотянешься и рукой, чтобы поздороваться, — характер ран на теле убитой таков, как если бы повреждения наносились ножом с раздвоенным обушком. Нож же, найденный на приусадебном участке, наносит совсем другие повреждения. Вот такие, — нарисовал он на бумаге.

Писаревский слушал молча и непрерывно курил. Уже целая груда окурков заполнила пепельницу.

— Далее, — продолжал Заславский, — длина раневого канала от кожи живота убитой до ее позвоночника, который тоже оказался задетым, — тринадцать сантиметров. Нож же — на два сантиметра короче. Так что не сходятся у вас, братцы, концы с концами. Выходит одно из двух: либо преступник попался слишком умный, для отвода глаз подбросил вам другой нож, либо ошибается человек, нашедший

его на траве. Он полагает, что нож тут раньше не лежал и, видимо, заблуждается.

— Либо заблуждается экспертиза! — в запальчивости, не сдержавшись, воскликнул Писаревский.

Заславский помолчал.

— Можешь думать, что угодно, — начал он после паузы. — Я не обижаюсь, Володя, лишь потому, что хорошо знаю тебя — недаром мы с тобой, как говорится, пуд соли съели, работая вместе. Только учти еще, что крови на ноже не обнаружено. Имеющиеся на нем бурые пятна — просто ржавчина. Впрочем, кровь, если она и была, могло смыть дождем или снегом. Здесь я не настаиваю на категоричности утверждения.

— Завел же ты меня в тупик! — промолвил на прощанье Писаревский и с тяжелым чувством покинул кабинет.

И уж совсем мрачно стало на душе у следователя, когда, вернувшись во Всеволожск, он узнал, что мать убитой отправлена в психиатрическую лечебницу — так подействовала на нее гибель дочери.

Но тут предстал перед ним еще один свидетель, выявленный благодаря подворному обходу.

...Зоя Кулешова, молоденькая санитарка одной из ленинградских больниц, хорошенькая хрупкая блондинка, в тот вечер приехала из Ленинграда в Мельничный Ручей на такси. Было уже поздно. Зоя пошла одна по улице. Отойдя на довольно значительное расстояние, она увидела на автобусной остановке мужчину.

Что он делал тут один, в поздний час, когда машины уже перестали ходить, Зоя, конечно, выяснять не стала, а прошла мимо. Вдруг она почувствовала, что ее преследуют. Неужели тот самый мужчина? Зоя, не останавливаясь, кинула взгляд через плечо — да, тот самый! Что ему надо?

А незнакомец не отставал. Он даже прибавил шаг. Расстояние между ним и Зоей сокращалось. Тогда девушка решила скрыться от преследователя. Она юркнула в первую попавшуюся калитку. Постояла немного за деревьями. Вышла, а мужчина уже поджидает. В руке — нож. Кто он — грабитель, насильник или, может быть, просто психический?

Другая бы на месте Зои, наверное, испугалась, стала плакать, молить о пощаде. Но хрупкая Зоя не растерялась даже тогда, когда мужчина приставил нож к ее груди и сказал: «Тихо! Не кричи! Не шуми! Ты сама должна понимать, что мне надо!» Зная, что поблизости живут ее друзья — студенты Санитарно-гигиенического медицинского института Владимир Зозуля, Владимир Аникеев и учащийся техникума общественного питания Вадим Ходош, — девушка решила заманить туда незнакомца.

— Давай пойдем в дом, — предложила она, — там никого нет.

Незнакомец немного поколебался, но пошел с Зоей, одной рукой уцепившись за рукав ее пальто, а другую держа в кармане.

Зоя не знала, дома ли ее друзья, и, признаться, испытала несколько неприятных минут, увидев, что в окнах нет света. К счастью, оказалось, что они дома. Только один из парней уже спал, а двое бодрствовали в другой комнате при свечке: в этот вечер испортилось электроосвещение. С ними сидела девушка по имени Фаина, сестра Вадима, приехавшая навестить своего брата из Белоруссии. Зоя ее тоже знала. Увидев людей, незнакомец попятился.

— Входи, входи, не стесняйся, — с деланным оживлением оказала ему Зоя и, обращаясь к сидевшим в комнате, промолвила: — Знакомьтесь! Это мой товарищ!

— Очень приятно! — ответил один из сидевших за столом, поднимаясь и протягивая руку. — Владимир! Это — Вадим. Его сестра — Фаина. А вас как зовут?

— Виктор, — ответил после небольшой паузы мужчина. Голос у него был грубый, резкий.

— Садитесь, Виктор. Можете снять пальто. Здесь тепло.

Закурили. Проснулся третий обитатель дома — Владимир Зозуля. Присоединился к компании.

— Виктору негде ночевать, — оказала Зоя.

— Пусть располагается у нас, — предложил Зозуля. — Койка свободная найдется.

Зоя стала подавать ему знаки глазами, но он ничего не мог понять.

— Выйдем! — обратилась Зоя к Фаине.

Та встала. Девушки вышли. Незнакомец тоже поднялся и хотел пойти за ними.

— Куда? — остановил его Владимир Зозуля. — У девчат могут быть свои дела.

Тем не менее незнакомец вышел из дома. Тотчас же в комнате появилась Фаина. Лицо у нее было встревоженное.

— Зоя просила передать вам, что у этого человека нож. Он ей угрожал. Будьте осторожны.

— Где Зоя? С ним?

— Нет, спряталась на веранде. При нем она боялась что-либо сказать.

Зозуля посмотрел в окно. Незнакомец стоял у дома. Видно, поджидал Зою.

— Я сейчас с ним поговорю! — решительно заявил Владимир.

— Только будь, ради бога, осторожен.

— Не бойтесь! Володя, — обратился он к Аникееву, — наблюдай за нами в окно. Если завяжется драка, сразу же беги на помощь.

Зозуля вышел во двор, приблизился к незнакомцу:

— Ты почему приставал к Зое? Почему угрожал ей ножом?

— Кто тебе сказал? Она сама?

— Какое это имеет значение? Сейчас же убирайся отсюда. Иначе будет плохо. Набью морду!

— Ладно, можешь не угрожать. Уйду!

И ушел...

Зоя уже заканчивала свой рассказ, когда в кабинет, где следователь производил допрос, позвонил дежурный по райотделу:

— Тут к вам девушка пришла... Хочет вас видеть. Говорит, по срочному делу.

— Какая еще девушка?

Скрипнула дверь. На пороге появилась Валентина Д.

— Это вы? — удивился следователь. — Заходите! Смелее! Что вас снова привело ко мне? Кажется, вы хотите что-то сообщить?

— Да! И может быть, самое существенное.

— Ого! Это уже интересно. Зоя, вам придется выйти и немного подождать. Потом мы с вами продолжим беседу. Ну, что вы хотите рассказать? — обратился следователь к Валентине, когда Зоя ушла. — Слушаю.

— Товарищ следователь, вчера я была с вами неоткровенной. Почему? Даже сама не могу объяснить. Не хотела связываться с этим делом. Но, уйдя от вас, я весь день страшно мучилась. Помните, вы сказали, что преступник, может быть, бродит где-то поблизости... Эти слова не выходили у меня из головы. Я думала: правильно ли я поступила, что не рассказала всей правды? Сегодня я работала на комбинате в ночную смену и твердо решила: утром сразу же поеду к вам и все начистоту расскажу.

Слушайте! Вот как все было. Когда я шла со станции домой, то услышала за собой шаги. Мне показалось, что идет мужчина. Я никогда не оглядываюсь, когда иду, и

поэтому не стала смотреть на того, кто следует за мной, а просто пошла быстрее. Шаги сзади не отставали.

Вдруг с проходного двора на улице Фонвизина наперерез мне вышла незнакомая девушка и зашагала в том же направлении, что и я. Она шла немного впереди. На ней было коричневое пальто, платок, сапожки на низком каблуке. Ростом она была пониже меня.левой рукой размахивала, а в правой держала сумку.. Сумка была с двумя ручками.

— Видели вы эту девушку в лицо?

— Нет, лица не видела. Но я старалась не отставать от нее. Все-таки вдвоем на пустынной улице ночью не так страшно. Когда мы поравнялись с моим домом, я юркнула в калитку. Дошла до середины двора, посмотрела и вдруг увидела, что по улице быстрым шагом идет мужчина. Одет он был в черное пальто, лицо опустил в поднятый воротник, руки держал в карманах. Головного убора на нем не было. Волосы у него светлые, ростом он с меня или чуточку выше. Меня он не заметил, так как я притаилась за деревом. Утром я узнала, что неподалеку убили девушку, вспомнила о ночной встрече, и мне стало страшно. Мне почему-то кажется, что я видела убийцу.

— Скажите, Валентина, когда вы шли по улице Фонвизина, видели ли вы на ней еще кого-нибудь, кроме этой девушки и этого мужчины?

— Нет, никого. Правда, свет горел не на всех столбах и в некоторых местах было совсем темно.

Писаревский встал, позвал сидевшую в соседней комнате Зою.

— Повторите, Зоя, как выглядел тот человек, который напал на вас с ножом.

— Он — плотный, круглолицый. Волосы у него густые, светлые, зачесанные назад. Черты лица грубые. Рука сильная. Ребята говорят, что видели на ней наколку.

— Значит, из уголовников. А рост? Какого он роста?

— Такого, как я.

Писаревский оглядел невысокую стройную фигурку Зои. Что-то прикинул.

— Потом мы вас измерим сантиметром, — сказал он.

— Тот человек, которого я видела, тоже был невысоким, — промолвила Валентина.

— Спасибо, девушки, за сведения.

— Помогут ли наши показания? — спросила Валентина.

— Да, всякие показания, если они правдивые, помогают следствию. А вы рассказали много важного.

Допрошенные следователем знакомые Зои — студенты дополнили портрет незнакомца новыми деталями: мрачный, неприятный. Левая бровь немного опущена книзу.

— Почему вы сразу не пришли в милицию, не рассказали о ночном посетителе?

— Видите ли, товарищ следователь, мы готовились к зачетной сессии. К вам собирались прийти сразу же после нее. Однако вы нас опередили.

Вошел Степанкин.

— Ну, Виктор Иванович, кажется, мы на верном пути. Читай показания ребят, — обратился к нему Писаревский.

Степанкин прочитал протоколы. Оживился:

— Ты прав. Судя по всему, это именно тот, кого мы ищем. Сейчас же отправим твоих студентов в патрулирование вместе с сотрудниками милиции. Кому, как не им, опознать преступника. И девушку эту пошлем.

— Зою?

— Да, она пойдет вместе с начальником уголовного розыска Гордеевым.

— Пусть он возьмет с собой оружие. И охраняет девушку.

— Не беспокойся!

С Владимиром Зозулей и Вадимом Ходошем отправились в патрулирование трое: старший оперативный уполномоченный Алексей Волков, участковый Анатолий Семьянинов и сотрудник уголовного розыска Леонид Мешков.

Патрулирование эта группа несла в основном на станции Мельничный Ручей и около нее. Волков то и дело напоминал студентам:

— Смотрите, ребята, внимательней.

Приходили и уходили поезда. На станции становилось то пустынное, то оживленнее.

По платформе прошел человек. Подошел к кому-то, попросил прикурить. Задымив, направился дальше. Зозуле показалось в его облике что-то знакомое. Пригляделся. Невысокого роста, плотный, волосы русые. Левая бровь чуть ниже правой. Да ведь это тот самый, который приходил к ним тогда ночью в дом!

Зозуля подал знак своим спутникам: надо не упустить незнакомца. Мешков в ответ сделал чуть заметное движение рукой: мол, понял!

Он догнал незнакомца, показал ему свое удостоверение и попросил пройти с ним в зал ожидания. Человек, казалось, был ошеломлен. Вдруг он резко опустил руку в карман. Волков мгновенно схватил его за руку, Семьянинов — за другую. Мешков извлек из кармана незнакомца нож.

— Зачем вы его носите? — спросил он.

— Это же столовый нож, — ответил человек, усмехаясь. — Им никого не убьешь.

— Пройдемте с нами. Но если вздумаете убежать — станем стрелять.

Незнакомец еще раз усмехнулся. Спокойствие, казалось, вернулось к нему.

— Позови ребят, — сказал Волков Семьянинову.

В зал вошел Зозуля. Задержанный взглянул на него, и всем показалось, что он вздрогнул, заволновался.

Зозуля сказал:

— Да, это тот, что приходил к нам ночью.

Это же подтвердил и Ходош.

Подошла вызванная по телефону милицейская машина. Задержанный был доставлен во Всеволожский райотдел милиции. У него нашли письмо, начинавшееся словами «Здравствуй, Миша» и кончающееся «До свидания, Виктор». На руке у задержанного были часы марки «Родина». Их номер совпадал с тем, что был на часах, пропавших с места убийства, — 0248318.

Задержанный сказал, что его фамилия Заломин, имя и отчество Михаил Владимирович. Живет в поселке Рахья. Работает в автохозяйстве Севэнергостроя автослесарем.

— Откуда у вас эти часы?

— Купил возле пивного ларька за три рубля.

— У кого?

— А кто его знает! Я фамилии не спрашивал. Подошел какой-то человек, предложил часы. Я и купил. Даже не помню, как он выглядит.

— Кто может подтвердить, что эти часы вы действительно купили возле ларька?

— Никто. Свидетелей при этом не было.

— А зачем у вас нож?

— Взял из дома, чтобы заточить. Затачиваю обычно на работе напильником.

Следователь и оперативные работники срочно выехали в поселок Рахья. Матери Заломина дома не было — она находилась в это время на работе. Жена Заломина — молодая бледная женщина с грудным ребенком на руках — рассказала, что в ночь с 5 на 6 ноября муж вернулся домой поздно, в мокрых и грязных брюках, в запачканных песком и глиной ботинках. На голове у него была чужая шапка. Сказал, что эту шапку

ему подарил в поезде какой-то парень. Спустя день на руке у Михаила домашние увидели часы. Михаил заявил, что купил их у пьяного, отдавшего ему эти часы по дешевке.

— У Михаила привычка, — сказала жена, и в тоне ее голоса можно было уловить злость, — как только напьется, берет нож и едет в Мельничный Ручей, к моей матери. Пятого ноября мы со свекровью уже отобрали от него один нож. Здоровенный такой ножище. Настоящий тесак.

— Где он?

— Мы его спрятали.

— Покажите. Так... Этот нож действительно на месте. А сколько у вас столовых ножей?

— Шесть.

— Сосчитайте... Всего пять? Значит, шестой Михаил все же утащил? Не этот ли? Говорите, что этот?. А где ваш кухонный нож?

— Как, разве и он пропал?

— Какой он у вас?

— Ручка коричневая, пластмассовая. Сам нож остро заточен.

— Не этот ли?

— Да! А я-то думала, куда он делся. Откуда он у вас?..

Дождались возвращения с работы матери Михаила.

Не дав ей переговорить с женой сына, сразу предъявили для опознания 14 ножей. И мать безошибочно показала на тот, что был найден на траве, недалеко от места убийства.

— Мы этим ножом пользовались в хозяйстве, — сказала она.

Зоя Кулешова на очной ставке с задержанным опознала в нем человека, напавшего на нее ночью с ножом. Правда, он назвался тогда Виктором, но это была лишь его уловка.

А в бюро судебно-медицинской экспертизы тем временем продолжались исследования.

Еще и еще раз производились экспериментальные разрезы ножом на кусках пластилина, на одежде и белье убитой девушки, и в конце концов эксперты пришли к выводу, что они исходили из не совсем правильной предпосылки. Нельзя полагать, что потерпевшая, когда преступник заносил над ней нож, находилась в неподвижном состоянии. Она, несомненно, сопротивлялась (о том, что это так, свидетельствовали порезы на ее ладонях и пальцах), совершала резкие движения, вырываясь, и тогда даже тот нож, который был в руках у убийцы, мог оставить раны иного, может быть не совсем свойственного ему характера.

Эксперты, производя эксперименты на пластилине, стали извлекать из него нож с небольшим поворотом, и сразу же разрезы стали получаться именно такого характера, какие были на теле убитой. Значит, нож действительно тот!

Эксперты не ограничились этим. Они решили произвести еще и сравнительно-экспериментальное исследование самого ножа.

Каждый нож имеет под микроскопом свой индивидуальный рельеф. Это целая система чередующихся углублений и возвышений, оставляющих рисунок, свойственный только данному ножу. Сравнительно-экспериментальное исследование микрорельефа ножа по достоверности можно уподобить лишь дактилоскопии. Под особым криминалистическим микроскопом стали сравнивать рисунок микрорельефа, оставленный ножом на пластилине и на реберном хряще, с тем, который был обнаружен при вскрытии на позвонке убитой девушки, и они оказались

идентичными. Вот теперь можно было сказать: да, нож тот самый, которым было совершено преступление.

И вот Заломин на допросе у Писаревского. На столе стоит диктофон П-180. Одновременно с письменным протоколом ведется и запись на пленку. Дли наиболее точной фиксации показаний.

Заломин пытается заперяться. Он утверждает, например, что часы купил 10 ноября.

— Нет, Михаил Владимирович, — качает головой Писаревский, — что-то не сходится это с показаниями ваших товарищей по работе. Они видели часы у вас на руке уже шестого ноября. Вот вам их показания, можете прочитать. Все улики против вас. Часы, нож... Вы пытались напасть на Кулешову... А Валю убили!..

Какое-то мгновение преступник еще колеблется, что-то обдумывает. Наверное, он размышляет: удастся выкрутиться или не удастся? Нет, не удастся! Слишком веские собраны против него улики.

И он признался:

— Да, сознаюсь, что убил девушку. Вы говорите, ее звали Валея? Я этого не знал. Я вообще не был с ней знаком. Напал на нее ночью на улице — хотел изнасиловать. А мог бы выбрать и другую. Мне было все равно...

Свои показания Заломин излагал ровным, бесстрастным голосом. Совесть, судя по всему, не мучила его.

Он рассказал, как приехал в тот вечер в Мельничный Ручей с твердо обдуманном намерением — напасть на какую-либо женщину. Сперва выбрал в качестве жертвы Зою Кулешову. Когда же понял, что она обманула его, оказалась хитрее, в озлоблении стал бродить по поселку. Начал преследовать Валентину Д., но и она ускользнула от него. А время было позднее. Скоро должен был пройти последний поезд по направлению к поселку Рахья. И тогда, если бы удалось

совершить задуманное, пришлось бы оставаться в Мельничном Ручье до утра, что не входило в намерения преступника. Тут на глаза Заломину попала Валя. Он пошел за ней следом. Догнал. Схватил сзади за плечо и из-за спины приставил к груди нож.

Валя закричала. Заломин озверел: как, и на этот раз у него срывается? И стал наносить девушке удары ножом. Валя крикнула еще раз, замолчала и вся как-то сникла, обмякла. Тогда преступник понял, что убил ее, и столкнул безжизненное, но еще теплое тело в канаву.

На земле валялась сумочка. Убийца поднял ее, подошел к фонарю и стал копаться в содержимом. Часы «Родина» он взял себе, остальные вещи бросил в канаву, раскидал по всей улице. Нож тоже бросил. После этого отправился на станцию и последним поездом, шедшим в 1 час 50 минут, поехал домой.

В поезде Заломин встретил знакомых, разговаривал с ними, был весел, оживлен. Увидел спящего человека, подошел к нему, одернул с его головы шапку и надел на себя. На следующий день снял с похищенных часов ремешок, прикрепил свой браслет и стал носить.

— Вот и все, — оказал Заломин. — Больше мне нечего вам сообщить.

— Нет, Михаил Владимирович, вам еще придется поехать с нами на улицу Фонвизина и там, на месте, показать, как все произошло.

На другой день Заломина отвезли на улицу Фонвизина. Был изготовлен из картона макет ножа. Дали его Заломину, и он стал демонстрировать, как убивал Валу. Чтобы нагляднее было, один из оперативных работников изображал жертву. Заломин зажимал ему рот, приставлял к груди «нож». Все эти моменты фиксировались на фотопленке. Показал Заломин и в какой позе находилась Валя, когда он наносил ей смертельные удары.

— Гарик! — толкнул Писаревский в бок Григория Иосифовича Заславского, также поехавшего со следователем и внимательно наблюдавшего за тем, как воспроизводит убийца обстоятельства преступления. — Вот в чем, оказывается, дело. Значит, когда преступник убивал Валю, она находилась в полусогнутом положении, а он стоял сзади нее в полный рост.

Вот почему длина раневого канала в области живота не совпадала с длиной лезвия ножа! Когда человек находится в полусогнутом положении, мышцы его сокращаются, и живот приближается к позвоночнику. Нож такой длины, какой был в руках убийцы, вполне мог достигнуть позвоночника убитой. Это тоже очень важно для следствия.

Теперь Заломин был окончательно изобличен.

Есть еще всегда при проведении следствия один немаловажный момент. Требуется установить, почему человек совершил преступление, как он дошел до этого. Ведь преступниками не рождаются, ими становятся. Под влиянием каких обстоятельств, причин стал преступником Заломин?

Выяснением этого и занялся следователь.

Михаил был единственным сыном у Анастасии Антоновны Заломиной, санитарки больницы. Муж оставил ее, когда ребенку был год. Воспитанием сына не интересовался. До пяти лет Михаила нянчила соседка, а потом, когда он подрос, мать оставляла его дома одного.

С 16 лет Михаил пошел работать и тогда же стал пить. В нетрезвом виде куражился, буянил, скандалил. А так как пил он часто, то и скандалы следовали один за другим.

Писаревский затребовал все материалы из милиции, судов о привлечении Заломина к ответственности. И вот какая обрисовалась картина.

Год 1964-й. 19 января Заломина штрафуют за хулиганство в поезде, нецензурную брань.

27 апреля он врывается в пьяном виде в будку стрелочника, разбрасывает и ломает сигнальные фонари. «От нечего делать совершил я это озорство», — признается он в милиции. Его арестовывают на 15 суток.

23 августа Заломин в доме знакомой девушки курит на чердаке. В нетрезвом виде роняет горящую папиросу. Возникает пожар. Ущерб составляет 500 рублей, которые и взыскиваются с Заломина по суду.

20 октября пьяный Заломин пытается угнать автокран из механической мастерской на станции Ржевка. И опять его сажают на 15 суток.

Год 1965-й. 15 марта. Заломин пытается пройти без билета в Дом культуры города Всеволожска. Избивает работников Дома культуры. Поднимает руку на милиционера. На этот раз с ним обходятся строже. Он приговаривается к году исправительно-трудовых работ.

23 июня Заломин поджигает мусор на дворе дома во Всеволожске, чтобы вызвать пожар. При задержании оказывает сопротивление сотрудникам милиции. Суд приговаривает его к двум годам лишения свободы.

Так совершается постепенное моральное падение этого человека. Даже наказание, которое он отбыл в колонии, не подействовало на него.

После выхода на свободу Заломин женился, у него родился ребенок. Однако и это его не образумило.

Он продолжает пить. Появляется в пьяном виде на работе, попадает в медвытрезвители. Зарабатывая ежемесячно более 200 рублей, отдает жене рублей 90, а остальные оставляет себе на водку. Последнее время он почти ежедневно пил.

Заломин издевался над женой, матерью, грубо с ними обращался. Однажды, придя как всегда нетрезвый домой, он плеснул бензин в плиту в тот момент, когда

жена ее растапливала. Бензин вспыхнул и причинил довольно сильные ожоги молодой женщине. Следы их навсегда остались на ее лице.

Грубый, злой, деспотичный, Заломин не питал никакого уважения к женщинам. Вот почему ему ничего не стоило, повстречав незнакомую женщину, приставить к ее груди нож с угрозой пустить его в ход. И он это сделал, не задумываясь о последствиях.

Три больших тома составило дело об убийстве Валентины Платовской. Первый том открывается портретом. На нем — красивая темноволосая девушка с чуть печальными глазами. Это и есть Валя. Самую лучшую характеристику дали на нее с завода, на котором она работала. Трудолюбивая, добрая, отзывчивая. Да и дома она была такой же — заботливой дочерью, хорошей сестрой. Вот кого лишил жизни преступник!

Выступая на суде, мать Вали сказала:

— Заломину не должно быть пощады. Такие люди, как он, не должны жить среди нас. Он мог убить девушку, а потом как ни в чем не бывало расхаживать по поезду, веселиться. Это — зверь, а не человек.

Прокурор поддержал ее:

— Заломин как личность не вызывает ни симпатий, ни жалости. Это — исключительно опасный человек, и я требую для него смертной казни.

Нередко приходится слышать мнение людей, что за любое убийство следует лишать преступника жизни по принципу «око за око, зуб за зуб». Однако наш гуманный советский закон отрицает такой принцип. Смертная казнь по нашему закону является исключительной мерой наказания. Она применяется лишь в тех случаях, когда убийство совершено при отягчающих обстоятельствах, когда преступник не может быть исправлен, перевоспитан.

В данном случае было именно так. Поэтому прокурор, поддерживавший в суде государственное обвинение, в своей речи сказал:

— Во время судебного процесса, товарищи судьи, вы тщательно проверили и проанализировали все собранные следствием доказательства. Показания свидетелей и самого обвиняемого, заключения судебно-медицинской и криминалистической экспертиз, выслушанные и изученные вами в судебном заседании, не оставляют никаких сомнений в том, виновен Заломин или нет. Да, виновен!

И, решая вопрос о мере наказания, которое он заслуживает, вы должны учесть причину совершения им преступления, особо жестокий способ убийства, личность преступника и потерпевшей. Когда вы в совещательной комнате, оставшись один на один со своей совестью, взвесите все это на весах правосудия, то вы придете к выводу, что таким, как Заломин, не место на земле...

И суд вынес суровый, но справедливый приговор. Заломин был приговорен к смертной казни. Верховный Суд отклонил его кассационную жалобу и ходатайство о помиловании. Убийца был расстрелян.

«ОХОТА НА ЛИС»

Одно время около пивного бара на углу Невского проспекта и улицы Маяковского собиралась ежедневно одна и та же группа лиц. Нагловатого вида молодые люди, одетые в плащи «болонья» и териленовые пальто, что-то обсуждали между собой, передавали друг другу какие-то пакеты. Их уже знали в лицо и швейцар, и официантки, приносявшие посетителям тяжелые кружки с янтарной жидкостью, над которой громоздилась шапка пены. Изредка молодые люди и

сами заходили в бар, занимали места за полированными столами и сидели допоздна.

Глядя на этих посетителей пивного заведения, можно было предположить, что они либо преуспевающие торгаши с рынка, либо спекулянты, может быть даже фарцовщики. Однако они были птицами куда более «высокого» полета. Но никто об этом до поры до времени, конечно, ничего не знал.

Среди тех, кто постоянно пребывал около бара и в нем самом, был некто Додонов. В 1963 году он приехал в Ленинград из Алма-Аты с благим намерением поступить в Лесотехническую академию. И действительно, поступил на третий курс, поскольку в Алма-Ате уже учился в институте. Но в 1964 году его отчислили за академическую неуспеваемость, и он уехал. В 1965 году Додонов опять появился в Ленинграде и поступил на заочное отделение. Через два года его снова отчислили за множество «хвостов». Но на этот раз из Ленинграда он не уехал. Жил без прописки, снимал комнату у своих знакомых и нигде не работал. У него всегда водились деньги, на которые он мог посещать не только пивной бар, но и рестораны, хорошо одеваться.

Среди знакомых Додонова оказались Семин и Антонов. Они были одного поля ягоды. Семин, например, 18 лет нигде не работал, вел паразитический образ жизни. Правда, временами, когда особенно начинала допекать милиция, он устраивался на разного рода случайные работы, с которых вскоре же уходил. В последнее время Семин подвизался в роли подсобника в продуктовом магазине. Именно он и научил Додонова «уму-разуму».

Семин был участником преступной группы, занимавшейся изготовлением и сбытом поддельных дипломов об окончании высших и средних учебных

заведений. Видя, что у Додонова немало свободного времени, он поручил ему изготовление печатей различных учреждений. Бывший студент охотно взялся за эту «работу». Он легко освоил производство фальшивых печатей. Тут он оказался способным учеником. Ему платили за каждое клише по 10—15 рублей. Позже, когда Семин стал больше доверять своему новому напарнику, он познакомил его с неким Корзухиным, занимавшимся сбытом готовых дипломов. И Додонов начал сам приобретать у Корзухина дипломы, чтобы, в свою очередь, сбывать их желающим. На этих дипломах подделывалось все, вплоть до подписей ответственных лиц: ректоров, председателей и секретарей приемных комиссий. За каждый диплом Додонов брал 500—700 рублей. Такой была «такса». Дипломы об окончании техникума шли дешевле. Так фабриковались «специалисты», якобы окончившие институты: железнодорожного транспорта, советской торговли, Северо-западный политехнический, инженерно-строительный и другие.

Однако, по мнению Додонова, реализация дипломов, фабриковавшихся фирмой «Семин и К°», приносила недостаточный доход. И он решил заняться чем-нибудь другим, более выгодным, например сбытом поддельных билетов денежно-вещевой лотереи. Нет, не всяких билетов, а только таких, на которые якобы пал выигрыш — автомашина «Волга».

На этом поприще Додонов встретил единомышленников. Это были некие Бурский, Корин и Саркян. С ними-то и вошел Додонов в сделку.

Если Бурский, как и Додонов, бездельничал, то Корин работал инженером в проектно-институте, а Саркян — механиком на одной из кафедр Лесотехнической академии. Последние жили явно не по доходам. Саркян, например, любил кутнуть. Корин тоже не отставал от него.

Руководил всем Бурский. Он четко распределил обязанности: Корин и Додонов играли роль владельцев «счастливых» билетов, Саркян, знающий армянский и грузинский языки, подыскивал желающих приобрести эти билеты среди «своих». Сам же Бурский никогда не показывался потерпевшим на глаза, предпочитая оставаться в стороне и незримо руководить действиями своих соучастников. Как человек предусмотрительный и прожженный, он даже использовал маскировочные средства, почерпнув сведения о них из детективных романов и кинофильмов, до которых был большой охотник: гримировался, надевал парик, темные очки, менял головные уборы и требовал того же от своих «компаньонов».

Бурский называл свои махинации «охотой на лис» — термином спортивных состязаний радиолобителей. Дескать, «клиенты», за которыми приходится «охотиться», совсем не просты, а хитры, как лисы: так и норовят провести тебя самого!..

Приезжий из Еревана — некто Гарибян — ходил по магазину спорттоваров, присматриваясь к новеньким, еще пахнущим краской мотоциклам. Это увидел молодой человек, болтающийся тут же в торговом зале. Он подошел к Гарибяну и, заговорщически подмигнув, спросил, не хочет ли он вместо мотоцикла приобрести автомашину.

— Хочу! — оживился Гарибян. — А как это сделать?

— Очень просто, — ответил незнакомец. — Вот!

Он распахнул пальто и, высунув из внутреннего кармана кончик лотерейного билета, сказал:

— На этот билет пал выигрыш — автомашина «Волга». Тот, кто понимает, что такое счастье, никогда не упустит его. Я бы сам воспользовался, да нужны деньги на строительство дачи. Вот и хочу продать билет.

— За сколько? — спросил Гарибян.
— Отдам за тринадцать тысяч.
— Сейчас у меня такой суммы нет, но завтра будет.
— Значит, завтра и встретимся.
— Где?
— В сквере на Исаакиевской площади.
— Не обманешь?
— Как можно! На всякий случай запиши мой телефон. Спросишь Николая Петровича Личенко. Это я — Личенко. Ну, кацо, будь жив!

Они расстались. Личенко, он же Корин, поспешил к Бурскому с сообщением, что «клюнуло», а Гарибян, не теряя времени, кинулся в аэропорт — брать билет на самолет. Оперативность он проявил завидную. В тот же день уже был в Ереване, взял деньги, а на следующий день вернулся в Ленинград.

Однако в назначенный срок «Личенко» в сквер не явился. Гарибян, который уже считал себя владельцем личной автомашины, дрожа от нетерпения, позвонил по телефону. «Николай Петрович» извинился, объяснил, что занят по работе, и сказал, что завтра придет обязательно.

На Исаакиевскую площадь Корин приехал вместе с Бурским на такси. Бурский был в темных очках, несмотря на зиму и на то, что из машины не выходил, — наблюдал за встречами лишь издали. Гарибян уже поджидал в сквере. Корин подошел к нему, вручил поддельный лотерейный билет, получил 13 тысяч рублей, положил их в портфель, вернулся к Бурскому, и они поехали прямо в ресторан гостиницы «Дружба». По дороге Бурский дал Корину 500 рублей. Приехав в ресторан, они заперлись в туалете и пересчитали ассигнации : все было правильно — рубль в рубль. Гарибян не обманул. Тут же Бурский дал Корину еще 25 рублей — за портфель, который решил уничтожить. Знаток детективных романов был осторожен во всем.

Гарибян, вернувшись в Ереван, пришел с билетом в сберкассу. Однако желанной «Волги» он так и не получил. Эксперты отдела выигрышей Управления гострудсберкасс и госкредита РСФСР, как и следовало ожидать, сразу распознали «липу». Химический анализ показал, что «подделка серии и номера билета произведена путем удаления (травления, смывания) первоначальных обозначений». Взамен же ловкачи нанесли с помощью клише другие номера, которые они взяли из таблицы розыгрыша. Попытки разыскать «Николая Петровича Личенко» ни к чему, разумеется, не привели. Он как в воду канул. Даже номер телефона, по которому Гарибян звонил Корину, не помог напасть на его след.

Спустя некоторое время Бурский предложил Додонову другой фальшивый лотерейный билет. Додонов сбыл его Семину за 400 рублей. В свою очередь Семин приобрел себе помощника по аферам старшего инженера проектно-конструкторского института Пельцера. Тот и нашел охотника купить фальшивый билет — некоего Луненко. Пельцер запросил 5 тысяч рублей. Сторговались на 3 тысячах. Однако реализовать билет до истечения срока выплаты выигрышей Луненко не смог и вернул его Пельцеру. Но поскольку Луненко рассчитывал нажиться на фальшивке, то мысль эту не оставил и, как только представилась новая возможность произвести мошенническую операцию, не задумываясь взялся за нее.

Однако Луненко вторично постигла неудача. Человек, которому он пытался сбыть на Садовой улице билет, догадался, что тот фальшивый, поднял крик, и Луненко пришлось бежать, чтобы не быть задержанным. Билет же он, чтобы не оставлять улики, тогда же порвал. Ничего не зная об этом, Додонов пришел к Пельцеру и потребовал окончательного расчета. Поскольку Пельцер получить денег от Луненко

не мог, то решил свести его непосредственно с Додоновым. Луненко юлил, крутил. Тогда Додонов вместе с приятелем Арховским явился к нему на квартиру.

— Давай восемьсот рублей! — потребовал Додонов.

— Видите ли... — стал оправдываться Луненко.

— Да чего ты с ним церемонишься, — сказал Арховский и, вынув пистолет, навел его на Луненко. — Или ты выкладываешь сейчас же деньги, или же... — И для большей убедительности взвел курок.

Луненко перетрусил. Однако наличных денег у него не было. Опасливо поглядывая на дуло пистолета, он клятвенно обещал, что через несколько дней отдаст деньги. Арховский нехотя положил пистолет в карман. Луненко так и не догадался, что оружие, которым ему угрожали, было... игрушечным.

Через несколько дней Луненко отдал Додонову в присутствии Арховского 800 рублей.

У Бурского тем временем появился еще один поддельный билет. В помощники он взял на этот раз Додонова и Саркяна. Покупателя нашли в Ярославле на рынке. Это был Библая, бойко торговавший фруктами. Машина требовалась не ему лично, а его родственнику Чкадуа. Мошенники показали ему паспорта, такие же «липовые», как и лотерейный билет. У Додонова был паспорт на имя Лунева, у Саркяна — на имя Сабанадзе. За билет они запросили 12 тысяч.

Библая оказал, что ему надо будет съездить домой за Чкадуа.

Встречу назначили на 27 сентября в Москве, у станции метро «Бауманская», от 9 до 12 часов. 27 сентября Бурский, Додонов и Саркян пришли на место встречи. Библая и Чкадуа уже ожидали их. Бурский, по обыкновению надевший парик, стоял на противоположной стороне, издали наблюдая за тем, как его сообщники некоторое время беседовали с Библая и

Чкадуа, договариваясь. Затем Чкадуа и Додонов направились в сберкассу. Проверив таблицу, Чкадуа убедился, что билет, который он держал в руках, действительно выиграл «Волгу». Никаких сомнений у него больше не оставалось, и он вручил Додонову 11 тысяч 500 рублей. Остальные деньги Библая обещал отдать в Ярославле, после того как продаст фрукты.

Деньги мошенники поделили так: Бурский взял себе 4750 рублей, Додонов — 3750 и Саркян — 3000. Расставшись со своими компаньонами, Бурский пошел на Ярославский вокзал, откуда послал Чкадуа телеграмму: «Купленная вещь очень плохая». Текст на бланке он попросил написать соседку по столу на почте. Свои «автографы» Бурский старался не оставлять. Телеграмму Чкадуа он послал единственно из соображений предосторожности. Мошенник боялся, что, предъявив к оплате фальшивый билет, Чкадуа тем самым поднимет на ноги ОБХСС.

Чкадуа, получив телеграмму, сразу догадался, что ему всучили поддельный билет, и решил с ним в сберкассу не идти. Он вообще решил промолчать о том, что стал жертвой обмана. По некоторым соображениям, ему самому не хотелось иметь дело с милицией.

На руках у мошенников оставался еще один поддельный лотерейный билет. Его удалось всучить Луненко за 1000 рублей. Потерпев неудачи, чуть было не попавшись с одним фальшивым билетом, буквально чудом избежав ареста, Луненко тем не менее не отказался от афер. Только на этот раз решил быть особенно осторожным. Он привлек для сбыта билета свою знакомую Казину.

— Тебе, как женщине, это легче сделать, Людмила, — уговаривал он ее. — Женщине больше доверяют. Ну, кому придет в голову, что такое нежное, с чистым, невинным взором и ангельским голоском

существо всучивает поддельный лотерейный билет? Никому!

— Значит, ты хочешь вовлечь меня в преступную сделку? — сказала «нежное» существо. — Спасибо!

— Да, но не безвозмездно, — поторопился добавить Луненко. — Проси, что хочешь.

Наконец Казина сдалась и вместе с Луненко пошла сбывать билет. Жертва уже была намечена. Это был знакомый приятеля Луненко некто Акопян, приехавший из Армении. Казина, явившись к нему, сказала, что билет принадлежит ее бабушке, а Луненко она представила как мужа своей сестры. «Бабушка», судя по цене, которую она заломила за билет, была предприимчивой. Она просила 14 тысяч рублей. «Внучка» же была сговорчивей. Она готова была отдать билет за 13 тысяч.

Неизвестно, что больше подействовало на Акопяна — женские чары Казиной или желание иметь автомобиль, но билет он купил. Однако неудачи явно преследовали Луненко. Только он положил в карман 13 тысяч, дав 500 рублей из них Казиной, как явился Акопян и потребовал вернуть деньги обратно. Оказывается, афера была сразу же раскрыта. Обманутый требовал деньги. Пришлось вернуть ему все 13 тысяч, причем 500 рублей, которые Казина уже успела истратить, Луненко добавил из своих собственных. Иначе скандал!

И все же следовавшие одна за другой неудачи не остановили Луненко. Раздобыв все у того же Бурского еще один поддельный лотерейный билет, он вылетел на самолете в Сухуми. Мошенник надеялся сбыть его там подороже.

Первым, к кому он обратился в Сухуми, был водитель такси Эфадзе, который отвез его к работнику Гульрипшского леспромхоза Джикия. Последний предложил за билет 10 тысяч, но поставил условие:

поехать вместе с ним для проверки билета в Тбилиси. Луненко, понятно, отказался и на такси Эфадзе поехал в Зугдиди, чтобы там попытаться продать лотерейный билет.

На одной с ним машине поехал и Джикия, у которого были в Зугдиди служебные дела.

Из Зугдиди машина возвращалась в Сухуми. Пальмы и кипарисы обрамляли шоссе. Поросшие лесом склоны гор издали казались курчавыми. Но Луненко было не до красот природы. В Зугдиди ему также не удалось найти желающего приобрести злополучный билет. Однако он не знал самого главного: на станции технического обслуживания, где Луненко просил работника станции Хабутия найти покупателя, желающего приобрести билет, на который якобы пал выигрыш — «Волга», в этот момент находился Чкадуа.

Да, тот самый Чкадуа, которого так ловко провел Бурский, не забыл ни полученной им телеграммы: «Купленная вещь очень плохая», ни того, что, попавшись мошенникам «на крючок», пострадал на одиннадцать с половиной тысяч. Жажда мщения владела им с такой силой, что когда он узнал от Хабутия о приезде из Ленинграда, который предлагал купить у него билет денежно-вещевой лотереи, чуть было не затанцевал от радости лезгинку. Заподозрив, что и этот билет тоже, наверное, фальшивый, он сказал об этом Хабутия. Тот мгновенно завел машину, Чкадуа сел рядом с ним, и они на предельной скорости помчались вдогонку за такси, на котором, ничего не подозревая, ехал в Сухуми Луненко.

Глаза Чкадуа сверкали. Он непрерывно подгонял Хабутия: «Скорей! Скорей!» Наконец впереди замелькали запыленный багажник и номерной знак таксомотора. Поравнявшись с ним, Хабутия затормозил и что-то крикнул по-грузински Эфадзе. Тот тоже остановил машину. Чкадуа вышел на шоссе и, подойдя к

такси, сказал Луненко, что хочет купить билет. Луненко обрадовался, достал билет из бумажника. Как только Чкадуа увидел билет, то понял, что он точно такой же, какой ему уже однажды всучили мошенники. Однако он сделал вид, что не обнаружил подделки. Он сказал, что согласен купить билет за любую сумму. Луненко назвал 24 тысячи. Чкадуа немедленно согласился.

Билет, конечно, он покупать не собирался, ему важно было не упустить Луненко, которого считал — и не без основания — сообщником лже-Лулева и лже-Сабанадзе.

Договорились, что встретятся в 9 часов утра в Сухуми, после чего Чкадуа, потирая с довольным видом руки, вернулся в свою машину, а Луненко поехал дальше в столицу Абхазии. Инстинктивно он, однако, почувствовал в словах и взглядах Чкадуа что-то неладное и решил, что самое благоразумное будет немедленно удрать в Ленинград. Но и Чкадуа был не прост. Опасаясь упустить Луненко, он только сделал вид, что возвращается в Зугдиди. На самом же деле он поехал следом за такси в Сухуми и стал подкарауливать Луненко.

Весь вечер и всю ночь разгуливал Чкадуа по дороге между вокзалом и аэропортом. В руках он держал розу, которую время от времени задумчиво нюхал. Издали его можно было принять за влюбленного, пришедшего на свидание с любимой женщиной. И он дождался. Рано утром, едва только солнце начало подниматься над вершинами гор, на пустынной в этот час дороге показался Луненко. В руке у него был чемодан. Озираясь по сторонам, он спешил в аэропорт. Неожиданно выйдя из-за кустов, Чкадуа преградил ему дорогу:

- А, голубчик, попался? Бежать вздумал?
- Что вам надо? — спросил Луненко.

— Я тебя выведу на чистую воду, мошенник! Отдавай мои одиннадцать тысяч пятьсот.

— Вы с ума сошли? Я вас знать не знаю. Первый раз в глаза вижу. Пустите!

— Никуда тебя не пущу, пока не заплатишь.

— Аферист!

— А сам-то ты кто? Неужели честный человек? Я бы, конечно, мог заявить о тебе в милицию, но Чкадуа привык сам справляться со своими обидчиками. Я действую по закону гор. Сейчас ты поедешь со мной к своему сообщнику, и чтоб не пикнул — прирежу! — Он показал кинжал.

Луненко ничего не оставалось, как повиноваться.

Чкадуа привел Луненко к Джикия. Луненко стоял, понутив голову, пока Чкадуа и Джикия разговаривали между собой на своем языке, время от времени бросая на пленника грозные, негодующие взгляды. Потом Чкадуа сказал:

— Он говорит, что не знает тебя и ни к чему не причастен. Я ему верю. Он честный человек.

— Значит, вы меня отпустите? — оживился Луненко.

— Нет! До тех пор, пока не вернешь мне одиннадцать тысяч пятьсот — не выпущу.

Чкадуа повез Луненко в Зугдиди и там запер в темной, без окон, комнате в своем доме. «До тех пор не выпущу, пока не согласишься вернуть мне все одиннадцать тысяч пятьсот», — пригрозил он. «Кавказский пленник» заскрежетал в бессильной ярости зубами. Ну и ситуация! Даже в милицию нельзя обратиться. Дать знать о случившемся — значит разоблачить самого себя. Бежать? Но Чкадуа тщательно стерег своего заложника. От такого не убежишь!

Три дня Луненко тосковал взаперти, а на четвертый не выдержал, взмолился:

— Отпустите, ради бога, так уж и быть, заплачу вам все деньги, будь они неладны. С собой у меня такой

суммы, разумеется, нет. Полетите со мной в Ленинград и там получите одиннадцать тысяч пятьсот.

— Не одиннадцать тысяч пятьсот, а тринадцать. Одиннадцать тысяч пятьсот я заплатил за поддельный билет, а тысячу пятьсот истратил на поездки, связанные с розыском вас, мошенников. Согласен на такие условия?

— Согласен! — сказал Луненко, а сам подумал: «Где я найду такую сумму? Ну, да видно будет. Только бы добраться до Ленинграда».

Самолет доставил Луненко и Чкадуа в Ленинград. Чкадуа ни на шаг не отпускал своего пленника, так что скрыться от него было невозможно. Пришлось разыскать Додонова. Луненко дозвонился к нему по телефону и сказал, чтобы он обязательно пришел на угол Невского и улицы Маяковского, к пивному бару, — есть важное дело. Додонов явился вместе с Саркяном. Додонов подошел к Луненко, а Саркян перешел на другую сторону улицы и вдруг увидел Чкадуа.

Позже он так рассказывал об этой встрече:

— Пока Додонов разговаривал с Луненко, я подошел к киоску, купил газету. Оглянулся и вдруг увидел около себя Чкадуа. Он, по-моему, специально прошел мимо меня. Я перепугался и решил немедленно уйти. На Литейном проспекте сел в троллейбус, проехал остановку, вышел. Боясь, что Чкадуа следит за мной и, чего доброго, еще прирежет, я направился к метро, доехал до площади Льва Толстого, зашел в кино и в середине сеанса, когда на экране появился темный кадр, вышел из зала.

Додонов также видел Чкадуа, но тот к нему не подошел. Луненко рассказал Додонову об истории, в которую попал, и потребовал, чтобы Чкадуа были возвращены его деньги. Додонов сказал, что подумает и даст ответ завтра. Ответ был такой — пусть Луненко выложит Чкадуа свои деньги, а за это он, Додонов,

обязуется расплатиться с ним поддельными лотерейными билетами.

Луненко достал 12 тысяч, дал их Чкадуа, который наконец отпустил его, пригрозив напоследок, чтобы он не появлялся больше в Грузии, иначе плохо будет. Чкадуа покинул Ленинград, а Луненко, едва оправившись от морального потрясения, начал подумывать о том, что неплохо бы компенсировать материальный ущерб, который он понес. На руках у него был опять поддельный лотерейный билет, полученный им в качестве компенсации от Додонова, и он решил пустить его в ход, рассчитывая, что должно же ему в конце концов повезти.

Арховский посоветовал Луненко продать билет старшему продавцу магазина Фрунзенского райпищеторга Анакидзе. Придя в магазин, Луненко запросил 7 тысяч рублей. Однако Анакидзе отказался от покупки. Случайно в магазине в этот момент находились два грузина. Услышав, что речь идет о лотерейном билете, на который пал выигрыш — автомашина «Волга», они сказали, что могут его приобрести. Луненко тут же повысил цену до 11 тысяч.

Договорились, что он привезет билет на квартиру к Анакидзе, куда придут и грузины. Луненко явился не один. С ним опять была Казина, которую он представил как сестру владелицы «счастливого» билета. Покупатели, однако, были осторожны. Во-первых, они согласились купить билет только после проведения экспертизы; во-вторых, потребовали от Луненко предъявления паспорта. Через некоторое время Луненко показал им паспорт на имя Пурышкина. Грузины списали с паспорта данные и на другой день пришли к настоящему Пурышкину, который только от них и узнал, что утерянный им паспорт, судя по всему, попал в руки какого-то проходимца.

А Луненко, которого снова постигла неудача, нашел тем временем других желающих приобрести билет. Это были Ласурашвили и Арутюнян. Луненко сказал им, что билет продает его подружка.

Луненко показал паспорт на имя все того же Пурышкина. При этом руки у него дрожали.

— Ай, нехороший, должно быть, он человек — раз так руки у него трясутся, — сказал по-грузински Арутюнян, обращаясь к Ласурашвили. И уже по-русски спросил у Луненко: — Почему дрожишь?

— Боюсь.

— Чего боишься?

— А вдруг обманете?

— Это мы должны тебя бояться, — засмеялся Ласурашвили. — Так, говоришь, билет продает твоя девушка?

— Да, — кивнул головой Луненко.

— Привези ее сюда.

— Зачем?

— Посмотрим, какая она у тебя. Может быть, отобьем, увезем на Кавказ... Ну-ну, не бойся. Это только шутка. А вот встретиться с ней действительно необходимо. Пока не увидим ее, билет не возьмем.

Луненко понял, что Ласурашвили и Арутюнян ему не доверяют. А вот Казиной они поверят. Однако та заупрямилась, не хотела идти.

Луненко принялся уговаривать Казину. Посулил ей новую шубу, пальто, костюм. И она сдалась, предупредив, что это в последний раз. Луненко проинструктировал ее, как и что надо говорить, сколько просить за билет: дешевле чем за 15 тысяч 500 рублей не уступать.

Казина выполнила все его инструкции, продала билет за 15 тысяч 500 рублей. Пока она встречалась с Ласурашвили и Арутюняном, Луненко поджидал ее на

улице. Вернувшись, Казина вынула из сумки деньги, отдала их своему другу.

— А теперь пойдём покупать тебе шубу, — весело оказал он...

На Большом проспекте Петроградской стороны у некоего Комлева неизвестный мужчина снял временно комнату.

— Здесь у меня будут свидания. Только я хотел бы, чтобы все оставалось в тайне, — сказал он хозяину.

Человек, снявший комнату у гражданина Комлева, был все тот же Луненко. Когда Людмила Казина наотрез отказалась помогать ему в аферах, он нашел ей замену — другую свою знакомую, Азу Майсон.

Для большей солидности и убедительности Луненко и Майсон договорились, что будут изображать семейную пару. С этой целью они и сняли комнату. Чтобы приводить сюда покупателей.

Первыми появились здесь братья Погосян. После длительного спора и торга Аркадий Погосян согласился приобрести лотерейный билет за 12 тысяч рублей.

Майсон села на стул, расстегнула «молнию» на сапоге, стянула его с ноги и извлекла из-под стельки билет. Луненко протянул его Погосяну, а тот дал взамен 12 тысяч.

Аза положила их в сумку и тут же ушла, сказав, что торопится на работу.

Погосян же, заметив, что в паспорте, который ему предъявил Луненко, он же Пурышкин, значит, совсем другая прописка, потребовал, чтобы он ему показал свой дом. На всякий случай.

Сели в такси. Луненко назвал адрес. Однако шофер попался такой, что плохо знал город. Сам же Луненко не смог показать, где его дом. Он говорил, например, что дом якобы девятиэтажный, а оказалось, что

шестиэтажный. Тогда брат Погосяна сказал, что ему все понятно.

— Аркадий, — обратился он к брату, — раз этот тип не может показать, где его дом, значит и паспорт у него чужой. Липовая у него ксива.

— Ты прав, Лева, — согласился Аркадий. — И такая же липа его лотерейный билет.

Лева вынул нож. То же сделал и Аркадий.

— Сейчас же, прохвост, отдавай назад наши деньги.

Луненко побледнел:

— Деньги, как вы знаете, не у меня. Они у моей жены.

— Сейчас же позвони своей мадам по телефону. Пусть она немедленно придет и принесет деньги.

Под угрозой ножей Аркадий и Лев завели Луненко в телефонную будку, заставили набрать номер.

— Алло, Аза, понимаешь, какое дело... — начал Луненко. — В общем, Азочка, привези сейчас же деньги... Я должен отдать их обратно... э-э... своим друзьям.

Майсон приехала с деньгами. Отдала их Луненко. Тот дрожащей рукой вручил сверток братьям.

— Клянусь, что никогда раньше я не занимался подобным и никогда в жизни больше не займусь!

— Смотри же! — пригрозил Аркадий. — Раз ты так напугался, то, полагаю, это тебе послужит уроком. А билет порви...

— Порву! — горячо обещал Луненко.

— Прощай! И больше нам никогда не попадайся...

Они удалились.

— Что случилось? — спросила Майсон. — Почему ты отдал им деньги?

— Почему! Почему! Сволочи! — погрозил он кулаком и выругался. — Гангстеры!..

Несмотря на данное братьям Погосян слово, что он больше никогда не будет заниматься аферами, Луненко принялся за прежнее. Буквально через день он и Майсон пошли искать покупателя, желающего приобрести их билет. В универмаге «Гостиный двор» они познакомились с жителем села Кулаши, Самтредского района, Грузинской ССР, Мошиашвили, который согласился приобрести билет за 13 тысяч 500 рублей.

Зная по опыту, что покупатели билетов требуют, чтобы им предъявляли паспорт, и не исключена такая возможность, что и Мошиашвили потребует того же от Азы, Луненко решил снабдить ее чужим документом. С этой целью он поехал к своей сестре Комлевой, благо она была однофамилицей владельца комнаты, которую они с Майсон снимали, и выкрал ее паспорт. Потом наклеил в него фотографию Азы и стал ждать появления Мошиашвили.

Получив аванс — 8 тысяч 400 рублей, — Луненко и Майсон немедленно покинули комнату Комлева. Она сыграла свою роль ловушки и больше была не нужна. Мошиашвили же после покупки билета решил проверить, правильны ли адреса, которые он списал с паспортов, предъявленных супружеской парочкой. Так он установил, что купленный им билет был поддельным, и тогда Мошиашвили поспешил в милицию...

В комнату, которую снимали мошенники, пришли сотрудники милиции. Они нашли здесь дамскую сумку и высокие резиновые боты, на столе — обрывок банковской бумажной бандероли, которой обычно обклеивают пачки денег, а в печке скомканную расписку на имя Погосяна, подписанную фамилией «Пурышкин». На стене висела гитара. На ней обнаружили след пальца и взяли его для криминалистической экспертизы.

У Комлева, владельца комнаты, спросили:

— Кого вы впустили к себе?

— Могу сказать только, что по виду они — люди интеллигентные, спокойные, не прощелыги какие-нибудь. Деньги за временное проживание заплатили. А чем они занимаются — это меня не интересует. Тем более что сам я в этой квартире не живу.

Однако было бы неправильно полагать, что органы милиции только теперь, после прихода к ним с фальшивым билетом Мошиашвили, занялись поисками преступников. Милиция уже располагала сведениями о том, что группа лиц в Ленинграде занимается изготовлением и сбытом поддельных лотерейных билетов, а также дипломов об окончании высших и средних учебных заведений. Поисками этих лиц занимался большой отряд работников Управления внутренних дел Ленинградского областного и городского Совета депутатов трудящихся.

Прежде всего напали на след Додонова. У него хватило благоразумия не заператься, а во всем признаться чистосердечно. От Додонова, в частности, следственные работники узнали кое-что о его соучастниках.

Но пока Додонов давал первые показания старшему следователю Регине Александровне Смирновой, ничего не знавшие о его аресте и обуреваемые жадной новой наживы Бурский, Саркян и Корин решили съездить в Москву и там найти покупателя на очередной поддельный лотерейный билет. На Черемушкинском рынке они свели знакомство с Бустоновым из Намангана. Но Бустонов тянул, ничего определенного сказать не мог, и тогда мошенники пошли в ресторан «Узбекистан», надеясь там найти покупателя.

Сели за столик, заказали дорогого вина, какие-то замысловатые фирменные блюда и, изображая праздных гуляк, стали приглядываться к посетителям: кого из них можно «зацепить на крючок». В зале было

оживленно, все столики заняты, между ними сновали официанты, и в этом ресторанным мельтешенье не так-то просто было ориентироваться. Тем не менее мошенники кое-кого наметили для себя. Когда выходили из ресторана, Саркян подошел к Закиеву из Баку и предложил ему купить билет. Закиев ответил согласием, но поскольку от Саркяна пахло вином, он попросил его прийти на это же место завтра, и трезвым.

Сторговались на 12 тысячах рублях. Закиев сказал, что у него не хватает 300 рублей, и предложил поехать с ним на рынок, где он займет деньги у земляков, торговавших виноградом и фруктами. Но Саркян отказался. Тогда Закиев пообещал, что привезет деньги через 2 часа. В залог он оставил у Саркяна свой паспорт, Саркян же вручил ему фальшивый, на имя Колосова, в который он вклеил свою фотографию, а фамилию «Колосов» переделал на «Копосов».

Дождаться Закиева с 300 рублями мошенники не стали, а сразу же уехали в Ленинград. Однако попытку обмануть еще и Бустонова они не оставили. Из Ленинграда позвонили к нему в гостиницу «Ярославская», назначив встречу на Казанском вокзале. Бустонов пришел в назначенный день и час на вокзал, но так никого и не дождался. Да и неудивительно! Саркян, который ехал на свидание в Москву, был арестован в поезде на станции Бологое. Он был опознан по фотографии на поддельном паспорте, оставленном им у Закиева. Настала пора дрожать в ожидании разоблачения и Корину, и Луненко, и Бурскому. Самый последний поддельный лотерейный билет, имевшийся в распоряжении мошенника, Бурский спрятал под обивкой дивана, стоящего в комнате, которую он снимал в Мариенбурге. Там этот билет и был найден при обыске, приобщен к огромному количеству вещественных доказательств, собранных следственными органами.

Преступная группа разваливалась, как ком грязного снега под лучами весеннего солнца.

Правда, преступники пытались уйти от ответственности. Семин, например, когда к нему пришли с обыском работники милиции, долго не впускал их в квартиру, что-то копошился, лихорадочно уничтожал. Как потом оказалось, он, желая избавиться от улик, выбросил в окно пакет, в котором находились поддельные дипломы, технические паспорта, техталоны, удостоверения шоферов и другие документы, а также 65 клише поддельных печатей.

Пакет обнаружил мальчик, игравший на дворе. Подняв его, он побежал к матери. Та сообщила о находке работникам милиции. Криминалистическая экспертиза установила, что на одном из дипломов имеется след большого пальца правой руки Семина.

Если главарем группы, занимавшейся сбытом поддельных билетов денежно-вещевой лотереи был Бурский, то сбыт фальшивых дипломов об окончании вузов и техникумов возглавляли Селиванов и Гудин. Оба они когда-то работали на комбинате «Газосвет», были замешаны в одном уголовном деле и осуждены. Выйдя из заключения, Селиванов и Гудин решили начать изготовление и сбыт поддельных дипломов с целью наживы.

Дело это требовало типографских шрифтов, разного рода других материалов. К тому же нужны были и умелые руки. Таким умельцем оказался сантехник того же комбината Клеймасов. У него в мастерской на территории комбината и оборудовали мошенники подпольную типографию. Помещение это было удобно тем, что находилось вдали от основных корпусов, имело запасной выход на пустырь и охранялось сторожевой собакой. Здесь-то и развернули преступники свою работу.

Поскольку поддельные дипломы кое у кого находили спрос, то через некоторое время мошенники оборудовали вторую подпольную мастерскую — на квартире супругов Борискиных. Маргарита Борискина работала чертежницей и художником-декоратором, хорошо умела чертить и рисовать. Селиванов снабдил ее материалами, и она начала копировать рисунок защитной сетки, той самой, которую имеют титульные листы подлинных дипломов. Чтобы скрыть от посторонних истинное назначение рисунка, Борискина придумала для него название: «Сетка ионоулавливателя».

На самом же деле это была «сетка», в которую преступники ловили желающих без всяких затрат стать «специалистами» с высшим и средним техническим образованием. Впрочем, затраты требовались. Денежные. Мошенники брали за диплом по 200, 500 и даже 1000 рублей.

Запутанная «фабула» дела, большое количество лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, множество «эпизодов», даже то, что действие перекидывалось из одного места в другое, из города в город, — все это чрезвычайно осложняло работу тех, кто вел следствие. Вот почему пришлось создать даже целую бригаду следователей. Каждый отработывал свой «кусок». А всю работу возглавляла, организовывала, координировала Регина Александровна Смирнова.

Эта молодая энергичная женщина еще на студенческой скамье, в Ленинградском университете, и во время стажировок выделялась своим цепким, аналитическим умом. Она получила диплом с отличием. Затем началась работа в органах милиции, которая привлекла Смирнову тем, что именно здесь, в милиции, закладывается первооснова раскрытия большинства преступлений. Дознаватели и следователи милиции

начинают, что называется, с «нуля», а это самое сложное, но потому и самое привлекательное для таких, как Смирнова: чем труднее, тем интереснее! Она была старшим группы по раскрытию наиболее тяжких преступлений. Ныне Смирнова выдвинута на ответственную руководящую работу — она начальник следственного отделения отдела внутренних дел Дзержинского района.

Что же касается дела о фальшивых лотерейных билетах и дипломах, то при раскрытии его большое значение имело трудолюбие следователей, их умение вникать в каждую, казалось бы, мелочь. Ведь все приходилось собирать буквально по крупицам. Но если каждый отвечал только за свой раздел работы, то Смирнова, как старшая, должна была досконально знать все дело, каждую его деталь, чтобы вовремя подсказать своим помощникам, куда нужно направить внимание, чем заниматься дальше.

Кроме Регины Александровны Смирновой следствие вели старший следователь Нонна Александровна Чекалева, следователь Николай Семенович Тихонов из Управления внутренних дел Леноблгорисполкомов, старший следователь отдела милиции Октябрьского района Иветта Николаевна Соловьева, следователи Иосиф Иванович Стреминский из Выборгского района и Роман Филатович Тимошенко из Кронштадта. Одному человеку выполнить всю работу было бы не под силу. Все дело составило 30 больших томов. Одно лишь обвинительное заключение заняло 247 страниц.

Суд воздал должное всем участникам преступной группы. Не обошел он и их «клиентуру». В отдельное производство были выделены уголовные дела в отношении тех, кто приобретал поддельные дипломы и другие документы. Наказаны были и те, кто пытался приобрести автомашины нечестным путем, покупая лотерейные билеты. Когда Ласурашвили, Мошиашвили,

Закиев подали гражданские иски, требуя возмещения понесенного ущерба, суд им отказал. Он разъяснил, что приобретение лотерейных билетов, пусть даже и поддельных, являлось в данном случае незаконным, совершалось с целями, которые противоречат нашей морали. Суд счел, что деньги, полученные преступниками от сбыта поддельных государственных ценных бумаг, подлежат конфискации.

Так была поставлена последняя точка в этом уголовном деле.

«ТРУДНЫЕ» ДЕВЧОНКИ

«Уважаемая Мария Федоровна! У меня в жизни большое событие — выхожу замуж. Регистрация — на будущей неделе во Дворце бракосочетания в Ленинграде. Приезжайте! Будете самым дорогим, самым желанным гостем».

Вот, в сущности, и все, о чем говорилось в этой открытке, на обороте которой были изображены розовые и голубые цветочки. Но Мария Федоровна, милостивая женщина в форме военнослужащей, с

погонами, на которых блестели офицерские звездочки, дважды прочитала это коротенькое письмецо. Оно ее взволновало. И хотя утро, как всегда, выдалось напряженное, хлопотливое, заполненное множеством разных дел, она тем не менее нет-нет да и вспоминала о полученной открытке. А в обеденный перерыв, придя в столовую и заняв место за столиком, за которым уже сидели несколько женщин в такой же, как и она, военной форме, не удержалась и сказала не без некоторой гордости:

— Алла-то моя — вы ее знаете — замуж выходит! Приглашает на свадьбу.

— Значит, налаживается жизнь у девчонки?

— Приятная весть!

— Что ж, Мария Федоровна, примите наши поздравления!

И оттого, что сослуживцы также придали этому, на первый взгляд обыкновенному событию (мало ли девчонок выходит замуж!) большое значение, Мария Федоровна обрадовалась и ответила:

— Спасибо!

...И была свадьба. И было все, как и положено в таких случаях. Нарядный, сверкающий огнями Дворец бракосочетания. Торжественно звучащая музыка — «Свадебный марш» Мендельсона. Шампанское. Потом — уже дома — празднично накрытый стол.

Гости пили за здоровье молодых, дружно кричали: «Горько!»

Молодожены смущались. Особенно — новобрачная. Когда она поднимала руку, на тыльной стороне ее кисти можно было видеть... татуировку. Чтобы никто не обращал внимания на это «украшение», Алла побыстрее ставила фужер на стол и незаметным для присутствующих движением поправляла рукав белого свадебного платья. Наверное, она дорого бы дала,

чтобы навсегда избавиться от безобразной «наколки» на коже.

Оглашались поздравительные телеграммы. Одна из них была от Марии Федоровны. Сама она на свадьбу не приехала — помешали дела, но о поздравлении не забыла. И о том, чтобы прислать в подарок цветы, тоже позаботилась. Где только достала она такие чудные нежно-белые тюльпаны, которые, согласно легенде, считаются цветами счастья?

Когда зачитывали телеграмму, присланную Марией Федоровной, на глазах у Аллы блеснули слезы. Она была тронута теплыми словами, самым фактом внимания, хотя и отвернулась, скрыла лицо под капроновой фатой, чтобы никто не видел, что она плачет: а то еще начнутся расспросы — отчего да почему? Пусть никто, кроме самых близких, не знает, кто такая Мария Федоровна и какое значение имела эта женщина в довольно продолжительном периоде жизни Аллы.

Когда-то Марии Федоровне пришлось немало повозиться с Аллой. Да и не только ей одной. Все, кто сталкивался с Аллой — а среди них были сотрудники милиции, детских комнат, дружинники, — знали ее как «трудную» девчонку. Но теперь это уже позади. Алла работает на фабрике, у станка, и никто не может сказать о ней что-либо плохое. Жизнь налаживается. Вот она и замуж вышла. И только рисунок на ее руке остался как напоминание о прошлом...

А местом, где все когда-то происходило, был пригород Ленинграда — Павловск.

Зимой в Павловске тихо, можно сказать пустынно, не то что летом, когда тысячи отдыхающих заполняют этот небольшой уютный городок, прославленный своим замечательным парком и не менее замечательным дворцом-музеем. Зимой Павловск — в снегу. Слово в

белом пуху стоят деревья, ограды. Снег на улицах, во дворах. Всюду возвышаются сугробы, между которыми проложены узкие тропки. Иные из них так узки, что двоим не разойтись.

Как-то раз шел по одной из этих тропинок прохожий. Был вечер. Темно. Уже немолодой, усталый человек возвращался с работы. Вдруг навстречу ему — двое парней. Им бы посторониться, пропустить старшего по возрасту, который не то что в отцы — в деды годился, а они встали поперек, загородили дорогу — и ни в какую!

— Что ж вы, ребята, — сказал прохожий.

Молчание.

— Дайте пройти!

Парни — ни слова. Их молчание становилось угрожающим. Они стояли, уперев руки в бока. Неприятные парни, нахальные. Косматые шапки-ушанки надвинуты низко на глаза. И вином от них пахнет.

— Ах вы, мазурики пьяные! — возмутился прохожий.

Тут парни заговорили разом:

— Что? Что ты сказал? Повтори!

— Мазурики!

— Так вот же тебе за это — получай!

И один из парней, тот, что был повыше и потоньше, поднял руку и сбил с прохожего шапку. Она упала в сугроб.

Скорее машинально, чем с умыслом, прохожий повторил то же самое — сбил шапку с парня. Тот замахнулся. Обороняясь, прохожий схватил его за длинные волосы. На тропинке завязалась борьба. Оба свалились в снег. Парень при этом очутился внизу, прохожий — сверху.

Но парень оказался юрким. Он выскользнул и крикнул своему приятелю:

— Чего стоишь? Бей его!

Тот подскочил, и оба стали наносить прохожему удары. Били ногами, обутыми в высокие сапоги. Били по чему попало — по животу, по лицу. Один из ударов пришелся человеку почти рядом с виском. Избиваемый охнул, схватился за голову. А парни продолжали наносить побои.

— Помогите! — закричал человек, чувствуя, что теряет силы. — Убивают!

Собралась толпа. Кто-то оттащил озверевших парней от избиваемого ими человека, увел их. А может быть, они сами ушли? Пострадавший этого не видел. Все лицо его было разбито, в крови. На снегу валялась истоптанная шапка. Ее подняли, отряхнули, надели человеку на голову. Появились милиционеры...

— Как вы себя чувствуете? — спросил у пострадавшего дежурный по отделению милиции. — Можете немного потерпеть? А потом мы вас отправим в больницу. Скорая уже вызвана.

Избитый человек кивнул. Да, ему плохо. Кружится голова. Поташнивает... Но, если требуется, он немного потерпит.

— Да, требуется! — ответил дежурный. — Для опознания тех, кто вас избил. Сейчас их доставят сюда. Вы, должны будете только сказать: те ли это самые?

— А вы их разве знаете?

— Еще бы! — воскликнул дежурный. — А вот и они!

В комнату в сопровождении милиционеров вошли... три девчонки. Они переступили порог и в смущении остановились.

— Проходите, проходите, — обратился к ним дежурный. — Сюда ступайте, поближе к свету. Ишь какими застенчивыми вдруг стали! Они?.. — спросил он у пострадавшего.

— Нет... Я встретился с парнями, а это девчонки какие-то.

— Совершенно верно, девчонки! Они-то вас и избили. Только теперь успели переодеться, а тогда, когда вы с ними встретились, они были в брюках, в шапках-ушанках. Не мудрено, что вы их приняли в темноте за парней. Поглядите-ка на них повнимательнее. Узнаёте?

Пострадавший посмотрел на девчонок. В них не было ничего примечательного. Девчонки как девчонки. В ушах — простенькие сережки, на пальцах — такие же колечки с дешевыми камушками, из тех, что продаются в любом галантерейном магазине. Из-под коротких пальтишек выглядывают худые, острые девичьи коленки, изрядно покрасневшие от мороза под тонким капроном. Словом, никак не скажешь, что эти девчонки, на первый взгляд скромницы и тихони, жестоко избили незнакомого им пожилого человека только за то, что тот не уступил им дороги. Даже пьяница-дебошир не способен на такое.

— Они или не они? — повторил вопрос дежурный.

Пострадавший посмотрел на девчонок еще раз. Да, одну из них, ту, что повыше, он теперь припоминает. Это она сбила с него шапку, а он схватил ее за волосы. Это она крикнула другой девчонке: «Чего стоишь?» — после чего на него обрушились удары.

— Да, это они били меня, — убежденным тоном произнес пострадавший. — Вот эта, и вот эта. А третью я вижу впервые...

— Томки с нами не было, это правда, — промолвила ломким, чуть хриплым голосом высокая, тонкая в талии девчонка. — Она потом подошла и увела нас, когда мы с тобой уже расправились. — И она усмехнулась.

— Тебе еще весело? — строго сказал дежурный. — Смотри, как бы не пришлось плакать! Натворили вы тут... Ой, Алла, до чего же ты трудный человек!.. Скажи, почему вы, повстречавшись с прохожим, не уступили ему дорогу?

— Может быть, это он, как мужчина, должен был нам уступить! — запальчиво произнесла Алла. — По правилам этикета. Ведь мы как-никак слабый пол...

— Плохо, значит, вы знаете этикет. Тот же этикет, на который ты ссылаешься, предписывает, чтобы женщина, а тем более молодая девушка, уступала дорогу старшему... пожилому...

— Мы не видели в темноте, что перед нами пожилой.

— Это не оправдание. Если хотите знать, дело тут не в правилах этикета, а в вине. Ну-ка, сознавайтесь, сколько вы сегодня выпили? И где?..

Дежурный по отделению не случайно назвал Аллу «трудной». Уж он-то знал ее хорошо. И Алла Гусарова, и ее подруги, несмотря на свой юный возраст, доставляли работникам милиции Павловска немало хлопот. Сколько раз их приводили то в детскую комнату, то прямо в отделение.

Был такой случай. Играли во дворе дети. Катались с горки. И через этот же двор шла Алла со своей закадычной подругой Галей Кирбеевой. Обе были в свитерах, в мужских брюках: направлялись на каток.

Какая-то маленькая девочка, глядя на них, крикнула: «Мальчишки идут!» Кто-то из малышей засмеялся, кто-то кинул в Аллу и Галю снежками. Алле это не понравилось. Она налетела на детей как коршун. Те шарахнулись от нее врассыпную. Алла же погналась за Володей Акимовым.

Испуганный мальчик выскочил на улицу, побежал куда глаза глядят. Алла — за ним. Мальчик добежал до мебельного магазина, уткнулся конопатым личиком в стекло витрины и захныкал. В этот момент он походил на загнанного зайчишку. Подбежала Алла, сбила Володю с ног, начала бить. Била больно. Несколько раз ударила по лицу, по голове.

— Мама! — жалобно закричал Володя.

Все это видела уборщица тетя Катя. Она вышла из магазина, стала ругать Аллу:

— Ты что делаешь? Зачем обижаешь маленького? Почему дерешься?

— А если он не слушается меня? Это мой брат, а я его старшая сестра... Я имею полное право его наказывать. За шалости.

— Неправда! Никакой я ей не брат, а она мне не сестра! — возразил Володя. — Я ее первый раз вижу. — И с плачем побежал домой.

— Ах ты хулиганка! — принялась бранить Аллу тетя Катя.

— Заткнись! — ответила ей дерзко Алла.

— Хулиганка и есть!

...«Трудные» девчонки! Кто они такие и откуда берутся?

Возраст, в котором находятся эти девчонки, называют переходным.

Уже не подростки, но еще и не вполне сформировавшиеся женщины. Некоторые девчонки в таком возрасте зачастую упрямы, своенравны, капризны. Далеко не всегда прилежны и чистоплотны.

У них могут быть модные чулки «сеточка» и немытые ноги. Руки они тоже не содержат в идеальной чистоте, хотя о ногтях, о том, чтобы покрыть их «перламутром», заботятся. В комнате у них может быть грязно, намусорено, но они не возьмут тряпку и швабру, не станут заниматься уборкой. Порой даже тарелку за собой не вымоют. Зато к своей внешности проявляют повышенный интерес.

В сумках и портфелях у них с некоторых пор появляются всевозможные косметические принадлежности. Особое внимание они уделяют своим глазам, которые, в зависимости от моды, то удлиняют, то оттеняют черным или синим карандашом. Впрочем,

дело, разумеется, не в моде. «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей», — сказал, как известно, поэт.

Беда в другом. «Трудные» девчонки, как правило, тянутся к пустой, беззаботной, «мотыльковой» жизни. Если они и учатся еще в школе или ПТУ, то не сидят у подолгу за учебниками и тетрадями. Наспех приготовив кое-как уроки, они ускользают из дома. Собравшись у какой-либо из подруг, слушают магнитофонные записи, пластинки, танцуют под громкую музыку и курят. С некоторых пор сигареты также становятся непременной принадлежностью их портфелей и сумок.

Эти девчонки — основные посетительницы танцплощадок. Там они заводят случайные знакомства. Новые знакомые зачастую убеждают их выпить вместе с ними по стаканчику вина, уверяя, что это не повредит, поднимет «жизненный тонус», и девчонки делают это, причем некоторые даже охотно: они тоже считают, что вино «бодрит». Если же девчонки не идут на танцы, то слоняются по улицам, задевая прохожих, отвечая на их замечания вызывающим хохотом, развязными шуточками, а то и циничными ругательствами. Задержанные почему-либо и доставленные в милицию, в штаб дружины, они или забиваются в угол, выглядывая оттуда, как зверьки, или ведут себя вызывающе, нагло.

Все попытки родителей воздействовать на такую от рук отбившуюся дочь кончаются нередко тем, что, хлопнув дверь, девчонка демонстративно уходит из дома. Она идет к подруге, которой изливает свои горести, встречая сочувствие и пристанище, пока отсутствие денег или иные обстоятельства не загонят ее обратно под родительский кров.

Конечно, «трудных» девонок единицы. Но они есть. Если обратиться к коротенькой пока биографии Аллы Гусаровой, то можно увидеть, что не всегда она была

«трудной». В школе училась если не на пятерки, то и не на двойки, занималась спортом, была звеньевой в пионерском отряде.

Однажды всем классом школьники отправились на сбор бумажной макулатуры. Алла оказалась в группе с мальчишками. Мальчишки были бойкие, развязные, хулиганистые. Когда несли мешки со старой бумагой через ближний к школе лесок, один из них скомандовал:

— Перекур!

И в подтверждение того, что это не просто шутка, вытащил из кармана мятую пачку сигарет.

— Давайте, девчонки, и вы закуривайте за компанию.

Девчонки до этого никогда не курили. Им бы отказаться, а они, поколебавшись немного, решили показать, что тоже не лыком шиты: взяли по сигарете. Потом все уселись в кружок и задымили, поминутно сплевывая и кашляя.

Кто-то видел, как они курили в лесу, рассказал об этом в школе. Состоялось собрание отряда. Оно проходило бурно. Мнение было единодушным: Алла не может быть звеньевой. С нее даже сняли красный галстук. Конечно, она могла бы покаяться чистосердечно, дать слово, что никогда больше не притронется к табаку, и ее бы простили. Но она не пожелала этого сделать. Из ложного самолюбия.

А вскоре ее исключили и из детской спортивной школы. Дело в том, что Алла познакомилась с павловским «обществом», и у нее уже просто не оставалось времени на занятия спортом. «Общество» состояло из подростков — мальчишек и девчонок, — жизненное «кредо» которых заключалось в нехитрой формуле: минимум забот, максимум удовольствий. Компания была немногочисленной, но довольно шумной.

Алла уже училась в ПТУ, в которое пошла после восьмилетки. Окончив его, получила специальность механика по телефонам-автоматам. Но недолго походила она с чемоданчиком, в котором лежали отвертки, гаечные ключи, молотки, телефонные трубки и диски. Вскоре ей надоело, как она выражалась, «слоняться» по телефонным будкам, и она ушла с этой работы. Начались периоды то сплошного безделья, то случайных и малоинтересных работ, устраиваться на которые приходилось не без вмешательства милиции. «Отдушина» заключалась в танцах и выпивках, к которым Алла так же пристрастилась, как и к курению. Так она стала типичной «трудной» девчонкой.

Ее закадычной подругой, как мы уже сказали, была Галя Кирбеева, невысокого роста миловидная девушка с прической в виде «лошадиного хвоста», скрепленного резинкой, и аккуратно подстриженной челочкой.

Мать Гали, Софья Сергеевна, все еще считала свою дочь ребенком, чрезмерно баловала ее. Галя же использовала эту слепую материнскую любовь в своих корыстных интересах — для выколачивания денег. Она изображала из себя ласковую послушную девочку, льнула к матери. Мать думала, что деньги, которые она дает, «малышка» тратит на сладости, на мороженое. А Галя покупала на них вино. Девчонки нередко ходили навеселе. Даже парни из «общества» опасались задевать Галю, Аллу и еще третью постоянную участницу выпивок — Тамару Петрову, когда, распив бутылочку красного, они появлялись на улице. Об их задиристости знали все.

Пришло наконец время, когда и Софья Сергеевна стала замечать, что одежда «малышки» пропахла табаком, а от нее самой нередко разит вином. Начались ссоры. Софья Сергеевна считала, что всему зачинщица — Алла. Это она, дескать, приучила Галю и

других девочек пить и курить. Софья Сергеевна жаловалась на Аллу в детскую комнату милиции. Оттуда приходили инспектора. Беседовали с Аллой.

Алла слушала, низко опустив голову, теребя поясик на платье. Молчала.

— Где твоя мать? — спрашивали посетители.

— На работу пошла.

— Где она сейчас работает?

— Посуду моет в столовой.

— А ты чем занимаешься? Неужели опять бездельничаешь?

Чтобы разъединить подружек, Софья Сергеевна решила отправить Галю в Душанбе, где жил старший сын. Купила дочери билет, снабдила деньгами, едой, посадила в поезд.

Прошло лишь три дня после отъезда Гали, и вот рано утром, когда Алла еще спала, в комнату к ней постучали. Алла, босая, подбежала к двери, открыла ее — в коридоре маячил знакомый «лошадиный хвост».

— Галка! Ведь ты же уехала?!

— Я сбежала с поезда. Что мне в этом Душанбе делать?

— Как же ты домой явишься? Тебе же попадет!

— А я и не пойду. Пока у тебя поживу.

Кто-то сообщил Софье Сергеевне, что дочь ее самовольно вернулась в Павловск, нашла приют у Аллы Гусаровой. Разгневанная Софья Сергеевна поспешила к Алле. Она застала девчонок за столом. В комнате было накурено. На столе стояла бутылка с вином.

Софья Сергеевна схватила бутылку, разбила, затем стала ругать дочь, несколько раз ударила. Толкнула и Аллу. Та, потеряв равновесие, отлетела в сторону, ударилась плечом о шкаф. Сверху посыпались патефонные пластинки. Некоторые из них разбились. Алла, плохо соображая, что делает, схватила табуретку, замахнулась на Софью Сергеевну:

— Только тронь еще раз — голову проломлю!

Софья Сергеевна побагровела, затопала ногами:

— Хулиганка, бандитка! Это тебе даром не пройдет!

Галка под шумок выскочила на улицу через окно, благо прыгать было невысоко — с первого этажа.

Ночью за Аллой пришли и увели в милицию. Ее арестовали на 15 суток. Так она получила первое «крещение».

И вот теперь — избиение прохожего.

Сколько же можно возиться с этими девчонками? И возникло в районной прокуратуре уголовное дело, обвиняемыми по которому проходили две подружки — Алла Гусарова и Галя Кирбеева.

Следователь был вежлив, хотя и несколько сдержан, суховат. Может быть, это объяснялось юным возрастом его подследственных. Он нисколько не подделывался под их тон, не сюсюкал с ними, хотя одна из них — Галя — была еще несовершеннолетней. Такими же несовершеннолетними были и многие из свидетелей. Некоторых пришлось допрашивать в присутствии родителей.

Алла полагала, что все обойдется. В крайнем случае отсидит под арестом еще 15 суток. Подумаешь!

Следователь трижды вызывал Аллу на допрос. В последний раз сказал:

— Итак, Алла, все ясно — вы с Галей избили прохожего. Это не шалость, а самое настоящее преступление — злостное хулиганство, которое подпадает под статью двести шестую Уголовного кодекса РСФСР, поскольку избили вы человека сильно, он даже попал в больницу, жизни его угрожала серьезная опасность.

— Понятно! — ответила Алла.

— Но это еще не все. Твоя лично вина не только в этом. Доказано, что вы с Галей систематически

выпивали. Вместе с вами употребляли спиртные напитки и другие девочки, среди которых были и школьницы. Тебе самой уже восемнадцать, ты — совершеннолетняя и поэтому несешь полную ответственность перед законом за свои поступки. Вместо того чтобы повлиять на несовершеннолетних подруг, внушить им, что пить вино нехорошо, ты, наоборот, нередко сама устраивала выпивки, угощала девочек. А знаешь, что бывает за вовлечение в пьянство несовершеннолетних? Лишение свободы на срок до пяти лет. Так гласит статья двести десять. И она тебе тоже предъявляется. Теперь видишь, к чему тебя привело неправильное поведение?

— Вижу! — сказала Алла. — Я могу идти?

— Нет! — ответил следователь. — К сожалению, я вынужден взять тебя под стражу.

Сперва Алла даже не поверила — думала, что ослышалась. Как это взять под стражу? Не может быть! Но все было именно так, как говорил следователь. Вот — санкция прокурора. Прямо из кабинета следователя Аллу должны были отвезти в тюрьму.

И только тут поняла она, что с ней отнюдь не намерены шутить, что все это всерьез, что придется держать ответ по всей строгости. И впервые за все это время Алла уронила голову на стол и горько заплакала.

Огорчительнее всего было расставаться со свободой. Вот сейчас ее, Аллу, посадят в закрытую милицейскую машину, из которой ничего не видно, повезут в следственный изолятор, и отныне на какой-то длительный срок она будет лишена возможности ходить по улицам Павловска, гулять по парку, по берегам Славянки, встречаться с подругами. А на улице так хорошо! Снег белый, чистый, сверкающий так, что даже глазам больно. Свежий, морозный воздух... Пойти бы сейчас на каток, встать на лыжи...

Алла плакала, сокрушалась о своей печальной судьбе, хотя понимала, что слезами тут не поможешь. Все так и произошло, как она предполагала: ее посадили в закрытую машину и повезли в изолятор, предварительно сняв отпечатки с ее пальцев. Это означало, что отныне Алла попадает в число лиц, зарегистрированных органами милиции, отпечатки ее пальцев будут храниться в специальной картотеке, исполняя роль своеобразного «портрета». Храниться на всякий случай...

На суде свидетелями выступали и школьные учителя, и соседи, и инспектора детских комнат, и девчонки с мальчишками.

Софья Сергеевна, мать Гали, сказала:

— Галя у меня была хорошей девочкой. До тех пор, пока не связалась с Аллой. С этого момента все и пошло.

— Неправда! — крикнула со скамьи подсудимых Галя. — Алка тут ни при чем. Нечего на нее все валить!

Мать Аллы — Анна Никандровна — пояснила:

— Сама я человек, конечно, далеко не положительный. Но дочь свою пить и курить не учила.

— Насколько нам известно, вы были судимы. Скажите, сколько вам тогда было лет? — спросил судья.

— Тридцать девять.

— А дочь ваша оказалась на скамье подсудимых — в восемнадцать. Не говорит ли это кое о чем?

Некоторые из выступавших на суде заявляли, что не только одна Алла виновата. Галя тоже хороша. Она никогда по-настоящему не работала. Ей бы на заводе трудиться, в здоровом рабочем коллективе, а вместо этого мать устроила ее куда полегче — к себе в учреждение.

Однако не все были столь строги к девчонкам, сидевшим на скамье подсудимых. Были зачитаны

характеристики. Про Аллу, например, в полученном из школы документе говорилось:

«Внешне грубоватая, она бывает внимательной к товарищам... С удовольствием ходит в турпоходы».

Вспоминали, что когда-то у нее были большие успехи в велосипедном и конькобежном спорте, она выступала на соревнованиях.

В своем последнем слове Алла сказала:

— Обещаю всем сидящим в зале, что никогда больше не окажусь на скамье подсудимых. Не лишайте меня свободы.

Галя заявила:

— Я тоже прошу прощения. Не наказывайте слишком строго меня и мою подругу.

Суд тем не менее счел необходимым изолировать их от общества. В приговоре говорилось: «...для исправления и перевоспитания». Алла была приговорена к трем, Галя — к двум годам лишения свободы.

Пути-дороги Гали и Аллы разошлись. Встретились они снова не скоро, но уже не было между ними того, что когда-то их объединяло. Может быть, потому, что обе девчонки повзрослели, многое поняли...

А пока в жизнь Аллы Гусаровой надолго вошел другой человек — Мария Федоровна Воробьева.

По должности она — начальник отряда в исправительно-трудовой колонии. По существу же — и воспитатель, и учитель, и инструктор по труду, и психолог. А иногда и мать или старшая сестра для тех, с кем ей приходится повседневно иметь дело по роду службы. А имеет она дело с очень сложным, своеобразным и тяжелым народом.

Представьте себе женщин и девушек, попавших в тюрьму. Среди них бывают мошенницы, воровки, расхитительницы социалистической собственности и даже убийцы. А бывают и такие, как Алла с Галей, — начинающие нарушительницы общественного порядка.

Одни из них оступились на жизненном пути случайно, другие потому, что, покотившись вниз, уже не имели ни силы воли, ни особенного желания подняться. Безвольные и, наоборот, обладающие характером твердым, упрямые и покладистые, спокойные и нервные, легко впадающие в истерику, — таковы эти женщины, отбывающие наказание за те или иные преступления. И к каждой из них необходимо подобрать ключик. Это совсем не просто!

— Наша с вами работа творческая, созидательная, — нередко говорит своим помощницам заместитель начальника колонии Валентина Николаевна Серебрякова. — Мы создаем людей. Превращаем нарушителя в честного, сознательного члена общества.

С Аллой оказалось нелегко. Она и в колонии повела себя на первых порах так, словно нарочно хотела, чтобы о ней говорили: «Какая трудная!» Подружилась с теми, кого работники колонии называют «неустойчивыми», имела взыскания. Нередко прикидывалась больной, чтобы только не пойти на работу, а остаться лежать на койке в бараке.

— У тебя просто тяга какая-то ко всему плохому, — сказала как-то Мария Федоровна, огорченная поведением своей непослушной воспитанницы. — Можно подумать, что ты никогда в жизни не видела ничего хорошего.

Алла на это ничего не ответила. В тот день Мария Федоровна пожаловалась Серебряковой:

— Не знаю, что и делать с Аллой. Ведь ясно, что девчонке просто хочется показать характер, вот она и

«выламывается». Неужели не удастся ее перевоспитать?

— Удастся! — убежденно ответила Серебрякова. — Я верю, что ту или иную девчонку можно исправить. Ведь они в этом возрасте точно воск. Нужно только, чтобы воск этот попал в искусные руки. У вас именно такие руки, Мария Федоровна. Я ведь знаю вас не первый год. Подождите еще немного, и, ручаюсь, ваша Алла станет, такой же, как, скажем, Света. Помните Свету? Вот уж кто, казалось, никогда не станет на правильный путь. Но и Свету удалось перевоспитать. Зато какая она теперь!

Достав из письменного стола фотокарточку, Валентина Николаевна с любовью посмотрела на нее. Видно было, что она нередко смотрит на эту фотографию. На ней была изображена очень красивая молодая женщина, склонившаяся над младенцем.

— Мадонна! Ну, просто мадонна! — воскликнула, улыбаясь, Валентина Николаевна. — Ну кто бы мог подумать, глядя на эту красавицу с ребенком, что у нее темное прошлое. Но все это уже позади. Глядишь на тебя, Светка, и душа радуется!

И Серебрякова еще раз внимательно посмотрела на изображение своей бывшей подопечной. Так художник любит свое творение. Нынешняя Света и была творением Валентины Николаевны Серебряковой, Марии Федоровны Воробьевой, Людмилы Петровны Олейниковой и всех других начальников отрядов, — творением, которым можно было по-настоящему гордиться.

Однажды в колонии устроили общее собрание. Одна за другой выходили на небольшую дощатую сцену в помещении клуба осужденные и рассказывали о себе, о том, как встают на путь исправления, говорили искренне, взволнованно. Чувствовалось, что они многое

пережили, многое поняли и теперь желают только одного — заслужить доверие, чтобы можно было прямо, открыто смотреть людям в глаза.

Девушка по имени Светлана бросила такую фразу:

— Невозможно жить с беспокойной совестью — я это знаю по себе.

Другая осужденная — уже немолодая женщина, отбывающая наказание за мошенничество, — говорила:

— Я вспоминаю свое прошлое и думаю о нем, как о каком-то тяжелом, кошмарном сне. Жить приходилось в постоянном напряжении. Ночью чувствовала себя более или менее сносно. Но вот наступало утро, и опять начиналось беспокойство. День пугал меня — ведь в любой момент за мной могли прийти и арестовать. Я осуждена на длительный срок, но знаю, что могу сократить свое пребывание в заключении. Для этого надо лишь честно трудиться, и я тружусь. То же может сделать и каждая из вас. Давайте же, девчата, милые, приближайте час своего освобождения.

Аудитория внимательно слушала выступавших, чутко реагируя на каждое слово.

На сцену вышел очередной оратор — высокая миловидная девушка. Очертания ее стройной, изящной фигуры не мог испортить даже серый бесформенный ватник. Девушка сказала:

— Когда я встала на преступный путь, то, понятно, не задумывалась о том, какое горе причинит такое мое поведение близким. У меня брат служит в армии. Как-то раз у одного солдата пропала вещь. Заподозрили моего брата. «У тебя сестра отбывает наказание за воровство», — сказали ему. Брат был не виноват, но ему пришлось испытать немало неприятных минут, и все из-за меня. Это я бросила на него тень подозрения. Недавно меня навестили в колонии мать и отец. Я поглядела на них и ужаснулась: до чего же они постарели! И я невольно подумала: «Сколько они

пережили из-за меня! Своим поведением, сама того не сознавая, я укоротила им жизнь».

Эти речи, и в особенности последняя, подействовали на Аллу. Ей тоже вдруг захотелось выйти на сцену и рассказать о себе, о том, почему она оказалась в колонии, что послужило причиной. Но она не умела говорить хорошо, убедительно, да и стеснялась.

В заключение собрания молодая кудрявая девушка Елена С. читала по памяти свои стихи.

В эту ночь Алла долго не могла уснуть. С ней это было впервые. Она лежала на койке с открытыми глазами и, прислушиваясь к шуму ветра за стенами барака, повторяла про себя запомнившиеся строчки: «Я поведаю тебе тайну, что на сердце».

На следующий день, выбрав момент, когда Мария Федоровна была одна в своем небольшом кабинетике, на стене которого висел столь необычный, казалось бы, для этих мест портрет Сергея Есенина с трубкой в зубах, Алла заглянула в приоткрытую дверь, спросила:

— Можно к вам, — и добавила в соответствии с формой обращения в местах заключения, — гражданка начальница?

— Заходи, заходи, — ответила Мария Федоровна.

Она сидела за столом, заваленным газетами и книгами, и что-то писала.

— Ну, что скажешь? Опять заболела и просишь освободить тебя от работы? Тогда ступай в амбулаторию..

— Нет, я здорова! — ответила Алла. — Просить освобождение от работы не намерена. Да вы не думайте, что я такая уж трудная. Это я больше прикидываюсь.

— Спасибо за откровенность, рада слышать. Но только ты, кажется, хочешь еще что-то сказать? По глазам вижу. Давай говори.

— Сейчас... Вот вы, гражданка начальница, как-то сказали мне: «Можно подумать, что ты никогда не видела в жизни ничего хорошего».

— И что же — неправильно?

— Правильно! — уныло промолвила Алла.

Мария Федоровна поняла, что девушка пришла к ней с исповедью. Осторожно, чтобы не причинить девочке ненужную боль, она стала расспрашивать ее. И Алла рассказала...

Оказалось, что во многом на ее «трудный» характер, на поведение повлияло тяжелое детство, отсутствие правильного воспитания.

Алла не знала родного отца. Даже мать не могла ответить на вопрос: «Где он?» Правда, в доме появлялись периодически разные чужие «дяди», которых мать велела называть «отцами». Эти вечно пьяные, сквернословящие мужчины даже не замечали присутствия в комнате маленькой девочки. Нередко они куражились при ней над матерью, затевали драки, и тогда летела на пол посуда, опрокидывались стулья, бились стекла в окнах. Таковы были первые впечатления, полученные Аллой в ту пору ее жизни, которую принято называть золотой.

Воспитывала Аллу престарелая бабушка, неграмотная женщина. Она кормила, поила и одевала внуку на свою небольшую пенсию. Иной раз в доме нечего было есть, и от голода у Аллы кружилась голова. Хорошо, если накормят соседи. Но не все относились с сочувствием к девочке. Кое-кто с неприязнью глядел на нее: «Незаконнорожденная!», «Твоя мать — плохая!», «Весь Павловск знает ее как пьяницу!». Черствые люди и не подозревали, что эти слова болью отзывались в маленьком детском сердце.

Мать Аллы действительно была жалкой. Такой ее сделало пристрастие к спиртному. Она пропила все

вещи, вплоть до мебели и простынь, так что в комнате ничего не осталось. Когда кончились деньги и покупать водку уже было не на что, мать стала пить политуру. Часто ее можно было увидеть возле пивных ларьков. Грязная, оборванная, она толкалась среди стоящих в очереди мужчин, выклянчивая дармовую кружку пива, и те смеялись над ней...

Однажды Алла решила, что не пустит мать в комнату, заперлась, и тогда пьяная, обезумевшая женщина, явившись домой посреди ночи, схватила топор и стала выламывать дверь, осыпая дочь бранью, угрожая ей расправой.

Кончилось тем, что Анну Гусарову как пьяницу, тунеядку выслали из Ленинграда. Бабушка к тому времени умерла, так что Алла фактически осталась одна. Если она стала грубой, дерзкой, если поведение ее было вызывающим, то в известной степени это являлось как бы самозащитой. И в одежду мужскую Алла переодевалась главным образом по той же причине: пусть принимают ее за мальчишку. Им, мальчишкам, живется легче, чем девчонкам. Во всяком случае, они и постоять за себя могут, и кулаки пустят в ход в случае надобности.

— Мне во всем не везло, — рассказывала Алла Марии Федоровне, которая внимательно, не перебивая, слушала свою подопечную. — Если дети дарили мне какую-нибудь игрушку, то приходили родители этих детей и с руганью отнимали ее у меня.

Однажды я заболела ангиной. Соседи — взрослые, но недалекие люди, которым я, однако, слепо верила, — посоветовали мне выпить водки, лучше всего перцовки, и тогда, мол, болезнь быстро пройдет. Одна из подружек — Люба Лобызина — сбегала тут же в магазин, купила на свои деньги бутылку перцовки, принесла, и я стала «лечиться». Но в тот момент, когда я наполнила стакан, отворилась дверь, и в комнату

вошла учительница. Увидев у меня в руке стакан с перцовкой, она стала меня порицать. Уверять, что я просто «лечилась» по совету соседей, взрослых людей, я не стала. Все равно бы не поняли, не поверили!

— И тем не менее, учительница была права: видеть девчонку со стаканом водки в руке — картина неприглядная, — осуждающе сказала Мария Федоровна. — Вино погубило твою мать. Неужели ты хочешь, чтобы и тебя постигла та же участь?

— Нет, нет, — воскликнула Алла, — не хочу!

— Тогда дай слово, что ты никогда больше не будешь пить.

Поговорив с Аллой не раз и не два, выслушав ее исповедь, Мария Федоровна поняла, что эта отбывающая наказание девчонка больше всего нуждается в душевном тепле, в ласке, которой она была лишена всю свою жизнь. И она постаралась дать ей это тепло. Почувствовав со стороны Марии Федоровны дружелюбное отношение, Алла стала смотреть на нее не только как на «гражданку начальницу», но и как на своего доброжелателя. И получилось так, что ей самой захотелось доказать Марии Федоровне, что она далеко не такая, какой ее считали многие.

Постепенно работа в мастерской, где Алла сидела за швейной машинкой, увлекла ее, перестала быть тягостной, как вначале. Труд приносил девушке удовлетворение. Больше того, Алла уже не замечала, что он принудительный. Это походило на чудо. Но чудес, как известно, не бывает.

Когда администрация колонии убедилась, что Алла Гусарова хорошо работает, безукоризненно ведет себя, она поставила вопрос о ее досрочном освобождении. Да, Алла стала совсем другим человеком. Такой она и вышла раньше срока на свободу.

Неся чемоданчик с пожитками, Алла не спеша шла по запорошенной первым снегом дороге, с удовольствием вдыхая свежий, морозный воздух, и на душе у нее было легко. Она радовалась не только долгожданной свободе, но и тому, что нашлись люди, которые поняли ее, «трудную» девчонку, проявили к ней внимание, помогли обрести веру в жизнь, напутствовали теплым словом.

...И, как мы уже рассказали вначале, была свадьба...

В ПЛЕНУ ВЕЩЕЙ

Есть дела, с которыми не сталкиваются ни работники милиции, ни следователи прокуратур. Они попадают прямо к народным судьям. Приходит на прием посетитель, побеседует с судьей и оставляет заявление с наклеенными на него синими марками госпошлины. Заявление кладут в папку, ставят на обложке номер и надписывают:

«Дело о разделе имущества между...»

Они бывают порой очень любопытными, эти исковые дела. По ним можно судить о характере людей, их моральных качествах.

В народном суде Калининского района слушалось дело о разводе.

Мужчина и женщина, еще недавно составлявшие единую семью, теперь сидят в разных концах зала и, стараясь не глядеть друг на друга, дают объяснения, почему они решили разорвать брачный союз. И задача судьи — вникнуть в причины развода, признать их либо уважительными, либо неосновательными. Нелегко это — быть посредником во взаимоотношениях между мужем и женой. Каким надо быть тонким психологом, знатоком человеческих душ, чтобы определить все точно, без ошибки.

Но то дело, о котором идет речь, особой сложности не представляло. Двое вступили в брак. Никакой любви между ними не было. Просто сошлись и стали жить. Не мудрено, что через несколько месяцев выяснилось: ни он, ни она не испытывают друг к другу никаких симпатий. Решили разойтись.

— А вещи? — спросила одна сторона.

— Какие вещи? — удивилась другая.

— Те самые, что в шкафу. Как мы их делить будем?

— А мы и не будем делить. Я их просто не отдам.

Это мои вещи.

— Нет, мои!..

Так помимо дела о разводе появилось в суде еще одно — о разделе имущества.

Что же делили муж и жена? Какие вещи? Оказывается, старый брезентовый саквояж, алмаз для резки стекла и банки с вареньем. Впрочем, в последний момент банки с вареньем они сами из списка вычеркнули: пока дело находилось в судебной канцелярии, тяжущиеся успели варенье съесть. Но саквояж и алмаз пришлось делить суду.

Можно было подумать, что без этого алмаза и брезентового саквояжа невысказанно вообще существование этих людей — такой они подняли шум. Попутно на судебном заседании выяснилось, что в комнате у этих людей все было на запорах. Шестнадцать замков насчитали свидетели! А поперек комода была прибита сверх того увесистая железная перекладина. Но не думайте, что в комодике хранились бог весть какие ценности. На самом деле в нем лежали старые валенки и рваные простыни.

Даже окно на кухне было у этих людей на замке. За окном находились вчерашние котлеты. И вот, чтобы никто не унес эти холодные, покрывшиеся слоем жира котлеты, люди повесили на окно пудовый амбарный замок.

Может быть, эта пара испытывала материальные затруднения, раз так берегла каждый предмет, тряслась над ним? Может быть, у этих людей денег не было?

Были деньги! Пачки денег! Сотни кредиток! Они хранились в сыром углу, покрылись плесенью, и супруги сушили их, развешивая по всей комнате на веревочке, как белье. При этом они следили и за деньгами и друг за другом. Они не доверяли никому, даже самим себе.

В зале сидели слушатели. Они перешептывались, удивлялись людской скарденности, жадности.

Дела о разделе имущества, к сожалению, не такое уж редкое явление в судах. Муж и жена И. целый год после развода никак не могли поделить вещи. В список, приложенный к исковому заявлению, поданному в нарсуд Выборгского района, был включен, например, фотоаппарат, который даже и не существовал. К тому моменту его давно уже не то продали, не то утеряли. Подлежал разделу и чайный сервиз «Каролина» на шесть персон. За то время, что его приобрели, две чашки, блюдце и молочник были разбиты. Как писал

судебный эксперт (в такого рода делах производится и экспертиза!), сервиз «в предъявленном виде потерял первоначальное качество». Однако Алексей Филиппович И. и не думал уступать «Каролину». Он считал, что имеет на нее полное право. Но поскольку мирным путем супругам договориться не удалось, то пришлось суду определять, кому должны принадлежать эти четыре чашки и пять блюдец с когда-то ярко сверкавшим, а теперь заметно потускневшим золотым ободком.

В том же суде разбирались исковые требования Бориса Казакова к Маргарите Калиновской, которые разошлись после трех лет совместной жизни. В перечне вещей помимо стульев, табуреток и матрацев значились сковородка, термос, сифон, напольные весы «Здоровье» и четыре банки лака «ПФ-231». Но это еще было не все. Казаков и Калиновская делили также 12 кусков обоев. Самое любопытное, что обои уже были наклеены и разделить их можно было, только содрав со стены!

Кто же они, эти люди, делившие судебным путем сковородку и банки с лаком? Старые сквалыжники, в которых цепко сидят частнособственнические пережитки? Ничего подобного! Борис и Маргарита, например, люди молодые, вполне современные, во всяком случае по внешнему виду. Она — торговый работник, он — инженер.

В суд Борис приезжал на собственной машине. Поигрывая ключиком, надетым на палец, он спрашивал у судьи небрежным тоном: «Ну, как там обстоит с моим делом?». Маргарита являлась в роскошной шубке, красивая, томная. От нее пахло духами «Шанель»...

У вещей есть коварное свойство. Порой они делают человека своим рабом. Зеркало может ослепить так, что его владелец будет замечать только собственную персону. Кресло цепко обнимет своими полированными

ручками и уже не выпустит. Пружины дивана поют, как сирены, увлекшие Одиссея. Модные портьеры подчас мешают видеть, что делается за окнами.

Когда в людское сознание проникает бацилла частной собственности, она производит разрушительное действие. Муж может поссориться с женой, дети — с матерью, сестры стать заклятыми врагами на всю жизнь.

...Это были две приличные, культурные женщины. Не старые. Интересные. У каждой была семья: муж, дети. Между собой сестры жили в мире и согласии. Им бы и дальше жить так же, а они затеяли тяжбу.

Причиной явилось небольшое наследство, доставшееся им после умершей матери: дом и фруктовый сад в Старой Руссе. И вот яблоки из сада превратились в яблоко раздора. И еще кое-какое имущество стало предметом судебного разбирательства. И несколько золотых вещиц.

— Хочу кольцо, брошку, цепочку с крестом! — заявила старшая сестра — Людмила Алексеевна Захарова.

— А я не отдам их, — ответила младшая. — Я мать хоронила, на похороны потратилась, а ты ничего не дала. Да и живешь ты обеспеченнее, чем я.

Может быть, золотые вещицы, на которые претендовала Людмила Алексеевна, были какие-то необыкновенные, редкостные? Нет, ничего редкостного в них не было: самые обыкновенные вещицы, особенно брошка, которая к тому же была еще и ломаная. Но тусклый блеск этих вещей, слово «золотые» вызвали у старшей сестры приступ алчности. Куда девались ее скромность, хорошие манеры!

Мужу ее — Сергею Николаевичу — взять бы да сказать жене: «Знаешь что, дорогая, некрасиво все это, оставь». Но ему тоже вдруг понадобилась цепочка с крестом. И супруги ринулись в суд.

Одновременно Захаровы затеяли спор из-за яблок, из-за дележа урожая. Чтобы доказать, что они в продаже яблок не участвовали, супруги даже справку из столовой потребовали, что, живя некоторое время в Старой Руссе, питались не в семье младшей сестры, а отдельно.

Но справки не помогли. Ни эта, ни множество других. Суд присудил Людмиле Алексеевне только старую кровать, два стула и половину перины. Но не резать же перину! И младшая сестра заплатила за нее старшей 27 рублей 50 копеек. Людмила Алексеевна и глазом не моргнула. Взяла эти деньги.

Тяжба из-за наследства не так уж редко приводит в залы суда. В народном суде Василеостровского района, например, разбиралось дело, связанное; с разделом наследства доктора архитектуры профессора Б. После его смерти жена (кстати, вторая, на которой семидесятипятилетний профессор женился, когда ей было 25 лет) отказалась поделить мирным путем книги и другие вещи с его дочерьми от первого брака. Началась тяжба. Делом кроме районного суда занимались судебная коллегия Ленинградского городского суда, прокуратура, Верховный суд РСФСР. Десяткам людей пришлось тратить время на то, чтобы определить, кому должны достаться книга «Описание города Шуи», комплект журнала «Мир искусства» и ковер!

Наследство является личной собственностью. Наследование имущества предусмотрено советским законодательством. Право каждого — передать свое имущество, кому он захочет. И родственники имеют юридическое право на имущество. Речь идет о другом. О том, что вещи, достающиеся по наследству, порой действуют, как лакмусовая бумажка: они выявляют моральные качества людей.

Если бы это происходило много лет назад, не было бы ничего удивительного. При буржуазном строе наследство — это обеспеченная жизнь, положение в обществе, даже слава. Вот почему герои Бальзака и Мопассана, Салтыкова-Щедрина и Сухово-Кобылина набрасывались, как волки, на наследство и грызлись из-за каждого лакомого куска. Советским же людям особенно неприятны эти рецидивы прошлого, отдельные отрицательные явления, связанные с разделом наследственного имущества.

Вещи и деньги, как мы уже сказали, преобразуют некоторых людей. Просто диву даешься, во что они могут превратить иного человека.

...Петр Захарович Ананьев работал на автоматнo-штамповочном заводе установщиком штампов. Кое-кто в цехе считал его человеком странным.

Какая бы ни была погода — лил ли дождь, дул ли пронизывающий ветер или же, наоборот, солнце нещадно жгло затылок, — Петр Захарович шел на работу и с работы пешком. Делалось это из соображений отнюдь не спортивно-гигиенических. На предложение товарищей по цеху поехать в трамвае или автобусе Ананьев обычно отвечал, вздыхая:

— Денег нет... Экономить надо...

По той же причине он не ходил в столовую, а закусывал тут же в цехе куском черствого хлеба. Иногда добавлял к нему плавленый сырок за 12 копеек. Этим его обед и ограничивался. Новой одежды он никогда не покупал, а донашивал старую, приобретенную много лет назад и уже ставшую решетчатой от ветхости.

И развлечений он не позволял себе никаких. Разве лишь возьмет летом книжку и поедет на пляж. Вокруг кипит веселая пляжная жизнь, плещутся, брызжуются, хохочут купальщики, взлетают волейбольные мячи,

звучит музыка, а Ананьев сидит на берегу в одиночестве. Солнце печет, в горле пересыхает, а Петр Захарович даже маленькой кружечки квасу выпить не может: как же потратить три копейки! Вздыхает и лишь облизывает пересохшие губы.

— Странно, что он такой, — говорили о нем на заводе. — Ведь и зарабатывает, кажется, не так уж плохо. Ну, да понятно: престарелый отец на иждивении, больная мать...

Если дома сестра или другие родственники спрашивали у Петра Захаровича денег в долг, он только горестно охал и разводил руками:

— Откуда... деньги-то? Нет у меня денег...

И вдруг оказалось, что этот вечно ноющий, страдающий, охающий человек — обладатель огромной суммы денег. Они хранились у него на 29 сберегательных книжках!

Но он ничего не покупал, ничем не обзаводился. Наоборот, предпочитал ничего не тратить. Ведь каждая неистраченная копейка умножала его состояние.

Симптомы заболевания, которому можно дать название «вульгарис стяжательюс», в принципе одни и те же во всем мире. Пушкинский Скупой рыцарь похож на бальзаковского Гобсека, Гобсек — на Плюшкина, а Плюшкин — на гражданина Корейко из «Золотого теленка», обладателя десяти миллионов, из которых один миллион ему пришлось уступить Остапу Бендеру. Черты же Корейко, вымышленного литературного персонажа, воплотились в вполне реальном Петре Захаровиче Ананьеве.

«С трудов праведных не наживешь палат каменных», — гласит поговорка. Ананьев палат каменных не построил — не та натура. Но и деньги свои нажил не только трудами праведными.

Во время Великой Отечественной войны Ананьев, находившийся на фронте, числился «пропавшим без

вести». Поэтому государство позаботилось о его родителях — назначило им пенсию за сына. Но Ананьев вовсе не пропал без вести. Произошла путаница. В 1945 году Ананьев благополучно вернулся домой.

— Петюша, голубчик! — всплеснула руками мать. — Жив?

Ананьев развязал вещмешок, вынул из него кое-какое барахлишко. Походил по квартире. Мать тем временем собрала на стол.

Сели. Выпили.

— А мы за тебя, Петюша, пенсию получаем, — сказала мать, доставая пенсионную книжку.

Петр Захарович взял ее в руки, полистал.

— Пенсия? Очень хорошо. Только вы, мамаша, никому об этом не говорите. Слышите? Молчок. Пусть она идет, как шла.

Мать понимающе кивнула головой. Отец тоже не возражал.

Ананьев устроился на завод, стал работать установщиком штампов. Ежемесячно родители расписывались в получении пенсии и отдавали деньги сыну. А тот относил их на сберегательную книжку.

Когда в райсобесе все же спохватились и Ананьеву стали угрожать неприятности, он даже глазом не моргнул — тут же перевел обратно 4057 рублей, — столько Петр Захарович получил незаконно за это время. Поразительное хладнокровие, с которым он проделал эту операцию, объяснялось просто: у него еще оставалась такая сумма денег, которая в несколько раз превышала то, что было им возвращено государству. Откуда взялось у Ананьева столько денег? Каким путем они были приобретены? Только ли в результате отказа от радостей жизни, скопидомства? Нет, не только!

Когда-то, в прошлом, Ананьев был судим за нарушение правил о валютных операциях, скупку

облигаций на черном рынке. Все это выяснили судебные органы, разбирая гражданский иск райсобеса. Окружающие увидели подлинное лицо Ананьева, корысти ради обманывавшего государство. Правда, самого Ананьева огорчало не столько разоблачение, сколько то, что пришлось поневоле сбросить с себя маску человека, находившегося в затруднительном положении.

Есть еще одна группа лиц, обращающихся нередко в суд. Их можно назвать крохоборами. С одним из такого рода людей столкнулись в народном суде Ждановского района.

— Требую привлечь к ответственности судебного исполнителя! — заявил А. Н. Иванов, придя на прием к судье.

— За что вы хотите ее привлечь?

— За то что она произвела незаконное удержание с моей зарплаты.

С Ивановым пытались поговорить, объяснить ему, успокоить. Но он — ни в какую.

Что же произошло? Может быть, действительно была допущена несправедливость к Иванову? Может быть, по отношению к нему имел место грубый произвол и судебного исполнителя следовало наказать самым строгим образом?

Оказывается, Иванову показалось, что с него неправильно удержали 5 рублей 85 копеек. Не имевшее предела негодование, охватившее его, нашло отражение в документе, который он представил в суд. За что ратовал Иванов? Помимо 5 рублей 85 копеек он требовал, чтобы ему возместили потери, которые он понес после того, как сам же затеял тяжбу. Иванов произвел самый скрупулезный подсчет.

Сколько времени провел он на приеме у народного судьи? Два часа. А сколько мог бы он заработать за это

время? Рубль 25 копеек. Так-с. Приплюсуем эту сумму к 5 рублям 85 копейкам. А сколько ушло на писание заявления? Четверть часа. А четверть часа — это 18 копеек. Пожалуйте и их к оплате. Не забыл Иванов и бумагу с чернилами. Их он оценил в 2 копейки. Всего он насчитал 7 рублей 40 копеек, каковые и потребовал удержать в свою пользу с судебного исполнителя.

Что же это за деньги, из-за которых разгорелся сыр-бор? Алименты, которые Иванов платил по исполнительному листу! Несколько лет назад он бросил жену, дочь, оставил их в Калининграде, а сам, как перекасти-поле, резво понесся по градам и весям. С места на место, с одного предприятия на другое. Проработав семь дней на Сестрорецком заводе имени Воскова, Иванов заскучал и переметнулся в Ленинград, на завод «Вибратор». Тут-то и показалось алиментщику, что, пока он скакал с места на место, с него дважды удержали 5 рублей 85 копеек. И раскрылась его копеечная обывательская душонка.

Кому, в конечном счете, должны были пойти удержанные с него деньги? Его же родной дочери Танечке, на ее содержание и воспитание. Но и народный суд Ждановского района, и кассационная коллегия Ленинградского городского суда, куда обратился Иванов, отвергли его претензии к судебному исполнителю. Тем более что 5 рублей 85 копеек, как оказалось, были взысканы с него совершенно правильно. В счет уплаты задолженности по алиментам.

Обывательский эгоизм, мелочность проявляются, как мы видим, в разном. Они, как в зеркале, отражаются в некоторых так называемых гражданских делах, которые мы с вами перелистали...

МЕЧ ФЕМИДЫ

Осторожное покашливание, приглушенный разговор в зале, резко и всегда неожиданно звучащий звонок: «Встать! Суд идет!»

Судья и народные заседатели проходят к столу, к своим массивным креслам с изображениями государственных гербов на высоких спинках.

Все садятся. На какой-то момент воцаряется напряженная тишина, нарушаемая лишь гудением ламп дневного света и шелестом листаемых страниц. Девушка-секретарь склоняет голову над чистыми листами бумаги, на которые скоро лягут слова

будущего протокола. Прокурор, адвокаты еще раз просматривают свои предварительные записи. Такова прелюдия любого судебного заседания.

— Подсудимый, ваша фамилия, имя, отчество, год рождения...

Начинается судебное следствие. И будет оно продолжаться до тех пор, пока суду не станет все ясно и понятно. После этого судья и народные заседатели удалятся в совещательную комнату, где будет вынесен приговор. Он поставит последнюю точку в заключительной главе подчас драматического повествования.

Обычно героями детективов бывают оперативные сотрудники милиции, дознаватели, следователи. Описывая их работу, можно показать по-настоящему захватывающие перипетии — поиски улик, вещественных доказательств, создание «фотороботов» и т. д. и т. п. Судьи в этом отношении находятся в менее выигрышном положении.

У них нет ничего такого, что было бы прямо связано с романтикой раскрытия преступления. Все уже раскрыто, зафиксировано на бумаге, изложено в виде протоколов допросов, актов экспертизы, обвинительного заключения. И остается только еще раз проанализировать весь этот материал предварительного следствия, составляющий подчас несколько толстых томов, внести в него необходимые поправки, определить меру наказания преступнику.

Но в действительности судья заново исследует каждое дело. Ведь не без оснований то, что было сделано до него, называется лишь предварительным следствием. Судья производит опрос свидетелей, экспертов, выслушивает представителей государственного обвинения и защиты. А бывает, что, не довольствуясь только этим, судья отправляется на

место происшествия, там уточняет те или иные детали, проясняет для самого себя картину случившегося.

В суде разбиралось дело о хулиганском поступке. Посетитель одного из пивных баров решил помешать торговым инспекторам произвести контрольную закупку, кинул кружку в стоявшие на стойке бутылки и стаканы, разбил их, расплескал все пиво — таковы были обстоятельства этого дела. В судебном заседании трудно оказалось понять что-либо из показаний свидетелей, И тогда судья отправилась в бар, осмотрела его помещение, уточнила, как расположены здесь стойки, стулья, столы. Только после этого судебное заседание было продолжено.

Такая скрупулезность позволяет судье проверить доказательства. А безошибочность нужна. В руках у судьи — меч Фемиды. Он остр, этот меч, — символический атрибут богини правосудия, и, чтобы пользоваться им умело, недостаточно лишь знать в совершенстве законы.

Давайте заглянем в залы одного из народных судов Ленинграда — суда Невского района. Посмотрим, что происходит там, где изо дня в день вершится правосудие, где искореняется зло и ведется борьба за перевоспитание людей.

Сразу скажем, понятие о суде как о некоем «присутственном месте» в наше время в значительной степени устарело.

Новая современная мебель, сверкающая полировкой, стены, выкрашенные в светлые тона, обилие зелени, цветов в канцеляриях, — как все это далеко от того представления, которое сложилось о суде у некоторых! Ведь здесь не только судят преступников. Сюда обращаются также и по всевозможным гражданским делам. Приходят со своими семейными невзгодами и неурядицами. Кое-кого само даже слово «суд» пугает. А уж о том, чтобы им прийти

сюда, и говорить нечего! Вот почему очень важно создать здесь такую обстановку, которая не действовала бы на посетителей угнетающе.

...Утро здесь начинается с рассмотрения дел о так называемом мелком хулиганстве. Совершивших тот или иной проступок приводят прямо из милиции, из вытрезвителя. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года судья, как известно, такие дела разбирает единолично. Постановление выносится окончательное, обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно. Сегодня дела о мелком хулиганстве рассматривает Валентина Игнатьевна Логинова. Человек она знающий, серьезный, в прошлом партийный работник. Первым перед ней предстает некто Пономаревский. В пьяном виде он был задержан возле станции метро «Елизаровская», где привставал к прохожим, сквернословил. Его доставили в штаб дружины, но и там он продолжал вести себя буйно: оскорблял сотрудников милиции, дружинников...

— Рассказывайте, почему вы выпили, нарушили общественный порядок, — спрашивает судья.

Угрюмо потупившись, Пономаревский рассказывает: «Шел с работы домой. Встретил приятеля. Он сообщил, что умер наш товарищ. Мы решили устроить по нему поминки — купили пол-литра и выпили...» Пока он дает показания, в зале сидят, дожидаясь решения своей участи, другие нарушители — рабочий железобетонного завода Бибин, слесарь Ленгаза Спиркин. И хотя эти люди встретились впервые лишь здесь, в стенах суда, до чего же они похожи друг на друга! И тот и другой — любители спиртного. И тот и другой платят женам алименты: иным путем от них денег семье не получить. В пьяном виде они дома затеяли скандалы, угрожали расправой женам, пытались их избить, и все — при детях.

— Было такое? — спрашивает судья у Бибина.

— Не помню. Пьян был. Ничего не помню. Но раз милиция пишет об этом в своем протоколе — значит, так, наверное, и было.

— Где вы ночевали сегодня?

— В вытрезвителе.

Логинова постановляет: Пономаревского подвергнуть исправительно-трудовым работам по месту работы с удержанием 20 процентов из зарплаты. Бибина и Спиркина арестовать. Первого — на 10 суток, второго — на 15.

Милиционеры уводят арестованных. А перед судьей предстает еще один нарушитель общественного порядка. Это совсем юная девица в голубом пальто с белым меховым воротником, в щегольских сапожках с красными пуговичками. Фамилия ее — Северова, зовут Татьяной. Работает швеей-мотористкой.

История ее проступка такова. Встретились три подружки и решили «отметить» встречу. Купили бутылку вина и распили в столовой. После поехали к знакомому парню за грампластинкой. В парадной дома на улице Красных Зорь стали нарушать порядок: ругались, оскорбляли жильцов. Одной из участниц этой пьяной компании и была Северова.

— Как вам не стыдно! — укоряет ее Валентина Игнатьевна. — Предупреждаю вас, Татьяна, вы на плохой дорожке. Одумайтесь, пока не поздно. А сейчас — десять суток ареста! И если снова совершите аналогичные действия, против вас будет возбуждено уголовное дело.

Работа народного суда Невского района строится по предметно-зональному методу. Это значит, что трое судей заслушивают только уголовные дела, четверо других — только гражданские. Один лишь председатель суда Алексей Алексеевич Иванов не

имеет никакой «специализации». Он, если надо, разбирает и те и другие.

Сегодня он в судебном заседании не занят. Но это не значит, что у него будет свободное время. Весь день Алексей Алексеевич проведет у себя в кабинете, изучая назначенные к рассмотрению дела. Целая кипа их уже принесена заведующими канцеляриями.

Рабочий день у судей не нормирован. И даже в праздники, когда все отдыхают, кто-либо из них несет дежурство. Но чаще всего эту миссию берет на себя сам председатель.

Во-первых, потому что он — мужчина и считает своим долгом освободить от дополнительной нагрузки женщин-судей, у которых больше забот по дому. Во-вторых, как шутливо говорит сам Алексей Алексеевич, ему повезло с женой, которая никогда не журит его, если он задерживается допоздна у себя в суде или уходит в выходные дни на дежурства, — она хорошо понимает специфику его работы. А в третьих, — и это самое главное — Алексей Алексеевич не может не болеть душой за дело, которое ему доверили трудящиеся, избравшие его народным судьей.

Иванов прошел путь, характерный для многих судей его поколения. После фронта и ранения, полученного на минном поле, под Нарвой, — демобилизация, работа судебным исполнителем, секретарем судебного заседания, а вечерами — учеба в Ленинградской юридической школе, затем — в институте. С тех пор судьба Алексея Алексеевича как судьи связана с Невской заставой.

Обстановка в районе за эти годы резко изменилась. Сам район стал совсем другим. Там, где некогда стояли в окружении огородов покосившиеся деревянные домики, где были заросшие репейником пустыри, свалки, торфяные поля, теперь раскинулись кварталы новых многоэтажных зданий, сверкают нарядные

витрины магазинов, ателье, бегут по прямым асфальтовым магистралям троллейбусы и автобусы. Изменились и люди.

Иванов помнит, как в первые годы его работы судьей приходилось чуть ли не через день выносить приговоры, в которых фигурировали крупные сроки лишения свободы: 15, 18, 20 лет. На скамьях подсудимых сидели тогда опасные преступники, совершавшие разбойные нападения, групповые насилия, «шпана» Троицкого поля, Веселого поселка. Теперь с ними давно покончено. И в этом немалая заслуга не только органов милиции, дружинников, общественности, но и народного суда.

Советский суд — орган не только и не столько карающий, сколько воспитывающий. Слово «профилактика» уже много лет прочно вошло в повседневный лексикон работников юстиции. Профилактика — это и отчеты судей о своей работе, и обсуждение вступивших в законную силу приговоров на предприятиях, в общежитиях, в красных уголках жилищных контор, и пропаганда правовых знаний — беседы, лекции, вечера вопросов и ответов — и, наконец, выездные сессии, устраиваемые либо по месту работы, либо по месту проживания подсудимого. Эти и многие другие мероприятия способствуют предупреждению преступлений.

Пройдемся по залам суда. Посмотрим, чем заняты сегодня судьи. Мария Осиповна Агурьянова разбирает уголовное дело по обвинению Г. Г. Панченко в совершении преступления, предусмотренного статьей 211 Уголовного кодекса РСФСР. Это нарушение Правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Был пасмурный день. Моросил дождь. По улице 3-й Пятилетки ехал «Москвич» автобазы Ленпочтамта. Он останавливался возле почтовых ящиков. Женщина-водитель выходила, вынимала корреспонденцию и,

положив очередной мешок с письмами в машину, следовала дальше. Вот тут-то все и произошло. На одном из перекрестков маленький «Москвич» столкнулся с грузовиком ЗИЛ. Заскрежетали тормоза, но было уже поздно. «Москвич» перевернулся. При этом была сбита прохожая. К счастью, она отделалась лишь не очень сильными ушибами. А ведь могло окончиться гораздо хуже...

И вот Галина Панченко — на скамье подсудимых. Мнет в руках с набухшими голубыми венами платочек и молча слушает, что говорят свидетели. А говорят они одно: во всем виновата только сама Панченко. Она нарушила правила движения, зазевалась...

Выясняется, что в тот злополучный день Панченко выехала на линию, не имея на машине правого стеклоочистителя. Стекло запотело, покрылось брызгами. Это мешало видеть как следует дорогу. Но Галине было все равно. Она даже тряпкой стекло ни разу не протерла. Такой безразличной, равнодушной к шоферским обязанностям была она и раньше.

— Попытались ли вы делать ей замечания? — спрашивает Агурьянова у начальника колонны, выступающего на суде в качестве свидетеля.

— А как же! Только характер у нее, товарищ судья, такой — мимо ушей все пропускает. Дали ей машину, которая лишь недавно вышла из капитального ремонта. На такой машине другой бы шофер ездил и ездил. А у Панченко какой уход за машиной? Никакого! И сейчас машину хоть снова в ремонт отдавай.

За пять лет Панченко сменила шесть мест работы. Была портнихой, воспитательницей в детском саду, а в последнее время — шофером. Только нет у нее горения на работе. Равнодушна Галина ко всему. «Шофером больше не буду», — бесстрастно заявляет она суду. «А кем же?» — спрашивает Агурьянова. «Еще не решила».

Судебное следствие закончено. Агурьянова вместе с народными заседателями удаляется в совещательную комнату. Пока она будет выносить приговор, зайдём ещё в один зал.

Здесь слушается большое и сложное дело. И продлится оно не один день. Только свидетелей пятнадцать человек. А подсудимых пятеро. И все они, кроме одного, — подростки.

Что сделали эти несовершеннолетние ребята? Почему пришлось взять их под стражу, посадить на скамью подсудимых? Они совершали кражи. Похищали все, что под руку подвернется. Например, проникли в ночное время на завод «Ленэмальер», предварительно перепилив ножовкой металлическую решетку на окне, и похитили в цехе части от зажигалок, алмазы. В кабинете директора захватили образцы выпускаемой заводом продукции — портсигары, значки. В раздевалке одна из работниц оставила халат: воришки обшарили и его, нашли в кармане флакон духов и тоже взяли.

В клубе Октябрьского тепловозоремонтного завода они похитили электрогитару, в Ленинградском мореходном училище — телефонный аппарат, в столовой Кислородного завода — папиросы, шоколад, в мастерской комбината Главного управления торговли — дрели и сверла. В каком-то месте взяли мопед...

Судит подростков Валентина Ивановна Борисенко.

У каждого судьи свой стиль, свой «почерк». Один, может быть, чрезмерно строг, другому, наоборот, всех жалко, даже посадить какого-нибудь пьяницу за решетку. Третий не любит торопиться. Ему необходимо, прежде чем принять решение, обдумать как следует дело. Характер судьи сказывается и на манере вести судебное следствие.

Если говорить о Борисенко, то она — само спокойствие. Никакой резкости ни в словах, ни в движениях. Но спокойствие это не от равнодушия, а от

высокой судейской культуры, которая ощущается во всем, в том числе и во внешнем облике Валентины Ивановны. Строгое, элегантное платье. Белокурые волосы по-модному причесаны. Наверное, это тоже немаловажно — как выглядит судья. Ведь он всегда на виду, на него обращены сотни глаз.

Товарищи по работе знают Борисенко как человека, регулярно следящего за новинками литературы, искусства.

Вот уже десять лет разбирает она дела, связанные с преступлениями несовершеннолетних. Уже одно то, что на скамье подсудимых сидят подростки — само по себе необычно. Дела эти требуют особенно глубокого проникновения в их существо. Необходимо не только воссоздать картину преступления, но и вскрыть причины, которые привели того или иного подростка на преступный путь. На судебное заседание вызываются родители, учителя, мастера производственного обучения, все те, кто несет прямую или косвенную ответственность за воспитание молодого поколения.

...Идет допрос подсудимых.

— Зачем вы взяли электрогитару?

— Чтобы поиграть.

— А мопеды?

— Чтобы покататься.

— Почему вы встали на преступный путь? Чем объясните вы это сами?

— Делать было нечего после работы — вот и занялись кражами.

Пойди тут разберись, что скрывается за подобного рода ответами: ребячья наивность или насмешка?

Позже, во время перерыва, Борисенко уйдет к себе в кабинет, чтобы немного отдохнуть, но даже и в эти минуты она не перестает думать о тех, чья участь находится в ее руках. Не исключено, что она придвинет к себе ящик, в котором находятся заполненные

карточки, и станет их перебирать, что-то вспоминая и сравнивая. В этих карточках — сведения о тех, кто предстал когда-то перед ее судейским столом. За лаконичными записями — жизни и судьбы.

Вот, скажем, Виктор С. Рабочий завода «Большевик». Покушался на грабеж. Дело рассматривалось на выездной сессии. Борисенко помнит, с каким презрением глядели собравшиеся в зале рабочие на парня, сидевшего на скамье подсудимых, и как неуютно чувствовал он себя под этими взглядами, боялся смотреть людям в глаза. Зато с какой благодарностью взглянул Виктор на судью, когда услышал приговор: три года условно. Больше всего его пугало лишение свободы. Его оставили на заводе, и это тоже сыграло положительную роль. В карточке, заведенной судьей на Виктора, можно теперь прочитать:

«Зарекомендовал себя с хорошей стороны. Ведет себя дисциплинированно. Норму выполняет на 100—110 процентов. Занимается спортом. Устойчив, спокоен».

И все же, как бы ни были порой сложны дела уголовные, гражданские зачастую бывают еще более крепким орешком. Взыскание алиментов, раздел жилой площади, выселение, установление отцовства — казалось бы, что в этом хитрого? Однако они нередко превращаются в настоящую головоломку для судьи. А взять дела о расторжении брака! Какими материалами располагает судья, перед которым предстает супружеская пара? Да, в общем, никакими, если не считать тоненькой папочки с исковым заявлением, на которое наклеены синие марки пошлины, и копией свидетельства о браке. А ведь судье надо принять безошибочное решение: действительно ли этой

супружеской паре стала неспособна совместная жизнь или же речь идет о случайном семейном конфликте, который можно уладить?

В работе народного суда нет часов «приливов» и «отливов». Сюда непрерывно — и утром и вечером — приходят посетители. Одному требуется копия решения или приговора, другому — справка из архива, третьему нужно попасть на прием к судье, четвертому — к судебному исполнителю.

Судебные исполнители — это особая категория работников народного суда. Если все остальные, как правило, не покидают стен здания, то судебный исполнитель, наоборот, с утра до вечера в ходьбе. Он осуществляет принудительные выселения, взыскания денег, присужденных в пользу государства или частного лица, разыскивает «беглых» алиментщиков. Без судебных исполнителей трудно было бы осуществлять так называемое исполнительное производство.

Стемнело за окнами. В залах, где днем вершилось правосудие, где выступали с речами прокуроры, адвокаты, стало непривычно тихо. Отбушевали, улеглись страсти, вызванные судебными процессами. В канцеляриях идет подготовка к слушанию новых дел, выписываются повестки истцам, ответчикам, свидетелям. К концу дня на стене в коридоре будут вывешены аншлаги, и тогда можно будет узнать, какие дела назначены к слушанию на завтра.

О том, что коллектив народного суда Невского района работает плодотворно, свидетельствует и такой факт. Деятельность суда отмечена приказом по Управлению юстиции Ленгорисполкома. Судьи Валентина Ивановна Борисенко, Валентина Игнатьевна Логинова, Валентина Петровна Киреева награждены ценными подарками.

Председателю суда Алексею Алексеевичу Иванову
Указом Президиума Верховного Совета РСФСР
присвоено звание заслуженного юриста.

Меч Фемиды находится в надежных руках.

КРАХ ВРАЖЕСКОГО АГЕНТА

ОТ АВТОРОВ

В основу документальной повести, которую мы предлагаем вниманию читателей, положены материалы судебного архива. То, о чем в ней рассказывается, имело место в середине тридцатых годов. Операцию, о которой идет речь, провели пограничники Ленинградского округа совместно с органами государственной безопасности, милиции. Она завершилась поимкой опасного вражеского лазутчика.

Для того чтобы лучше понять описываемые события, представим себе обстановку тех лет. Она была напряженной. Начавшаяся в 1929 году массовая коллективизация обострила классовую борьбу в деревне. Кулаки оказывали яростное сопротивление, организовывали вооруженные банды. Кое-кто из раскулаченных бежал из Советского Союза. Перебравшись на ту сторону, они оседали в поселениях, создаваемых вблизи границ нашего государства. Оттуда, в частности, засылались на нашу территорию вражеские агенты, прошедшие специальную подготовку. Цель у них была одна — шпионаж, диверсия. Они были хитры, коварны, и вылавливать их было нелегко, И хотя пограничная служба в этих условиях чрезвычайно осложнялась, тем не менее действия вражеской агентуры пресекались успешно.

Нести охрану границы помогали колхозники, жившие в пограничных районах. Это были главным образом демобилизованные пограничники. Люди обрабатывали землю, ходили за плугом, пахали и сеяли и в то же время зорко следили за местностью. Помощь этих людей сыграла немалую роль в поимке вражеского агента.

Широкая светлая река течет среди лугов. Местами она проходит по лесу. На невысоком холме стоят несколько домиков. Стены их выкрашены в желтый цвет, окна обведены белой краской.

Посреди чисто подметенного двора — круглая клумба, выложенная по краям красными и синими стеклышками. Под навесом — часовая.

Застава...

Начальник заставы лейтенант Гусев прошел мимо часовой, отворил калитку, опять аккуратно закрыл ее и стал спускаться вниз по тропинке.

Он направлялся в комендатуру, где в этот день обычно проводились занятия с начсоставом.

Комендатура находилась не близко. Конечно, можно было оседлать лошадь и отправиться туда верхом. Так Гусев и хотел сделать. Но в последний момент передумал и решил идти пешком. Шпоры он, однако, не снял, и теперь, когда шел, они мелодично позванивали. И так же, в такт шагам, ритмично раскачивался витой кожаный шнурок, прикрепленный к рукоятке револьвера, висевшего на поясе.

Было раннее летнее утро. Роса еще не испарилась, но солнце уже пригрело. С лугов доносился запах клевера. Дорога, по которой шел Гусев, поворачивала то влево, то вправо. Гусев шагал и внимательно глядел по сторонам. Делал он это, можно сказать, машинально, по привычке, выработанной за годы службы на границе.

Вот окурочек, брошенный кем-то на пыльную дорогу и притоптанный каблуком. Вот обрывок бечевки: он повис, зацепившись за колючки репейника. Возле канавы — клочок газеты, занесенный сюда ветром.

Около моста находилась старая заброшенная мельница. Гусев заглянул и в нее. В помещении было пусто и все еще пахло мукой, хотя с того времени, когда жернова в последний раз мололи зерно, прошло уже немало времени. Неподалеку от мельницы буйно разрослась красная смородина. Ягоды уже поспели. Они висели тяжелыми полновесными гроздьями. Казалось, прозрачная кожица вот-вот лопнет, и сладкий сок брызнет на землю. Гусев подумал, что хорошо было бы набрать ягод и сварить для всей заставы кисель. Надо будет сказать об этом повару.

Около деревни он увидел трактор, заглохший посреди дороги. Возле него стояла белокурая девушка в голубоватом комбинезоне. Она зевала, прикрывая ладонью рот. Ей явно было скучно. Она тоскливо глядела на длинные ноги механика, лежавшего под трактором на спине и что-то чинившего. Поэтому, когда появился начальник заставы, девушка оживилась и даже как будто обрадовалась: все-таки можно с кем-то поговорить!

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! — поздоровалась она.

— Здравствуйте, Эльфрида! — ответил Гусев, подходя и протягивая ей руку.

— Нет, нет, не надо, запачкаетесь! — воскликнула девушка, смеясь и доказывая свои руки, вымазанные в машинном масле. — А мы, как видите, чинимся.

— Что случилось?

— Не знаю. Работал, работал мой фордзончик и вдруг заглох.

— Не найдется ли у вас закурить, товарищ начальник? — подал голос механик.

Костлявый, высокий, он вылез из-под трактора и осторожно, двумя пальцами, взял из портсигара папиросы. Одну из них закурил сразу же, другую

положил в нагрудный карман старой, полинявшей гимнастерки.

— Ну, как там — на государственном рубеже? — поинтересовался он, хотя и знал хорошо, что на этот не совсем деликатный вопрос вряд ли последует ответ. Тем не менее ему хотелось поговорить с начальником погранзаставы о чем-нибудь серьезном и важном. — Ну, как, повышение еще не получили? — кивнул он на петлицы гусевской гимнастерки. — Все еще лейтенант?

— Не заслужил, — засмеялся Гусев. — Так что же у вас все-таки с трактором? Давайте посмотрю.

— А вы разве в моторах разбираетесь?

— Как-нибудь! Ведь я до пограничных войск работал в колхозе трактористом.

— Нет уж, не стоит вам пачкаться.

— Ну, как хотите! Желаю в таком случае успеха.

— Приходите к нам в деревню на танцы, — пригласила Эльфрида. — В самом деле, приходите вместе с женой. Не забывайте нас.

— Приду как-нибудь, — пообещал Гусев. — Прощайте, Эльфрида!

— Прощайте, товарищ лейтенант!

Гусев козырнул и пошел дальше.

Путь его пролегал через деревню. Первыми увидели начальника заставы деревенские ребяташки. Радостно крича, они устремились к нему со всех сторон, выскакивая откуда-то из-за кустов, спрыгивая с заборов. Они окружили пограничника. Каждому хотелось потрогать его пистолет с витым кожаным шнурком и даже шпоры. «Ну, хватит, хватит, ребятки», — говорил Гусев со смехом, отбиваясь от малышей. От колодца шла женщина с ведрами, полными воды. Заметив лейтенанта, она поставила ведра на землю и, вытерев руку о подол, подала ее Гусеву с явным уважением. Проходя мимо дома, в котором помещалось правление колхоза, Гусев увидел в

раскрытом окне бородатого счетовода Филимонова и поприветствовал его издали, приложив ладонь к козырьку фуражки. Филимонов заулыбался и замахал рукой, приглашая зайти. Но Гусев, в свою очередь улыбаясь, отрицательно покачал головой и показал на часы: некогда!

Так он шел по деревне, сопровождаемый улыбками, одобрительными взорами, здороваясь и отвечая на приветствия. Судя по всему, его хорошо знали в деревне и любили.

Когда Гусев пришел в комендатуру, все начальники застав уже были в сборе. Ему досталось место у стола с краю. Он вынул из полевой сумки тетрадку и приготовился записывать.

Занятия по топографии проводил начальник штаба Петров.

В перерывах начальники застав выходили на улицу, курили, передавали друг другу новости. Здесь можно было узнать о том, что делается не только на соседних заставах, в комендатуре, но и в отряде.

— Ну, как, братцы, живется-служится? — спросил смуглый черноволосый лейтенант Поначевный.

— Нормально, — ответил кто-то. — Давно, к счастью, никаких сюрпризов не было.

— Смотри, не сглазь! — вмешался третий.

— Граница есть граница.

— Что верно, то верно. Хоть и затишье, но никогда нельзя успокаиваться.

После занятий Гусев зашел в парикмахерскую. В ней работали двое — уже немолодой сверхсрочник Ануфриев и веселая хохотушка Тонечка. На этот раз Ануфриева не было. Тонечка была одна. Она сидела в кресле перед зеркалом и вязала.

— Садитесь, товарищ лейтенант, — пригласила она, откладывая в сторону вязание.

Гусев снял фуражку и сел в кресло, разглядывая в зеркале свои изрядно отросшие волосы. Тонечка вымыла руки, тщательно вытерла их и достала из столика блестящую машинку.

— Я сделаю вам полубокс, — сказала она, принимаясь за работу. — Давно же вы к нам не заглядывали. Как ваша жена — здорова? Вы бы зашли в нашу военторговскую лавку. Там есть симпатичные гребешки — купите своей жене в подарок. А обедать вы у нас, в комендатуре, будете? Сегодня в начсоставской столовой — бигус. Да, вы слышали новость? У Поначевного на днях случилось безнаказанное нарушение: обнаружили в лесу следы. Кинулись туда, сюда и нашли все же нарушителя. Кто бы это был, как вы думаете?

— Кто? — спросил Гусев.

— Корова. Перешла с сопредельной стороны и углубилась в наш тыл.

— Бывает! — улыбнулся Гусев. Его развеселило, что Тонечка запросто произносит такие страшно серьезные выражения, как «безнаказанное нарушение», «сопредельная сторона». И еще он подумал, что Поначевный все-таки большой хитрец: ни слова не сказал товарищам, что у него на участке было нарушение границы, пусть даже это была корова.

А Тонечка уже забыла про корову. Теперь ее интересовало, хочет ли Гусев освежиться одеколоном.

— Есть «Жасмин». Или вы, может быть, хотите «Сирень»? Нагните, пожалуйста, голову!

В конце концов Гусев даже устал немного от ее болтовни. Расплатившись с Тонечкой, он вышел из парикмахерской. По пути зашел в военторговскую лавку. Гребешки, про которые говорила Тонечка, действительно оказались хорошенькими. Гусев купил один, светло-зеленый, просвечивающий на солнце, и сунул в карман.

Но тут же позабыл о покупке, потому что его позвали к коменданту Рогачеву.

В маленьком кабинетике коменданта было, как всегда, темновато. Зеленые, густо разросшиеся ветви заслоняли окно от солнечных лучей. От этого казалось, что на улице пасмурно и прохладно.

Комендант Рогачев страдал бронхиальной астмой. Это был высокий, полный человек, с широким красным лицом. Он мог бы давно уйти в отставку, поселиться где-нибудь на покое, разводить цветы и нянчить внуков. Но ему не хотелось расставаться с границей, которой он отдал почти всю свою сознательную жизнь. Комендант Рогачев слишком любил свое беспокойное, трудное дело.

Он окинул взглядом Гусева, который стоял перед ним по другую сторону письменного стола.

— Как живете? — спросил Рогачев, тяжело дыша.

— Отлично! — бодро ответил Гусев. — Настроение у всего личного состава превосходное.

— Как жена?

— Жене, понятно, скучновато на заставе. Но не жалуется.

— Передайте ей мой привет.

— Спасибо.

Рогачев помолчал, пристально разглядывая Гусева. Это у него была такая манера — смотреть не отрываясь в лицо собеседника. Потом он заговорил:

— Вот что, лейтенант. У нас имеются данные. Тут кое-кто ожидается в эти дни. Может быть, даже сегодня, а может быть, завтра. Понимаете?

— Так точно! — отчеканил Гусев.

— Я особенно беспокоюсь за ваш участок. Нет, не за людей, народ у вас замечательный. А вот месторасположение... Река. Сразу же за берегом — лес... Как будто бы специально для лазутчика. В общем,

прошу усилить наблюдение. почаще сами проверяйте участок. Понимаете?

— Понимаю!

Гусев вышел от коменданта взволнованный: вот, кажется, и кончилось на границе затишье!

Вернувшись на заставу, Гусев созвал командиров отделений и рассказал им об обстановке.

— Ясно, товарищи? — спросил он.

— Ясно, товарищ лейтенант, — хором ответили командиры отделений.

— Я сам пойду с нарядом, — сказал Гусев.

Весь день он находился на участке. И даже ночью пошел проверять контрольно-следовую полосу. Все было спокойно. Никто не появился. Тихо прошла и вторая ночь, и третья. Гусев уже стал подумывать, что данные, о которых говорил комендант Рогачев, не совсем точны. Или, может быть, он нарочно придумал все это, чтобы повысить таким образом бдительность личного состава. Тем не менее успокаиваться было рано. Гусев это знал по опыту.

Пограничником он стал помимо своего желания.

Все обернулось не так, как предполагал молодой тракторист, когда пошел по призыву в армию. Он думал, что попадет в танковые войска или авиацию — поближе к моторам. Но в танкисты его не взяли, в авиацию тоже, а направили учиться в самое обыкновенное военное училище. Гусев затаил в душе горькую обиду и стал считать себя неудачником.

Еще больше укрепилось у него это мнение, когда после окончания училища получил назначение в пограничный отряд. Он пытался было возражать, подал рапорт, но бесполезно. Да и какой может быть спор, если на человеке военная форма и он принимал присягу? Вот приказ, подписанный командованием. И хочется тебе или не хочется, отправляйся на заставу помощником начальника.

Поворчав немного про себя, Гусев прибыл к месту службы.

Дачный поезд доставил его на тихий маленький полустанок. Когда он вышел из вагона, начался снегопад. Стало совсем темно. Гусев наугад пошел по заметенной снегом дороге. Так он прошагал с километр, а может быть и больше, пока впереди не замелькал огонек. И тут же услышал окрик:

— Стой! Кто идет?

Приглядевшись, Гусев увидел фонарь, прикрепленный к шлагбауму, и фигуру в белом тулупе и валенках, с винтовкой в руках.

Дежурный повел его в дом. Отряхнув снег, Гусев вошел в помещение. В просторной, на два окна, комнате было тепло, по-домашнему уютно тикали ходики, пахло еловыми ветками. На стене висел портрет Ворошилова. Из-за небольшого письменного стола встал и шагнул навстречу Гусеву плотный, широкоплечий человек в синих галифе и сером свитере, без гимнастерки.

— Матросов! — отрекомендовался он.

— Гусев!

Матросов протянул Гусеву большую горячую руку.

— Мне уже сообщили о вашем прибытии, — сказал он. — Ставьте сюда свой чемодан. Будьте как дома. Чаю хотите?

Застава располагалась в лесу. Кругом был ельник, деревья стояли запорошенные снегом, и такая была тишина, что временами даже не верилось — неужели здесь что-нибудь случается?

— Почему же нет? — ответил на вопрос Гусева Матросов. — Граница... А на границе всякое может случиться. Но пока, как говорится, бог миловал.

Зеленую фуражку пограничника донбасский шахтер Матросов надел почти сразу после гражданской войны. Свою службу он начинал на советско-турецкой границе. Потом попал в северные леса. Он знал белорусские

пуши и пески Средней Азии. Однажды Матросов безостановочно прошел 60 километров, преследуя двух вооруженных бандитов. Он шел от зари до заката и к наступлению ночи задержал их.

В пограничную службу Матросов был по-настоящему влюблен. В детстве увлекался книгами Майн-Рида и Купера. С годами это увлечение прошло, но тяга к романтике, к приключениям осталась.

— Мы — люди отваги и риска, — нередко повторял Матросов, и в его словах чувствовалась гордость.

Он часто рассказывал о жизни на границе, и Гусев с интересом слушал эти увлекательнейшие повествования. Матросов описывал диверсантов, хитрых и ловких, вооруженных маузерами, кинжалами и ручными гранатами, просто перебежчиков с сопредельной стороны, контрабандистов, под покровом ночной темноты проносящих через границу товар — кожу, сахарин, шелковые чулки, табак...

Одновременно он сообщал всякие полезные сведения. Так, Гусев узнал от Матросова, что, переходя границу группами, шпионы всегда идут один за другим. У переднего — револьвер за поясом. Идущий сзади держит в одной руке пистолет со взведенным курком, другая же у него в кармане пиджака, где лежит второй пистолет или нож. Пробираясь обратно к границе, они обычно идут не прямо, а делая круги, петляя, переходя с дороги на дорогу, прячась в кустах.

— Много сметки и сноровки требуется от пограничника, — говорил Матросов. — Он должен быть и метеорологом — уметь предсказывать погоду, и натуралистом — знать растительный и животный мир, и следопытом — разбираться в отпечатках на земле, на траве, на песке.

Постепенно и Гусеву понравилась пограничная служба, суровая, полная опасности, требующая мужества, находчивости и выдержки. Вскоре он уже

называл себя бывалым чекистом. На его счету было несколько задержаний, причем однажды ему пришлось вступить с нарушителем в схватку. В руке у бандита был пистолет. Но выстрелить он не успел. Гусев быстро ударил его по руке и обезоружил.

Когда Матросов получил повышение по службе — стал начальником штаба отряда, во главе заставы он порекомендовал поставить молодого лейтенанта Гусева. Это было высокое доверие. С мнением Матросова в отряде считались. Так Гусев стал начальником заставы. Он добросовестно изучал свой участок. Сам ходил с бойцами в наряды и, лежа на земле, в кустах, сдвинув фуражку с затылка на лоб и покусывая травинку, подолгу, часами, наблюдал за сопредельной стороной...

И все же сведения, полученные комендантом Рогачевым, были точны.

Это случилось на четвертые сутки, когда Гусев, не выдержав больше, решил пойти поспать хотя бы немного.

В этот момент и взлетела над ночным лесом ракета. Красный огонек бесшумно скользнул по темному небу и, описав дугу, быстро устремился к земле.

И тотчас же часовой дернул шнурок, висевший у входа в дом. Раздался звонок. Из дома выбежал дежурный.

— Что случилось, Кожухов?

— Товарищ командир отделения, будите начальника заставы. Тревога!

Дежурный поспешил к телефону.

Услышав телефонный звонок, Гусев мигом сбросил с себя простыню, которой обычно закрывался в душные летние ночи, и вскочил. Сколько он спал? Полчаса? Час? Трудно сказать, только сна как не бывало. Слушая взволнованный голос дежурного, Гусев несколько раз настороженно оглянулся: ему показалось, что громкий телефонный звонок разбудил и жену. Но жена спала крепко и ничего не слышала. На всякий случай лейтенант все же прикрыл трубку ладонью.

— Спокойно! — сказал он приглушенным голосом. — Я сейчас приду. Пока поднимите тревожную группу.

Поспешно одеваясь, лейтенант невольно прислушивался к тому, что происходило за окном. Пока он спал, погода резко переменилась. Ветер сотрясал оконную раму, и от этого стекло звенело тонко и жалобно. По крыше громко и часто стучали дождевые капли.

Застегнув плащ, Гусев вышел на крыльцо. Ветер, словно обрадовавшись, накинулся на него, рванул фуражку. В лицо полетели брызги.

Отворачиваясь от ветра, Гусев сделал в темноте несколько шагов и чуть было не столкнулся с дежурным.

— А я за вами, товарищ лейтенант! Все люди уже в сборе.

Когда пограничники вышли за ворота заставы, погода, казалось, стала еще отвратительнее. Они направились к реке, откуда был подан тревожный сигнал. Деревья на берегу раскачивались и шумели. Гусев споткнулся о корягу.

— Стой! Кто идет? — слышался голос. Человека в темноте не было видно, но по голосу начальник заставы узнал старшего наряда Семенова.

— Кто поднял тревогу? — спросил лейтенант.

— Я поднял, — ответил пограничник.

— Докладывайте!

Семенов начал докладывать. Гусев зажег фонарь и осветил им. Земли он не увидел: кругом была одна сплошная лужа, на поверхности которой, не переставая, вздувались и лопались пузыри. Ночной теплый летний дождь бежал по стволам деревьев, по фуражкам и плащам людей. Прямо удивительно было, откуда взялось столько воды. Семенов стоял перед начальником заставы не шелохнувшись, и по выражению его лица, по всей позе Гусев почувствовал: произошло что-то недоброе.

— Мы лежали, замаскировавшись, — рассказывал Семенов. — Вот тут под деревом.

— Дальше!

— Видно, товарищ лейтенант, кто-то переплыл реку, может зверь какой. Но следов не видно. Мы проверяли. Правда, дождь уж очень сильный. Могло и смыть следы.

— Старший тревожной группы!

— Слушаю, товарищ лейтенант!

— Прочесать весь берег. Максимков, живо на заставу, пусть дежурный поставит в известность комендатуру. Пошли!

Пограничники двинулись вдоль берега. Они шли, светя фонарями, осматривая каждое дерево, куст. Вскоре к ним присоединились поднятые по тревоге бойцы с соседней заставы. Проводники вели розыскных собак. Но даже и они не могли ничем помочь. Дождь, не прекращавшийся всю ночь, смыл все следы.

Пришлось вернуться на заставу ни с чем. Уже совсем рассвело. Дождь наконец перестал. О нем напоминали только бесчисленные лужи на дорогах да капли, стекавшие с веток и листьев.

...Подплыв к берегу, Виктор схватился рукой за куст и замер, прислушиваясь. Прошло несколько минут. Вода стекала с его мокрых волос, струилась по лицу, капала за воротник, но он, казалось, не чувствовал этого, считал, что ему крупно повезло. Темень, ветер, дождь. Кто в такую погоду обнаружит его?

Виктор вылез из воды и зашагал вдоль берега. Он хорошо знал дорогу и шел между деревьями, даже не задевая их. Шаги у него были мягкие и неслышные, как у кошки.

Так он прошел довольно большое расстояние. Потом остановился, недоумевая. Здесь же должен быть хутор! Дом, крытый черепицей, конюшни, сараи. Где же они? Неужели он заблудился? Вот так история!

Он протянул руку. Пальцы его коснулись стены. Ну и ночь! Проклятая темнота чуть было не сбила с толку.

Виктор обошел вокруг дома. Прислушался. В доме было тихо. Ощупью он нашел дверь и тронул ее. Она была заперта изнутри.

Поколебавшись немного, он осторожно поскреб дверь ногтем и, чувствуя, как бьется его сердце, сунул руку в карман. Пальцы его коснулись отполированной рукоятки ножа. Это успокоило.

За дверью послышались шаги. Потом женский голос спросил:

— Кто здесь?

У Виктора отлегло от сердца. Он сразу узнал этот голос, хотя не слышал его уже несколько лет. Человек может измениться, постареть, но голос у него остается тем же.

— Кто здесь? — спросили еще раз за дверью.

— Это я, сестричка, — ответил он тихо. — Отопри!

Дверь осторожно приоткрыли.

— Эльфрида!

— Виктор! Боже!

— Тихо!.. Ты одна?

— Да.

— Тогда, может быть,пустишь в дом?

— Проходи. Сейчас я зажгу свечу. Осторожней, здесь сундук!

Но она могла и не предупреждать, он хорошо знал этот дом. Все оставалось в нем, как прежде.

Эльфрида зажгла свечу. Виктор прошел в комнату, оставляя на полу следы мокрых сапог.

— Дай мне во что-нибудь переодеться, — попросил он.

Эльфрида вынула из сундука шерстяную фуфайку, темные суконные брюки. Он скинул с себя мокрую одежду. Досуха вытер полотенцем тело. Бугры мускулов вздувались на его руках. Эльфрида внимательно следила за ним.

— Откуда ты появился? — спросила она. — Ведь прошло столько лет!

Он ничего не ответил. Прошелся по комнате, увидел голубоватый, с пятнами от машинного масла комбинезон в углу на гвоздике, потрогал его.

— Твой?

— Да.

— Ты кто — шофер?

— Нет.

— А кто же?

— Трактористка. Работаю в МТС.

— МТС!: Раньше и названия такого не было.

— Много чего не было, — сказала Эльфрида.

— Что с отцом?

— Умер.

Виктор помолчал. Потом сказал:

— Дай мне чего-нибудь поесть. Я страшно голоден.

— Есть только хлеб и селедка.

— Все равно.

Она принесла селедку и стала резать на столе. Виктор смотрел на ее руки. Тусклое пламя свечи освещало их.

— Я тебе с отцом доставил, наверное, немало неприятностей? — спросил он.

— А как ты думаешь?

— Теперь мною уже никто не интересуется?

— Никто.

— А пограничники? А чекисты?

— Я же тебе сказала — никто.

Виктор стал есть. Эльфрида стояла перед ним, скрестив руки на груди, и, не отрываясь, глядела на него.

Он почувствовал на себе ее взгляд и спросил, недовольно морщась:

— Ты это чего глядишь на меня все время.

Лицо ее дрогнуло.

— Откуда ты пришел?

Он промолчал.

— Нет, в самом деле, откуда? И куда направляешься?

— Я научился никому не доверять своих мыслей, — усмехнулся он. — Даже собственной подушке.

От еды он покраснелся. Теперь, почувствовав себя снова бодрым и уверенным, посмотрел на Эльфриду и заметил, что, когда она поворачивает голову к свету, в волосах ее сверкают золотые искорки.

— Сколько же тебе лет, сестричка? — поинтересовался Виктор. — Ты выглядишь еще совсем молодой. И ты — хорошенькая. Тебе следовало бы жить совсем иначе. У тебя могло бы быть много новых платьев. И тебе не пришлось бы работать в какой-то там МТС, портить свои руки. За тебя работали бы батраки. Как когда-то...

Она слушала с удивлением, даже подумала, что он, наверное, пьян. Но нет, он не был пьяным. Просто чувствовал себя в безопасности. И поэтому высказывался так откровенно.

— А может быть, ты хочешь выдать меня? — спросил он вдруг. — Сообщить обо мне пограничникам?

Он встал и подошел к ней вплотную. Она казалась совсем маленькой по сравнению с ним. Ее голова доставала ему до плеча. С минуту он молча смотрел на Эльфриду, как бы испытывая, потом улыбнулся, взял ее двумя пальцами за подбородок.

— Брат и сестра — одна кровь, — еще раз улыбнулся он. — А сейчас, Эльфрида, спать, спать...

Эльфрида раскинула в углу, перед печкой, полушубок. Прежде чем лечь, Виктор сунул под подушку нож. Растянувшись, он почувствовал, как усталость сковывает все его тело. Он закрыл глаза и тотчас же погрузился в сон.

Виктор Лоди учился в школе.

Это была не совсем обычная школа. В ней обучали не алгебре и геометрии, не истории и географии, а рукопашному бою, борьбе, ходьбе на лыжах, прыжкам с парашютом и стрельбе.

С расстояния 25 метров надо было из пистолета всадить шесть пуль подряд — одну за другой — в небольшой черный кружок.

Ему это удавалось. Он стрелял отлично. И еще он учился попадать без промаха в цель в темноте.

Школа находилась на окраине маленького городка. Там, в цветущем, залитом солнцем саду, окруженном высоким забором, стояло здание с башенками и верандами. Даже местные жители не знали, что там такое. Большинство полагало, что это спортивно-гимнастическое общество.

Летом здание утопало в белых и красных розах. Начальник школы любил цветы. На письменном столе у него всегда стояла хрустальная ваза с большим пышным букетом. И еще начальник школы обожал лимонад. Он наливал в бокал прохладный золотистый напиток. Прозрачные пузырьки стремительно поднимались со дна бокала на поверхность...

У него было чувствительное, сентиментальное сердце. Он любил по-отечески беседовать со своими учениками. Виктору он говорил:

— О, вы далеко пойдете, Лоди! Вы у нас один из самых способных. У вас верный взгляд и твердая рука. Вас ожидает удача, мой мальчик. У вас будет много денег. Вы купите мотоцикл и чудесный радиоприемник самого высшего класса. Вы даже сможете обзавестись собственным домиком. Представьте себе маленький

хорошенький домик, увитый зеленым плющом. В саду поскрипывают яблони. И по утрам белокурая женщина с красивой смуглой кожей готовит вам яичницу.

Виктор молчал. Он стоял перед начальником, опустив руки по стойке «смирно», и смотрел вверх его головы на синие с золотом обои.

— У вас есть ценное качество, Лоди, — продолжал начальник. — Вы ненавидите. Это хорошо. Главное — идея. Она облагораживает человека. Мы готовимся к войне. Наш главный противник — красные. Нам нужны сильные, храбрые руки. Вы сильны, храбры. Вы вооружены парабеллумом, ножом, ампулой с гремучей ртутью. Вам нечего бояться, мальчик.

Виктору надоедало все это слушать. Он переводил взгляд на носки своих новых крепких ботинок. Они ослепительно сверкали.

— Можно идти, господин начальник?

— Что? Да, да, можете идти, Лоди. Старайтесь!

— Буду стараться, господин начальник.

Повернувшись по всем правилам, Лоди четким, пружинистым шагом выходил из кабинета. Начальник школы допивал лимонад.

В сущности, полковник был прав. Виктору повезло. Он делал успехи в учебе. У него был отличный серый костюм. И еще один — тоже серый, только с красной ниткой. И третий — темно-синий, из чистой шерсти.

В свободные от занятий часы Виктор Лоди заходил в бар.

— Принесите мне чего-нибудь покрепче, — говорил он знакомой кельнерше.

Ему подавали коньяк. Он не спеша пил его и слушал музыку.

Кельнерши перешептывались между собой. Они бросали на Виктора восторженные взгляды. Им нравился этот рослый, плечистый здоровяк. Они пытались заговаривать с ним, думая, что он поведет их

в кино, пригласит к себе. Но Виктор не обращал на женщин внимания. Небрежным жестом он кидал на поднос деньги и удалялся.

Он шагал по улицам маленького городка, засунув руки в карманы. Молчаливый, угрюмый, он ни на кого не глядел. Иногда Лоди заходил в универсальный магазин и там рассматривал мотоциклы и радиоприемники. При этом в глазах у него появлялось насмешливое выражение..

Потом он шел в школу, брал парабеллум и, выйдя в сад, начинал всаживать в мишень пулю за пулей.

Виктор учился стрелять в темноте. Ибо, кто знает, может быть, это самое необходимое для человека, который должен будет действовать главным образом ночью.

Нет, не всегда Виктор жил в этом маленьком городке. Было время, когда он жил в России, на хуторе.

Хутор стоял на горе. Дом, крытый красной черепицей, конюшни, сарай.

С горы виднелась граница. Светлая полоска реки. Колючая проволока на берегу.

Там, за проволокой, начиналась чужая земля. В летний солнечный день ее можно было хорошо разглядеть. Проезжал по дороге грузовик. Паслись коровы. Женщина в розовом сарафане бросала на телегу снопы. Все было так, как по эту сторону границы, и в то же время не так.

Виктор часто смотрел на чужой берег. Он притягивал его к себе, такой близкий и одновременно недоступно далекий.

На хуторе было скучно. Пахло навозом. Ходил отец, кривоногий, широкоплечий, с лицом, напоминавшим печеное яблоко. Он ходил, засунув руки в карманы широких кожаных штанов, и во рту у него всегда торчала короткая трубка.

Все знали, что он живет с работницей Марией, молчаливой и угрюмой девкой. Она приходила к нему по ночам, не произнося ни слова ложилась в постель и под утро так же молча уходила. Ноги у нее были красные, как гусиные лапы.

Виктор ненавидел отца. Он хотел, чтобы отец умер. Он страстно желал этого. Тогда бы он один стал владеть хутором. Он и Эльфрида.

Эльфрида была двоюродной сестрой Виктора. Пухленькая, голубоглазая, белокурая, она совсем не походила на высокого, угловатого, с черными жесткими волосами Виктора. В комнате у нее пахло сухими цветами. В углу на гвоздике висела пестрая юбка. От юбки также исходил запах цветов.

Эльфрида жила, как барышня. Старый Лоди баловал ее. Она ничего, не делала. Только читала книги, да и то не все, а лишь те, в которых говорилось про любовь.

Виктор уходил подальше от дома. Он ложился на спину под кустом черной смородины и, подложив под голову руки, смотрел на небо. По небу плыли облака. Было жарко. Оранжевая пчела ползала по черносмородиновой ветке. На пчеле была мохнатая шубка, но ей не было жарко. По временам пчела принималась энергично жужжать. Виктор мечтал о ветре. Он смотрел с горы на границу. Чужая земля притягивала его к себе, как магнит.

Виктор не любил страну, в которой жил. Он не понимал ее. Он боялся ее. Кулаки — так называли в этой стране отца, его, Виктора, Эльфриду. Их ненавидели. Даже Мария.

О другой стране думал Виктор.

Однажды отец поехал на мельницу. Вернулся злой и хмурый. Бросил под телегу кнут и пошел к крыльцу, посапывая короткой черной трубкой.

— Виктор, — тихо сказал он, — мне нужно поговорить с тобой.

Они прошли в дом. Отец сел за стол. Виктор стоял перед ним, опустив голову. Он никогда никому не смотрел в глаза. Даже отцу.

— Виктор, — сказал отец, — мальчик...

Он впервые назвал так сына. Виктор поднял голову и взглянул на отца. Только сейчас он увидел, что у отца красные веки. В глазах старика стояли слезы.

— Виктор, — повторил отец, — мы разорены. Они отбирают от нас всех коров и лошадей. Теперь они будут принадлежать колхозу. Нас выселят с хутора и устроят здесь детский сад. У нас ничего больше не будет. Как же жить?

Виктор молчал. Неподалеку, за окном, работник отбивал косу. «Жвак, жвак...» — звенела коса, и этот звук отчетливо слышался в тишине чистого летнего вечера.

Отец плакал, положив голову на стол. Тут же на столе валялась потухшая трубка.

В ту же ночь Виктор бежал.

Он действовал дерзко и нагло. Перелез через проволоку и бросился в реку. Поплыл по холодной, мерцающей под луной воде.

В сущности, ему нечего было терять. Отец, кажется, ясно сказал: с кулаками церемониться не будут. Отберут у них все — и конец.

Вот почему Виктор решил раз и навсегда покончить со своей прежней жизнью и начать новую. Для этого надо было прежде всего перебраться в другую страну.

Ему повезло: никто не заметил, как он переплывал реку. Радуюсь удаче, вылез из воды и, тяжело дыша, отряхиваясь, пошел по берегу. Это был уже не родной, а чужой берег, тот самый, на который он столько раз смотрел с горы, из отцовского хутора. Только теперь уже не этот, а тот берег, с которого он приплыл, стал для него чужим. Он хотел посмотреть на него в последний раз, но ничего не увидел. Луна зашла за облака, стало совсем темно.

Вдруг кто-то ударил Виктора кулаком. Он пошатнулся. Кровь потекла у него из разбитой губы.

Перед ним стояла пограничная стража. Один из стражников, видимо, самый старший, что-то говорил, временами визжа тонко и пронзительно. Это он ударил Виктора. Может быть, он еще раз ударил бы его, если бы не увидел лица Виктора. Это лицо, освещенное фонарями, которые зажгли стражники, было страшно.

Виктора отвели на кордон. Там он обсушился, пришел в себя. Его не трогали день, два. Потом вызвали на допрос.

Человек в полицейском мундире сидел за столом и писал, Виктор не видел его лица. Он видел только

черные волосы, разделенные посередине ровным, аккуратным пробором.

Наконец человек заговорил.

— Нам все известно, — сказал он медленно и почти чисто произнося слова по-русски. Головы он, однако, по-прежнему не поднимал. — Вы — Лоди Виктор, сын кулака. Вы ненавидите страну, из которой бежали. Она отняла у вас счастье. Вы лишились всего — родного дома, девушки, которую могли бы взять в жены, ваших будущих малюток...

— Чего вы хотите от меня? — спросил Виктор.

— У вас все равно теперь нет никакого выхода, — как бы не слыша и продолжая свою мысль, сказал человек.

Неожиданно он поднял голову, и Виктор увидел его глаза. Они не обещали ничего хорошего, эти бесцветные глаза.

— Я согласен на все, — сказал Виктор.

— Вы благоразумны, — ответил полицейский чиновник. — Это похвально.

Но Виктор ошибался, думая, что его сейчас же выпустят.

Его не выпустили, а отвели обратно — туда, где он провел первые двое суток. Там он пробыл еще одну ночь. А наутро его посадили в закрытый автомобиль и куда-то повезли.

Лоди считал, что его везут в город, и опять ошибся. Его привезли в тюрьму.

Здесь он лишился своих черных жестких волос — их ему сбрили. Затем заставили надеть полосатую одежду с номером на спине и втолкнули в одну из камер.

Виктор хотел было хватить надзирателя кулаком, но воздержался. Пусть все идет, как намечено судьбой. Он лег на железную койку и закрыл глаза, ни о чем не размышляя. Да и о чем ему было размышлять? Ведь,

кажется, он уже произнес слово «согласен». Почему же его держат за решеткой?

— Эй, черти, сейчас же откройте дверь! Слышите? Выпустите меня, а не то я вам все здесь расколочу! — закричал он.

Лязгнул затвор. На пороге появились двое. Красные, сытые физиономии. В руках пистолеты. Они поигрывали ими, подбрасывая на ладони.

— Послушай, — сказал один из них, обращаясь к Лоди, — кажется, ты уже получил однажды по морде? Хочешь, чтобы и мы тебе набили морду? Советую не рисковать. Слышишь?

Лоди недовольно заворчал. Но что мог он поделать против этих двоих, недвусмысленно поигрывающих пистолетами? Он замолчал и снова повалился на койку.

В тюрьме его продержали почти полгода. А потом Виктора вызвал к себе начальник тюрьмы. В кабинете находились еще двое. Начальник любезно предложил сесть и угостил ароматной сигаретой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он тоном гостеприимного хозяина.

Больше Виктор в камеру не вернулся. Спустя час после разговора с начальником он уже шел по улице, держа в кармане пачку денег. Он жадно вдыхал свежий воздух, от которого отвык за время, пока сидел в душной, вонючей камере, и его даже слегка мутило. Чтобы подавить это чувство тошноты, он решил выпить, но сперва поискал парикмахерскую и, зайдя в нее, молча уселся в кресло перед зеркалом.

Его черные жесткие волосы опять отросли. Надо было привести себя в порядок.

Потом почти полтора года было здание с башенками и верандами, белые и красные розы в саду, тренировки в стрельбе, в плавании, в борьбе. В разведывательной школе, куда попал Лоди, старательно и обстоятельно учили. Денег не жалели.

Когда курс обучения закончился, состоялся торжественный выпуск.

Оркестр играл добрый старый вальс. Слушая нежную, немного меланхоличную музыку, начальник школы вздыхал и, сидя в кресле, отбивал такт носком ярко начищенного хромового сапога. Он не мог равнодушно слушать музыку. Слезы наполняли его глаза. У господина полковника было чувствительное, сентиментальное сердце.

Виктору Лоди было на это наплевать. Ему на всех было наплевать. Он никого не любил, он всех ненавидел.

На выпускном вечере Виктор познакомился с Хильдой Корка. Она привела его в свою маленькую уютную квартирку. Вскипятила на газовой плите кофе, приготовила яичницу. Поставила на стол коньяк.

У Хильды были белокурые волосы, смуглая кожа, мягкие нежные руки, никогда не знавшие черной работы. У нее было много красивых платьев.

Виктор был груб, но Хильде это нравилось. Виктор, целуя, кусал ее в шею, в то место, где под тонкой кожей билась упругая голубая жилка.

Позже Виктор лежал на кровати, подложив под голову руки, и смотрел, как Хильда надевает чулки. Тончайший прозрачный шелк кофейного цвета скользил между пальцами женщины.

На камине стояли часы. Они тикали быстро и мелодично: «тик-так, тик-так»...

— Хочешь стать моей женой? — спросил Виктор Хильду.

— Зачем? — Хильда удивленно подняла подведенные брови. — Миленький, я умею действовать пистолетом не хуже тебя и знаю четырнадцать способов, как сбить со следа собаку. Понятно? — она засмеялась. — Моя сфера — высшее общество. Генералы, промышленники, дипломаты. Что же, меня

зря учили в школе? Но если ты хочешь сделать мне приятное, оставь, пожалуйста, на камине несколько бумажек. Я куплю себе новую шляпу. Это будет подарок от тебя.

Виктор ушел не попрощавшись. Хильда, стоявшая у зеркала, не обернулась. Она внимательно рассматривала свою ногу, обтянутую чулком, поворачивая ее то так, то эдак. Казалось, ее ничто не волнует.

На следующий день Виктор получил задание.

Его посадили в автомобиль и повезли к границе. Он вышел из автомобиля и сразу узнал знакомые места. Когда-то вот здесь мокрый, задыхаясь от усталости и волнения, он выкарабкался на берег в надежде обрести новую жизнь.

Сейчас он вновь должен будет совершить путь через реку. Он возвращается назад. Думал ли он, что опять попадет к себе на хутор? Он вспомнил отца, Эльфриду, Марию. Ему стало чуть грустно. Он потребовал вина. Его просьба была тотчас же исполнена.

Он пил весь вечер и еще половину ночи. Коньяк был крепкий, обжигал горло. Но, странное дело, Виктор не пьянел, настолько нервы его были напряжены.

Черная стрелка часов замерла где-то между двумя и тремя ночи. Надо было идти.

Он поднялся из-за стола, вышел из домика. Стражники почтительно следовали сзади. Он бросил на них взгляд, полный презрения.

Дул ветер. Нагонял на небо тучи. Моросил, прекращался и вновь начинался дождь.

Виктор Лоди подошел к реке...

В предварительно разработанном до мельчайших деталей плане перехода Лоди через границу был лишь один пункт, смущавший несколько самого Виктора: сможет ли он хотя бы на первое время найти пристанище на хуторе? Было решено, что он произведет разведку, а потом, при малейшей опасности, уйдет подальше от границы, в тыл.

Но напрасно он опасался. Все сложилось для него как нельзя удачней. Эльфрида дала ему приют, поместила на ночлег в их старом доме.

Сейчас Виктор ходил взад и вперед по комнате, от окна к стене и от стены к окну, а Эльфрида стояла на кухне и месила тесто для пирога.

Виктор ходил, и половицы скрипели под его ногами. Он все же нервничал, и это его состояние передавалось Эльфриде.

Почему он так боится? Почему предупредил, чтобы она никого не впускала?

Эльфрида думала об этом, а сама энергичными движениями месила тесто. Стекланные бусы на ее груди сверкали и звенели. Эльфриде хотелось, чтобы пирог удался, чтобы Виктор не подумал, будто она ничего не умеет делать.

Правда, печь пироги, готовить обеды ей действительно не приходилось. Питалась она не дома, а в столовой МТС. Да и зачем ей было заниматьсястряпней? Для кого? Ведь она еще не была замужем.

Откровенно говоря, это было несколько странно. Ведь Эльфрида Лоди считалась красивой девушкой.

Жила она, как и раньше, на хуторе. Этот хутор — и дом, крытый красной черепицей, и конюшни, и сараи — когда-то принадлежали дядюшке Лоди. Старый Лоди

был кулаком. Вся деревня ненавидела его. Но про Эльфриду никто никогда не сказал ничего плохого. Да и разве не доказала она своей работой, что заслужила уважение?

Дядюшка Лоди умер. Он умер от огорчения, старый Лоди. Ведь у него отобрали всех лошадей и коров. Эльфриде сперва тоже было не сладко. Ей даже пришлось покинуть деревню, уехать в город и устроиться на завод. А потом ее потянуло обратно в родные места. Она окончила курсы трактористов и стала работать в МТС.

О своей прежней жизни на хуторе, о той поре, когда она была еще совсем юной, Эльфрида и не вспоминала. Другие интересы целиком захватили ее. О внезапном бегстве Виктора из дома ходили самые противоречивые слухи.

И вот спустя несколько лет Виктор снова появился откуда-то, внеся смятение и разлад в жизнь Эльфриды.

Пожалуй, он прав был, этот Виктор. Эльфрида могла бы не портить свои руки. За нее могли бы работать батраки.

Ах, если б дядюшка Лоди был жив! И если б все было по-старому! Уж он бы позаботился о дочке своего покойного брата. Какую бы свадьбу устроил ей!

Она могла бы стать женой Питера Реемси или Вольдемара Ликонена.

И ей не надо было бы вставать, как теперь, чуть свет и, напялив комбинезон, идти в МТС, работать до вечера в поле, где сегодня тебя обжигает солнцем, а завтра поливает дождем, от которого белокурые локоны темнеют и становятся похожими на паклю.

Нет, если разобраться как следует, жизнь ее сложилась неудачно.

Ей пора бы уже выйти замуж. Давно пора. Об этом Эльфрида стала с некоторых пор задумываться самым серьезным образом. Рассматривая в зеркале свое все

еще красивое лицо, она видела возле глаз маленькие, точно сделанные очень тонким и острым пером морщинки. Она брала на палец немного крема из стеклянной баночки и сильно втирала в кожу. Но морщинки не исчезали.

Да, ей пора выйти замуж. Но за кого? Уж не за Харитона ли или Пашку-кузнеца? Или, может быть, за Андрейку?

Вот если бы найти мужа солидного, с положением. Такого, как начальник военоторговской лавки. Или как начальник заставы лейтенант Гусев. Вот за Гусева она бы вышла замуж не задумываясь. Но Гусев был женат и без памяти влюблен в свою жену. Эльфрида знала ее. Леля была не очень красива, но у нее был маленький, пухлый рот и пушистые брови. Густые золотистые волосы она заплетала в тугую косу, которую укладывала вокруг головы. Несколько раз она приходила вместе с Гусевым в деревню на танцы.

Но если хорошенько подумать, то и Андрейка не так уж плох. Среди трактористов он не на последнем счету и зарабатывает прилично. А как влюблен в нее! Только больно уж робкий. Не то что другие. Питер Реемси был не такой. И Петька Буханцев, киномеханик из райцентра, не такой. И Пашка-кузнец. Нет, с Пашкой у нее ничего не было, только целовались однажды утром, когда он застиг ее одну в поле.

Золотая пчела запуталась тогда в ее волосах, и Эльфрида визжала, боясь, чтобы пчела не ужалила ее, а Пашка громко смеялся.

Питер Реемси, Петька Буханцев... А теперь вот Андрейка. Ах, был бы жив дядюшка Лоди, разве обратила бы она внимание на какого-то там Андрейку? Черт! Даже зубами хочется скрипеть от досады.

А Виктор? Что Виктор? Он сказал, что научит ее, как поступить. Нет, Виктору верить нельзя. Долго отсутствовал, а теперь появился откуда-то, странный и

страшный. А ведь вблизи граница. И она, Эльфрида, не должна, просто не имеет никакого права молчать о том, что у нее в доме появился неведомо откуда Виктор Лоди.

Но почему же она все-таки молчит? Неужели опасается Виктора? Чепуха! Ничего она не опасается. Вот пойдет к начальнику заставы Гусеву и скажет ему: товарищ лейтенант, мне надо поговорить с вами об очень серьезном деле. Мне страшно. У меня в доме появился подозрительный человек.

Так думала Эльфрида, пока месила тесто для пирога. Но когда Виктор позвал ее из соседней комнаты, она почему-то вздрогнула и покорно сказала:

— Иду!

Когда, украсив голубой лентой свои белокурые волосы, Эльфрида Лоди приходила в деревню на танцы, парни бросали на нее восторженные взгляды. Но всех восторженней глядел Андрейка.

Гармонист играл польку. Парни надвигали на глаза лакированные козырьки фуражек. Они с ожесточением топали ногами, обутыми в высокие, начищенные до солнечного блеска сапоги. Девушки улыбались. Ветер поднимался от их шуршащих, развевающихся юбок.

Иногда Эльфрида танцевала и с Андрейкой. Она подавала ему свою маленькую горячую руку, а другой слегка приподнимала подол, показывая новенькие красные сапожки. Она громко хохотала, так, что видны были ее белые зубы.

Он уже давно потерял голову. Но знал, что у него мало шансов на то, чтобы Эльфрида вышла за него замуж. Андрейка был некрасивый, соломенные волосы торчали на его голове во все стороны, а вокруг носа пестрели веснушки. Разве мог такой невзрачный на вид парень рассчитывать на благосклонность девушки, которая считалась чуть ли не самой красивой во всем районе?

Андрейка только теперь стал работать на тракторе. А Эльфрида уже давно была трактористкой. И ее портрет был напечатан в районной газете.

Что значил Андрейка по сравнению с Эльфридой?

Но напрасно он был такого невысокого мнения о себе. Оказывается, Андрейка ошибался, когда думал, что Эльфрида не обращает на него никакого внимания. Наоборот. Обращает. Даже больше того: любит Андрейку. И еще как! Она сама сказала ему об этом.

Да, сама. Как вам это понравится?

Оказывается, никто ей не мил — ни Харитон, ни Пашка-кузнец. Вот он, Андрейка... Да ведь от всего этого можно с ума сойти.

А он-то думал... ха-ха-ха!.. А он-то думал, чудак, что Эльфрида совсем не замечает его.

Он узнал об этом случайно. Когда пришел к ней на хутор.

Андрейка никогда не бывал в доме у Эльфриды. Он только издали смотрел на него. Смотрел и думал: что-то делает в этот момент Эльфрида? Прибирается, шьет или, может быть, сидит, склонившись над книжкой?

А тут он не выдержал. Взял и пошел к ней на хутор. Пересилив робость, приблизился к дому. Пересек двор, поросший розовато-фиолетовыми цветами иван-чая, и заглянул в дверь.

Он увидел кухню. Там никого не было. Топилась печь. На столе лежало вываленное из горшка тесто. На его поверхности виднелись вмятины — это были следы пальцев. Ее пальцев!

Внезапно дверь отворилась, и из комнаты появилась Эльфрида. Увидев Андрейку, она страшно смутилась, убежала обратно и тут же вернулась, чуть побледневшая, взволнованная, прекрасная.

Стеклянные бусы сверкали на ее шее.

Андрейка рассказал ей, как боялся он даже близко подойти к хутору. Эльфрида стала смеяться, а затем внезапно обняла Андрейку голой, запачканной в муке и тесте рукой и, прижавшись головой к его груди, прошептала:

— Я люблю тебя! А ты, дурачок, думал, что нет? Люблю, милый Андрейка! Хочешь, завтра вечером мы будем вдвоем?

Тогда, осмелев, он сказал:

— Сегодня! Она сказала:

— Нет, завтра.

— Сегодня, сегодня!

— Завтра!

— Я не доживу.

— Доживешь! А сейчас — уходи!

От волос ее, вымытых дождевой водой, одуряюще пахло цветами, а может быть, медом. Андрейка слегка оттолкнул ее от себя и выбежал из дома.

Синело небо. Ярко сияло солнце. Неподалеку блестел ручей.

Андрейка побежал по дороге.

— О-го-го-го!! — закричал он, позабыв обо всем.

Счастье переполняло его. Ему хотелось совершить что-нибудь необыкновенное: влезть на дерево или поднять вот этот здоровенный камень.

Эльфрида любит его. Милая белокурая Эльфрида.

Завтра вечером они встретятся и будут гулять до рассвета в поле. И может быть, он поцелует ее чуть пухлые, губы. Ему казалось, что они должны иметь вкус клубники. Обязательно клубники. Или какой-нибудь другой ягоды.

Он еще раз закричал:

— О-го-го-го-го!!

И тут он увидел лейтенанта Гусева. С ним были два бойца. Они шли по дороге навстречу Андрейке. Они, конечно, слышали, как он кричал. Точно маленький. Точно первоклассник.

От стыда Андрейка готов был шмыгнуть в канаву и спрятаться в лопухах. Но это было бы совсем по-мальчишески.

Андрейка принял важный вид и даже надул губы. Пусть думают, что он солидный, степенный, как и положено быть человеку, работающему в МТС на тракторе. И когда пограничники поравнялись с ним, он даже, как это сделал Гусев, не спеша приложил ладонь к своей ситцевой кепчонке, чудом державшейся на буйных лохматых волосах.

— Откуда? — спросил лаконично Гусев, останавливаясь.

— Откуда? — Андрейка просиял: — Я был у Эльфриды Лоди. Вы ведь знаете, товарищ лейтенант, Эльфриду Лоди? Эльфрида Лоди работает у нас в МТС.

Он нарочно повторил несколько раз имя Эльфриды. Ему было приятно это. И в то же время он искоса поглядел на Гусева — не догадался ли тот об этом? Но лицо начальника заставы было непроницаемо.

Гусев только спросил:

— Где это ты, Андрей, так выпачкался?

Андрейка не понял.

— О чем вы говорите, товарищ лейтенант? — спросил он с недоумением.

— А вот об этом! — И Гусев молча показал пальцем на его пиджак.

Андрейка взглянул и тихо ахнул. Все плечо у него, оказывается, было припудрено мукой. В этом месте к нему прикасалась рука Эльфриды.

— Ах, это! — воскликнул Андрейка, чувствуя, как все лицо его заливаается краской смущения. — Понимаете ли, товарищ лейтенант, когда я был у Эльфриды Лоди, она в этот момент месила тесто.

— Вот как? — удивился Гусев. — Тесто? И что же она собиралась с ним делать?

— Печь пирог.

— Насколько я знаю, прежде Эльфрида Лоди никогда не пекла пироги. Это не в ее духе.

— А теперь решила испечь. Я думаю, он у нее получится замечательный.

— Похоже, что ты к ней равнодушен?

— Это правда, — подтвердил охотно Андрейка. — И Эльфрида тоже равнодушна ко мне, — не удержался он от того, чтобы не поделиться своей радостью. — Только что она сама сказала мне об этом.

— Что ж, в таком случае тебе, Андрей, повезло. Эльфрида Лоди — неплохая девушка. Желаю счастья!

— Спасибо, товарищ лейтенант! Вам тоже всего хорошего.

И Андрейка пошел дальше. Какой сегодня чудесный день! Какие хорошие ребята, эти пограничники! Какие славные незабудки растут вон там, возле канавы! Замечательные незабудки! Точно глаза Эльфриды Лоди. Такие же голубые.

А лейтенант Гусев, как только Андрейка скрылся за поворотом, сказал своим бойцам:

— Надо будет, пожалуй, заглянуть на хутор.

Безнаказанное нарушение границы! Есть ли что огорчительнее для пограничника?

Безнаказанное нарушение — это дни и ночи, проводимые в упорных поисках, в прочесывании местности, в патрулировании, в засадах. Это — напряженные нервы и воспаленные от бессонницы глаза.

Но как найти того, кто, обманув бдительность пограничных нарядов, незаметно проскользнул к нам с сопредельной стороны? Порой это все равно, что найти иголку в стоге сена.

Но искать надо. И лейтенант Гусев искал. Все соседние заставы также были подняты на ноги.

Когда Андрейка ушел, Эльфрида вздохнула с облегчением.

Все лицо ее горело, а в горле пересохло. Она зачерпнула ковшиком воду из ведра и, сильно запрокинув голову, прислонившись затылком к стене, стала пить, делая большие глотки. Затем, смахнув с груди капли, повесила ковшик на гвоздик, взглянула в окно и прошла в комнату, где ее дожидался Виктор.

— Кто этот парень? — спросил он.

— Наш тракторист.

— Он тебя любит?

— Да.

— А ты его?

— Нет. Не знаю. Впрочем, сейчас пришлось сказать, что люблю. Только для того, чтобы его выпроводить.

— Молодец.

— Но ведь ты же сам предупредил, чтобы я никого не впускала.

— Конечно. Парню этому просто повезло, что он не наткнулся на меня. Вот что, я пробуду у тебя еще одну ночь, а затем уйду.

— Делай как знаешь.

Вернувшись на кухню, Эльфрида принялась за прерванное занятие. Но ей уже не доставляло никакого удовольствия возиться с тестом. Наскоро приготовив пирог, она сунула его в печь и стала с ожесточением вытирать мочалкой стол.

Виктор ходил взад и вперед по комнате.

— Эльфрида! — снова позвал он.

— Ну, что тебе? — спросила она, появляясь на пороге.

— Подойди поближе, — приказал он.

Она подошла.

— Знаешь, о чем я сейчас подумал, сестренка? — произнес Виктор, обнимая девушку. — О том, что жаль оставлять тебя здесь.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила она, упираясь ладонями в его грудь и ощущая под свитером выпуклость его мышц.

— А то, что там, откуда я пришел, ты могла бы жить совсем по-другому.

Эльфрида резким движением высвободилась из его объятий и кинула на двоюродного брата испуганный взгляд.

— Значит, ты перешел границу? — Голос ее дрогнул. — Как же я раньше об этом не догадалась! Но кто же ты, Виктор?

— Ах, какое это имеет значение, — произнес он грубым голосом. — Важно, что тебе здесь не место.

Эльфрида с минуту молча смотрела на него.

— Ну, так возьми меня с собой, — сказала она.

— Нет, этого я сделать не могу. Ты должна действовать сама. Если боишься — найди себе попутчика. Какого-нибудь парня посмелее. И перейди

границу. Поверь, это не так страшно, как кажется. Перешел же я. В общем, подумай. Но если ты вздумаешь выдать меня...

Он сделал угрожающий жест. Эльфрида поспешила успокоить его:

— Не бойся, не выдам. Ведь я могла бы уже давно сделать это, если б хотела.

Он подошел к ней, как тогда, ночью, и, взяв за подбородок двумя пальцами, проговорил, усмехаясь:

— Одна кровь!..

И в этот момент, кинув взгляд в окно, Виктор увидел подходивших к воротам людей в зеленых фуражках. Напружинился, быстро сунул руку в карман.

— Ты что это хочешь делать? — испуганно произнесла Эльфрида. — Не смей! Лучше прячься в подпол. Быстро!

Вдвоем они приподняли за кольцо тяжелую доску. Виктор мягко, по-кошачьи, прыгнул вниз, в темноту. Опустил за собой крышку.

Эльфрида прошла на кухню. Она сделала это вовремя. Во-первых, пирог начал подгорать, во-вторых, пограничники уже подходили к дверям.

— Привет, хозяйюшка! — сказал лейтенант Гусев, входя на кухню и прикладывая ладонь к фуражке. — Вот мы и снова увиделись с вами.

— Доброе утро, товарищ лейтенант, — откликнулась весело Эльфрида, выкладывая на стол дымящийся пирог. — Присаживайтесь! — придвинула она табуретку: — Сейчас угощу вас горячим пирогом. Собственного изготовления.

— По-какому же он у вас случаю?

— По случаю моей помолвки.

— С кем же?

— С нашим трактористом Андреем Кожуховым. Я выхожу замуж.

— Что ж, в таком случае поздравляю. Спасибо!

— С чем же у вас пирог, Эльфрида?
— С картошкой. Ну и с луком, разумеется.
— Только он у вас подгорел, кажется.
— Это мой первый опыт. В следующий раз получится лучше.

Гусев поднялся с табурета. В теплой кухне, возле топившейся печи его клонило ко сну. Ведь он спал сегодня всего какой-то час-другой. Не до сна было. Все утро он искал нарушителя. Но пока безрезультатно.

— Покажите мне свое жилище, Эльфрида. Ведь я у вас никогда не был.

— Пожалуйста, товарищ лейтенант, проходите сюда.

— Вам не страшно одной в доме, Эльфрида?

— Первое время страшно было. А теперь привыкла. Да и кого бояться?

— Граница рядом. Кстати, Эльфрида, вы никого не встречали сегодня из посторонних?

— Никого. А разве что случилось, товарищ лейтенант?

— Хочу вас предупредить, будьте осторожны. Счастливо оставаться.

— А пирог? Вы же не попробовали мой пирог, товарищ лейтенант!

— В следующий раз.

Гусев ушел. Эльфрида выждала некоторое время, потом постучала в пол:

— Выходи!

Виктор выбрался наружу.

— Ушли? Черт! — выругался он. — Почему это к тебе повадились гости? Чего они вертятся вокруг хутора, как мухи?

— Сама не понимаю. Я так боялась, что тебя обнаружат. Пожалуй, тебе надо уходить. Немедленно.

— Как бы не так! Уж не считаешь ли ты советских пограничников глупцами? Они, конечно, оставили возле

хутора засаду.

— Не думаю.

— Впрочем, чего мне бояться? У меня ведь есть документы. И еще кое-что. Но это на самый крайний случай. Хорошо, я действительно пойду.

— Возьми на дорогу кусок пирога.

— Не надо.

— Что я, зря старалась?

— Ладно, отрежь кусок, пригодится. Так ты поняла, о чем я тебе сказал? Уговори какого-нибудь парня, хотя бы этого твоего тракториста, — и валяй с ним через границу.

— Я подумаю.

— Ну, прощай!

Виктор покинул хутор. Да, оставаться здесь дольше было неразумно. Пограничники могли навестить хутор еще раз, осмотреть дом, и уж во второй раз вряд ли удалось бы избежать встречи с ними.

Пока же Виктору везло. Надо же! Переплыть пограничную реку и остаться незамеченным. Добраться до хутора и даже тогда, когда его навестили люди в зеленых фуражках, суметь спрятаться от них. Но кто знает, может быть его заметили тогда, на реке, и нарочно пропустили не задержав. Такие случаи тоже бывали. О них рассказывали на занятиях в школе.

Пропустят в тыл, а потом где-нибудь на станции или в вагоне поезда задержат. «Пройдемте, — скажут, — с нами». Ну, нет, с ним этого не случится. Он живым не дастся. Пусть попробуют сунуться. Он им покажет.

Но это крайняя мера. А вообще, спрашивается, чего ему бояться? Документы в порядке? В порядке. Эти черти ловко подделывают паспорта. В кармане у него нож.

А все же для успокоения не мешало бы сейчас хлопнуть стаканчик-другой коньяка. Зря он не сунул в

карман алюминиевую фляжку. Она бы не помешала. А теперь вот иди с пересохшим ртом.

Где-то, казалось совсем неподалеку, тарахтел трактор. «Тах-тах-тах» — слышалось из-за леса, и этот звук почему-то беспокоил Виктора. Он напоминал пулеметную стрельбу.

Пели птицы.

Путь Виктора лежал между полями. Он пробирался окольной тропой и видел, как высоко поднялись рожь и овес. Иногда набегал ветерок, и тогда колосья начинали шуметь и клониться к земле.

Не останавливаясь, Виктор выдернул колос и растер его между пальцами. На ладони осталось несколько зерен. Он съел их и почувствовал во рту вкус муки.

Он шел и не узнавал знакомых мест. Как они здорово изменились за несколько лет! Всюду были поля, и всюду были крупные, такие вот, как эти, полновесные колосья. А когда-то эта земля пустовала. Он хорошо помнил это.

— Пятилетка! — тихо проговорил он. И еще раз пробормотал: — Пятилетка!

Ненависть душила его.

И в то же время он трусил. Когда кончились наконец поля и дорога пошла лесом, он вздохнул с облегчением. Здесь было, по крайней мере, где спрятаться.

А может быть, он напрасно появился на хуторе у Эльфриды? Кто знает, что в голове у этой девки? Правда, когда он утром поговорил с ней откровенно, она как будто согласилась с ним. Когда он сказал, что она могла бы жить совсем по-другому, глаза у нее заблестели. Каким тоном произнесла она: «О, в самом деле, Виктор?»

Впрочем, какие у него основания верить Эльфриде? Никаких. Может быть, она просто притворяется, а на самом деле пойдет к пограничникам и выдаст его?

Он скривил рот. Эта Эльфрида — хитрая бестия. Притворяется, что заодно с ним. Сунула на дорогу кусок пирога. Вот он лежит в кармане. К черту ее пирог! Пусть валяется, на земле.

Эта Эльфрида, однако, сумела ловко устроиться. Трактористка. Еще, чего доброго, комсомолка. Живет одна в таком хорошем доме. А вот он, Виктор Лоди, должен, как волк, прятаться от людей.

С какой бы радостью он устроил людям какую-нибудь пакость. Поджег бы поля. Или насыпал бы чего-нибудь в колодец.

Но это в задание, которое он получил, не входило. Он должен был только разыскать в городе одного человека, передать ему инструкцию, взамен получить кое-какие важные сведения и вернуться с ними обратно.

Тогда он сможет купить себе мотоцикл.

В сущности, и там, откуда он пришел, не доверяли ему. Никто ему не доверял. Все отворачивались от него. Даже Хильда Корка.

И это было для Виктора всего обиднее.

...Начальник заставы Гусев покинул хутор с двойственным чувством.

Ему ничего не удалось обнаружить, но кое-что насторожило его. Ему показалась какой-то искусственной, не соответствующей обстановке веселость Эльфриды. Уловил он и едва заметное смущение в тоне ее голоса, и фальшь в поведении. Как будто Эльфрида что-то знает и скрывает.

Но в то же время Гусев понимал, что это еще не основание брать молодую трактористку под подозрение только потому, что ему, Гусеву, что-то показалось не совсем ладным. Мало ли по какой причине могла смутиться Эльфрида. Девушки часто смущаются без всяких даже причин. Посмотришь на девушку, и она тут же начинает краснеть. А если еще к тому же в твой дом неожиданно нагрянули такие гости, как пограничники с заставы, как тут не смутиться!

...Прошло уже немало времени с тех пор, как застава была поднята по тревоге, а следы нарушителя пока так и не были обнаружены. Комендант Рогачев отдал приказ: не прекращать поиски. Оперативные группы продолжали прочесывать местность. Но нарушитель как в воду канул...

А Лоди уже подходил к железнодорожной станции, находившейся в нескольких десятках километров от границы. День клонился к закату. Розовые краски на небе предвещали хорошую погоду. Взяв билет, Виктор стал дожидаться поезда. Никто ничего не заподозрил, глядя на этого высокого угрюмого человека с черными жесткими волосами, похожего то ли на работника

лесопункта, то ли на матроса с речного буксира. Мало ли зачем и куда едет этот пассажир!

На станционной платформе находилось довольно много народа. Стояли женщины с корзинами, прикрытыми шерстяными платками, судя по всему с грибами и ягодами, которые они набрали в дальнем лесу. Пожилые колхозники в соломенных шляпах и высоких сапогах. Два-три любителя-рыболова с удочками и другим снаряжением. Подростки. Никто не обращал на Виктора никакого внимания, но тем не менее он продолжал держаться настороже. И лишь когда подошел поезд и он сел в вагон, выбрав место у дверей, чтобы удобнее было видеть всех входящих и выходящих, почувствовал: вот теперь опасность, которая угрожала ему все это время, действительно позади.

Ехать пришлось долго. Из одного поезда Лоди пересел в другой, который увез его еще дальше от границы. Только на утро следующего дня прибыл он на конечную станцию. Виктор вышел на перрон. Шум, суетня под гулкими сводами большого вокзала, свистки кондукторов, крики носильщиков, пробиравшихся с вещами сквозь толпу, грохот багажных тележек — все это немножко ошеломило его, привыкшего к одиночеству, тишине и безлюдью. Брезгливо кривя рот, он поспешил выбраться на площадь и зашагал по улице, слившись с потоком прохожих.

Было воскресенье, и многие жители города устремились в парк культуры и отдыха. Туда же направился и Виктор, после того как забронировал за собой койку в общежитии-гостинице при рынке. День был жаркий, полный солнца и синевы, но здесь, в парке, дышалось легко — рядом был залив. Там белели паруса и летали чайки. В самом парке били фонтаны. Они безостановочно лили свои струи, сея вокруг себя мельчайшую водяную пыль.

Виктор подошел к киоску, в котором торговал газированной водой немолодой мужчина с толстым, отечным лицом, и, дождавшись, когда около прилавка не стало очереди, спросил:

— У вас какие сиропы? Натуральные или концентраты?

— Концентраты. Собственного производства.

— А молочный имеется?

— Молочного нет. Есть сироп под названием «Душистое сено».

— Дайте двойную порцию.

Но вместо того чтобы протянуть огромную руку к стакану, продавец вдруг захлопнул окошко, потом вышел из киоска и сказал вполголоса, обращаясь к Виктору:

— Оттуда?

— Да.

— Когда? Сегодня.

— Где остановился?

— В гостинице при рынке.

— Порядок!

Подбежал какой-то маленький мальчик:

— Дядя, мне бы газированной водички. Пить хочется!

— Нельзя, — громко произнес продавец, — у меня обеденный перерыв.

И, проведя ладонью по голове огорченного мальчика, добавил ласковым тоном:

— Видишь, вон там еще одна будочка? В ней тетя водичкой торгует. Ступай к ней, она тебя напоит. Ну, иди, иди, малыш!

Он обхватил мальчика за плечи, повернул и слегка толкнул в спину. Мальчик убежал. Продавец повернулся к Виктору:

— Вечером приходи на Полтавскую. Там обо всем и поговорим. Понял?

— Понял, — ответил Виктор.

Продавец вернулся в свой киоск, а Лоди пошел по парку.

Кругом царило веселье. Играли оркестры, выступали артисты. Неистощимые выдумщики-затейники развлекали посетителей парка играми и шутками. В городке аттракционов кружились затейливо расписанные карусели, высоко взлетали остроносые ладьи качелей. Временами раздавался оглушительный рев аэропланов пропеллеров. Это начинали вращаться «самолеты», поднимая в воздух любителей острых ощущений.

Виктор с ненавистью смотрел на счастливые лица людей, с отвращением прислушивался к их смеху. О, если б ему дали возможность, с каким бы удовольствием он уничтожил всех этих мужчин и женщин. Хотя бы только за то, что их жизнь была совсем не такой, как у него, Виктора Лоди, сына кулака. Они отдыхали, катались на лодках, ели мороженое и пили газированную воду, а он, Виктор, должен был скрываться, опасаться, как бы его не поймали. Проклятая жизнь. Волчья жизнь.

Вечером он сидел в маленькой однокомнатной квартирке за столом, покрытым липкой, грязной клеенкой, тянул угрюмо пиво и слушал, что ему говорил хозяин квартиры.

— С каждым годом все сложнее становится работать. Так и передай там. Обстановка в самой стране, понимаешь ли, изменилась. Индустриализация, коллективизация. Все на ноги у советских встало, окрепло. Народ какой-то совсем другой стал. Все труднее становится нужных людей находить. Да и чекисты не дремлют. Обогащаются опытом. Ты после того как границу перешел, у кого остановился?

— У своей двоюродной сестры Эльфриды.

— Надежная девка? Не выдаст?

— Думаю, что нет.

— Порядок. Нам рисковать нельзя. Эх, скорей бы начать в открытую действовать. Жду не дождусь. До того, понимаешь ли, тошно бывает прикидываться не тем, кто ты есть на самом деле. Иной раз в киоске водой торгую, а сам думаю: насыпать бы чего-нибудь в эту самую воду. А Эльфриду твою не мешало бы все-таки проверить. На всякий случай. Твое здоровье!

— Виктор Лоди, сын старого Лоди, которого пришлось в свое время раскулачить. Сынок тогда бежал. Сейчас его опознали на станции. Как вам это нравится? — спросил комендант Рогачев.

Он повернулся, и стул закрипел под его грузным телом.

В соседней комнате кто-то печатал на пишущей машинке.

— Виктор Лоди стал агентом иностранной разведки, — продолжал комендант Рогачев. — Теперь вам понятно, кого ваши люди, товарищ начальник заставы, прозевали? В какое сложное вы поставили нас положение? Давно уже не случалось такого на нашем участке. Одно дело — встретить шпиона, диверсанта на границе, принять его, что называется, в свои объятия, и совсем другое, — упустить, дать ему возможность начать действовать в нашем тылу. Впрочем, мне ли говорить вам об этом?

Гусев молча кивнул головой. Он слушал коменданта с трудом. Он не спал уже третьи сутки. С женой Лелей виделся только урывками. Вчера она случайно столкнулась с ним у ворот заставы.

— Когда же ты хоть немного поспишь? — спросила она, увидев его красные от бессонницы глаза. — Разве так можно? Ты же нисколько не думаешь о себе.

Гусев ничего не ответил. Он лишь слегка улыбнулся Леле, потрепал ее по щеке, вскочил на коня и ускакал...

Зато хорошо, что в конце концов удалось напасть на след нарушителя. Сперва обнаружили кусок пирога в лесу. Пирог с картошкой и луком. А потом Виктора Лоди видели на станции. Нашлись люди, которые опознали его. Правда, пока они сообщали о нем в милицию, а

затем в пограничную комендатуру, преступник сел в поезд и укатил. Но сообщение о нем уже поступило на все станции. Так что Лоди теперь ждали, его готовились встретить.

— Виктор Лоди, — повторил комендант Рогачев. — По правде говоря, это не очень умно с его стороны — появиться там, где его знают. — Он помолчал, тяжело дыша. — А как вам нравится Эльфрида? Принять у себя в доме нарушителя границы, лазутчика, и ничего не сообщить о нем нам. Печально, но она обманула наше доверие.

Гусев пошевелился, стряхивая с себя сонное оцепенение. Ему очень не хотелось разочаровываться в Эльфриде.

— Может быть, ее запугали? — спросил он.

— Это покажет следствие.

— Значит, Эльфриду Лоди необходимо арестовать?

— Нет, — сказал комендант Рогачев.

Он говорил медленно. Со стороны казалось, что он с трудом подбирает слова. Но это у него просто была такая манера говорить. Как и смотреть пристально в лицо собеседника.

— Эльфриду Лоди нельзя сейчас трогать, — продолжал комендант Рогачев. — Она нужна нам. Виктор Лоди обязательно вернется на хутор. Тогда мы возьмем его и разберемся во всем. Узнаем, почему Эльфрида Лоди приютила у себя лазутчика.

— Слушаюсь! — сказал лейтенант Гусев.

В голове у него шумело. Сейчас Гусеву хотелось одного — снять фуражку, расстегнуть воротник гимнастерки и улечься спать. Все равно где улечься. Хотя бы здесь, возле стола, на полу. «Так-так-так, так-так-так» — отстукивала в соседней комнате пишущая машинка. Ах, как сладко он уснул бы под этот верный стук!

— Вы свободны, товарищ лейтенант, — произнес комендант Рогачев.

Звякнув шпорами, Гусев поднялся со стула:

— Разрешите идти?

— Ступайте!

Гусев повернулся к двери.

— Постойте! — окликнул его комендант.

Гусев повернулся к столу.

— Приказываю... прежде всего отдохнуть. Слышите? Вам надо как следует выспаться.

— Слушаюсь! — еще раз отчеканил Гусев.

Эльфрида не обманула Андрейку. Она пришла к нему на свидание, как обещала. А потом они стали встречаться почти каждый вечер.

— Я люблю тебя, — повторяла Эльфрида, и Андрейка бросал на нее восторженные взгляды.

Однажды она сказала:

— Мы поженимся, да? Ведь ты хочешь, чтобы я стала твоей женой? Хочешь?

— Ну, конечно, хочу, — отвечал он, смущенный и растроганный, радуясь ее словам.

На другой день они, как всегда, встретились поздно вечером неподалеку от деревни.

На Эльфриде было новое шуршащее платье. От нее пахло сухими цветами.

Лето в том году было удивительное. И хотя стояли уже последние августовские дни, в воздухе еще веяло теплом.

Они шли по дороге. Светила луна. Поля, залитые голубым светом, раскинулись по обе стороны дороги. В скошенной траве оглушительно трещали кузнечики.

Никогда еще Андрейке не было так хорошо, как в этот вечер. Он несмело обнял Эльфриду. Она прижалась к нему, и он почувствовал у себя под рукой ее круглое и горячее плечо.

— Ты любишь меня? — спросила Эльфрида.

— Очень! А ты?

— Тоже. Поцелуй меня.

Она запрокинула к нему свое лицо, бледное при свете луны. Потом сказала:

— У тебя ведь нет никого — ни матери, ни отца? Ты тоже один, как и я? Несчастные мы с тобой, Андрейка.

Андрейка промолчал. Он не был согласен с Эльфридой. Почему он несчастный? Неверно. Он счастливый. С тех пор как появились колхозы, ему стало совсем хорошо. В МТС он не на последнем счету. И самая красивая в районе девушка любит его. Что, спрашивается, нужно еще для счастья?

— Послушай, — зашептала Эльфрида, — вот ты говоришь, что любишь меня. А мог бы ты ради меня совершить какой-нибудь смелый поступок?

— Какой поступок?

— Ну, скажем, в доме возник пожар, и пламя отрезало мне путь к выходу. Бросился бы ты за мной в огонь?

— Спрашиваешь!

— А если я буду тонуть?

— Вытащу!

— А если...

Она отодвинулась от Андрейки, зачем-то оглянулась и тихо спросила:

— А если я захочу бежать?.. Вот туда... — И показала рукой в сторону границы.

Андрейка слушал Эльфриду, недоумевая.

— Зачем бежать?

— Так! Чтобы хорошо жить и не работать.

— Глупости ты говоришь, Эльфрида.

— Нет, скажи, пошел бы ты со мной?

Андрейка взглянул на Эльфриду с тревогой. Ему непонятно было, шутит она или говорит серьезно? На всякий случай он строго спросил:

— Чего ты хочешь, Эльфрида? Что ты задумала?

— Что задумала?

Она помолчала.

— Ничего я не задумала. Я шучу, Андрей. Просто шучу. Но разве бы ты не пошел со мной?

— Нет! — сказал он. — Как можно даже думать про это? Нет! — повторил он твердо.

— Ты трус! Трус! — воскликнула она. — Можешь убираться. Мне не нужно такого мужа.

Он стоял около нее в растерянности, не зная, всерьез она говорит это или не всерьез.

— Я тебе, кажется, сказала: убирайся!

— Эльфрида...

— Ступай прочь!

— Ну, что ж, — сказал он наконец, — если так, я могу и уйти.

Он стал медленно спускаться с пригорка, а она упала в траву и заплакала злыми и горькими слезами.

Андрейка пошел по дороге, покусывая травинку. Он ничего не понимал. Что случилось? Почему Эльфрида внезапно стала совсем другой? Значит, она не любит его? Что же тогда происходит? Непонятно.

Андрейке было обидно. Какой-то горький комок подступал к горлу. Он шел, ничего не видя перед собой. Сердце его билось, а в глазах словно туман стоял.

Так он прошел с километр, а может быть, и больше. Только тут он оглянулся. Он заметил, что кто-то идет рядом с ним.

Он повернул голову и увидел Гусева.

Откуда он появился? Когда?

Гусев шел, сдвинув на затылок фуражку, заложив руки за спину. Светлый завиток волос падал на его лоб. Вид у Гусева был, на первый взгляд, самый беспечный. Он, кажется, даже что-то насвистывал.

— Здорово, Андрейка! — сказал Гусев и снова принялся свистеть.

Так они прошли еще немного.

— Хорошая ночь! — опять сказал Гусев.

— Да, хорошая, — ответил Андрейка, думая об Эльфриде.

Ему вдруг захотелось вернуться назад, к Эльфриде, обнять ее за теплые плечи, склониться к ней, к ее глазам.

— Ты чем-то расстроен, Андрей? — спросил Гусев. — Почему вы с Эльфридой не вместе? Я видел ее — она тоже шла одна, и тоже была чем-то расстроена. Что случилось?

Андрейка молчал.

— Вы поссорились?

— Да, — кивнул головой Андрейка.

— Можно узнать: почему?

— Нет, сейчас я не могу вам это сказать, товарищ лейтенант. Мне очень тяжело.

Гусев остановился. Андрейка тоже остановился. Начальник заставы внимательно и серьезно глядел на него.

— Вот что, Андрей, — Гусев помолчал. — Все-таки приходи к нам на заставу. Посидим, поговорим. Поможем, может быть, чем-нибудь. Ну, пока...

Он дотронулся до плеча Андрейки и, круто повернувшись, зашагал назад по залитой лунным светом дороге.

Навстречу ему шли люди с заставы. Командир отделения Мотыльков и еще двое.

— Ну, как? — коротко спросил Гусев.

— Пошла к хутору, товарищ лейтенант, — ответил Мотыльков.

Гусев сдвинул брови.

— Продолжать наблюдение! — приказал он.

Андрейка долго думал об Эльфриде, об ее отношении к нему.

С чего он взял, что Эльфрида полюбила его? Ну, что она могла найти в нем хорошего? Скорее всего, ему просто показалось, что Эльфрида обратила на него внимание. Глупец! Как мог он вообразить, что Эльфрида, гордая, красивая и недоступная Эльфрида, полюбила его?

Но с другой стороны, почему он не должен верить ей? И с какой стати он решил, что Эльфрида действительно хочет бежать? Разве на самом бы деле она это сделала? Конечно, нет. Она шутила, а он принял ее слова всерьез. Обидел ее. Вот — результат: ссора. Может быть, на всю жизнь.

Сам, своими руками Андрейка разбил счастье.

Придя к такому выводу, он долго раздумывал: пойти ему сегодня на танцы или не пойти? Может быть, лучше остаться дома и завалиться спать? Все равно ему уже нечего рассчитывать на Эльфриду, на ее любовь. Она не из тех, кто легко прощает.

Солнце садилось. Оранжевые краски пылали на небе. И с улицы уже доносились звуки гармоники. Начинались танцы.

Андрейка прилег на кровать и закрыл глаза. Он ясно представил себе, как приходит на танцы Эльфрида. Голубая лента стягивает ее белокурые волосы. На ней новое, розовое, шуршащее платье. Тонкая ткань плотно обтягивает высокую грудь. Парни подбегают со всех сторон к Эльфриде. Улыбаясь, она протягивает им руки. И может быть, Харитон или Пашка-кузнец приглашают ее на танец.

Больше Андрейка не мог выдержать. Он соскочил с кровати и стал надевать пиджак.

Руки его тряслись. Скорее, скорее! Он боялся опоздать.

Танцы уже были в разгаре. Взвизгивала гармоника, и пыль вздымалась под ногами танцоров. Андрейка скользнул взглядом по довольным, покрасневшимся лицам девушек.

Эльфриды не было.

Андрейка чуть не застонал. Где же Эльфрида? Почему ее нет? Или она была и ушла, не дождавшись его? Или, может быть, ее увел кто-нибудь из деревенских парней?

Спросить про Эльфриду Андрейка боялся. Ему было стыдно. Вот еще кавалер нашелся!

Гармонист играл польку. Это был танец, который Андрейка не раз танцевал с Эльфридой.

Он выдернул из земли стебелек овсяницы и в бессильной злобе разорвал его. Он не знал, куда деться от тоски.

Опустив голову, Андрейка побрел прочь, подальше от веселой толпы юношей и девушек. Он не мог смотреть на их счастливые лица.

— Ну и денек! — пробормотал он.

Андрейка вошел в избу. Здесь было душно. Билась о стекло крупная фиолетово-золотистая муха. Андрейка распахнул окно, и муха с радостным гуденьем улетела.

Стемнело. Прохладой повеяло с огородов, острым запахом укропа и еще чем-то нежным, волнующим... Так пахло от волос Эльфриды. Вздохнув, Андрейка захлопнул окно. Он зажег свет и сел за стол, обхватив руками голову.

«Может, напиться? — подумал он. — Все равно ведь пропало все...»

Но вина дома не было, а идти просить у соседей не хотелось. И Андрейка продолжал сидеть за столом,

морщась, точно от зубной боли.

Сколько он так просидел? Полчаса, час, а может быть, два?

Очнулся от стука. Вскочил. Стучали в окно.

Андрейка подошел к нему, но ничего не увидел за стеклом. Было темно. Была ночь.

Тогда он вышел на крыльцо. Как только он переступил порог, ветер с силой толкнул его в грудь и бросил в лицо полную пригоршню дождя.

Шумели деревья. Андрейка догадался: это ветер стучал в окно. А он, чудак, подумал, что пришла Эльфрида. Как бы не так! Она не пришла и никогда не придет.

Андрейка спустился с крыльца и побрел по дороге в темноте.

Лейтенант Гусев пришел домой. Жена еще не спала. Она сидела за столом и шила.

— Ужинать будешь? — спросила она.

— Спасибо, Лелишна, — ответил Гусев, — не хочется.

— Выпей хотя бы молока. Нельзя же так.

— Не обращай на меня внимания. Поверь, даже молока не хочется.

Леля понимала состояние мужа. Она хорошо знала, что такое ЧП на заставе. Ведь она была женой пограничника.

Леля познакомилась с Гусевым на вечере в клубе.

Он танцевал с ней танго и вальс, а затем повел в буфет и стал угощать лимонадом и яблоками.

К концу вечера Леля уже была от него без ума. Ночью она плакала от тоски и счастья. А утром поняла, что влюбилась.

Гусев сделал Леле предложение. Леля обрадовалась и тут же дала согласие. Позже она думала, что, может быть, слишком поспешно согласилась, что может быть, надо было хотя бы, приличия ради, немного подождать с ответом. Но Леля не могла, не хотела ждать. Зачем? Ей хотелось быть с Гусевым. Всегда. Каждый день. Всю жизнь.

Гусев повез ее на заставу. Сперва они ехали поездом, потом машиной, а после пересели на телегу. Телега катилась по дороге, тарахтя и подпрыгивай. Путь лежал мимо леса. Оттуда пахло смолой и грибами.

Леля была в туфлях на высоких каблуках и в шелковых чулках. Она скинула туфли. Затем подумала и сняла чулки.

Гусев глядел на нее влюбленными глазами. Ему очень хотелось поцеловать хоть разок Лелю. Но тут же сидел повозочный Пахомов. Гусев косился на его широкою спину и старался думать о чем-нибудь серьезном.

На заставу приехали под вечер. Леля страшно разочаровалась, когда увидела самые обыкновенные домики с окнами, обведенными белой краской, клумбу, выложенную по краям красными и синими стеклышками. Она представляла себе, что застава — это крепость со стенами и башнями из камня. Ну какие здесь башни! Вот черная смородина здесь есть — она посажена прямо под окнами. Откуда-то доносятся звуки баяна. А в высокой траве неумолчно стрекочут кузнечики.

На другое утро, когда Леля проснулась, Гусева уже не было. В соседней комнате на столе она увидела кувшин с парным молоком. Она рассмеялась — молоко! Совсем как на даче.

Очень скоро жена лейтенанта стала своим человеком на заставе. Она вставала рано утром и, накинув платье, в туфлях на босу ногу выбегала на крыльцо. Она приветливо улыбалась часовому, шутила с повозочным, привозившим воду из ключа. Потом брала лопату и шла в огород, где выращивались овощи для заставы. Здесь Леля обычно работала до полудня. А иногда она помогала повару чистить картошку или же принималась вместе с прачкой Мариной, жизнерадостной краснощекой девушкой, за стирку солдатского белья. Ни одна стенная газета не выходила без ее участия.

Леля научилась неплохо ездить верхом. Она надевала высокие сапоги, седлала Кобчика и отправлялась в комендатуру за почтой. Путь лежал через луга, на которых росли одуванчики и желтая «куриная слепота». Было удивительно хорошо

находиться одной в поле, вдыхать теплый ароматный воздух, прислушиваться к стрекотанию кузнечиков, И даже странным казалось, что вот этот мирный луг и сверкающая река — граница, рубеж страны, и что в любую минуту тут может проскользнуть нарушитель: то ли перебежчик, то ли контрабандист, то ли агент иностранкой разведки, хитрый и ловкий, вооруженный маузерами и кинжалом, с ампулами гремучей ртути и яда в потайном кармане.

Домой Леля возвращалась утомленная, но счастливая. Иногда навстречу ей попадались наряды, направляющиеся на участок. Заметив издали зеленые фуражки, Леля прищпоривала Кобчика и, улыбаясь, проносилась мимо бойцов, обдавая их горячей пылью.

Леля уже не считала, что на заставе, как на даче. Застава все время жила напряженной боевой жизнью, и даже когда на границе ничего не случалось, все равно каждую минуту надо быть начеку. Нередко Гусев поднимался по тревоге и уходил на границу, в лес. Он не знал, что Леля в эти часы тоже не спит. Она лежала в постели с открытыми глазами, с тревогой прислушиваясь к шуму сосны за окном.

Проходила ночь, и на рассвете Гусев возвращался домой невредимый. Его гимнастерка, сапоги, фуражка были мокрые от росы. И Леля забывала о своих ночных страхах. Она даже мужу никогда не говорила о них — боялась, что он станет над ней смеяться, назовет трусихой. А ей не хотелось, чтобы ее, жену пограничника, считали трусихой.

Но с некоторых пор Леле пришлось прекратить свои поездки на Кобчике. Она все реже стала появляться среди бойцов и по вечерам, склонившись над столом, усердно кроила детские распашонки и шила крошечные чепчики.

Леля готовилась стать матерью.

Сейчас супруги беседовали об этом.

— Если у нас будет девочка, — сказал Гусев, — мы назовем ее, как и тебя, Олей.

— Если мальчик, то твоим именем? — засмеялась Леля. — А знаешь, что скажут по этому поводу люди? Что у родителей не хватило фантазии.

— Или что они очень любят друг друга, — улыбнулся Гусев.

Их беседу прервал телефонный звонок.

— Слушаю! — произнес Гусев, сняв трубку. — Что? — вдруг воскликнул он громко, выслушав сообщение дежурного по заставе. — Когда же это случилось? Понятно! Пусть седлают Кобчика. Немедленно. — Он повесил трубку.

— Что там еще произошло? — спросила Леля.

— Час от часу не легче, — ответил Гусев. — Только ты не расстраивайся, Лелишна. Тебе нельзя расстраиваться. Дело в том, что Эльфриду Лоди нашли без сознания на старой мельнице. Покушение. Эльфрида отправлена в больницу. Я еду туда. Мне крайне важно повидать ее лично.

Кобчик, тот самый Кобчик, на котором совершала свои поездки Леля, нес теперь лейтенанта Гусева. Кобчик был хороший, резвый конь. Словно понимая важность момента, он несся по ночной дороге рысью. Его не приходилось даже пришпоривать.

Гусев торопился. Ему очень важно было повидаться с Эльфридой. Кто знает, может быть, ее состояние таково, что встречу с ней не следовало бы откладывать.

Эх, Эльфрида, Эльфрида, задала ты новую загадку пограничникам!

Больница находилась в поселке, километрах в двадцати от заставы. Гусев подумал, что, когда придется везти сюда жену, надо будет сделать это заранее.

Копыта коня дробно стучали по земле. Временами прямо с дороги вспархивали птицы. Кобчик пугался, шарахался в сторону, и тогда Гусев осторожно гладил его ладонью по шее:

— Спокойнее, Кобчик, спокойнее! Не бойся!

Светящиеся стрелки часов на руке начальника заставы замерли где-то между цифрами два и три, когда вдали показались силуэты строений. Кобчик тихо заржал.

Гусев осадил коня у самых ворот больницы. За высокой каменной оградой тревожно шептались деревья.

Не найдя звонка, Гусев забарабанил прямо кулаком по калитке.

— Кто там? — послышался голос сторожа.

— Начальник пограничной заставы лейтенант Гусев. Откройте!

Калитка отворилась.

Гусев увидел старика в белом халате, с фонарем в руке.

— Скажи-ка, отец, сюда доставили пострадавшую девушку? — спросил он.

— Это ту, на которую бандит напал? Сюда, сюда... Входи, сынок. Пойдем, проведу.

— А ты откуда знаешь, что нападение бандит совершил? — поинтересовался Гусев, идя вместе со сторожем по темной аллее больничного сада.

— А кто ж, как не бандит, человека по голове бить станет? Сам Петр Григорьевич операцию делал. Теперь девушка эта выживет, наверное. А была на волосок от смерти. Вот и наш приемный покой! Там все и собрались.

Окна приемного покоя были ярко освещены. Гусев с такой поспешностью рванул на себя стеклянную дверь, что она жалобно зазвенела.

— Здравствуйте, товарищи! — произнес он, появляясь на пороге и обращаясь к находившимся в помещении людям. Здесь были врачи, медсестры, сотрудники милиции, следователь из районной прокуратуры. — Петр Григорьевич, здравия желаю!

— А, и вы к нам пожаловали, товарищ лейтенант! — откликнулся главный врач. — Вас тоже, наверное, интересуется Эльфрида Лоди?

— Совершенно верно.

— Девушке было нанесено ранение в голову каким-то тяжелым предметом. Состояние ее было довольно угрожающим. Сотрясение мозга, трещины черепа. Но мы приняли меры. Сделали все, что в наших силах. Сейчас непосредственная опасность миновала. Пострадавшую удалось даже допросить.

— Как все это произошло? — обратился Гусев к следователю.

— Сама Эльфрида плохо помнит. Она шла в деревню на танцы, когда на нее напали сзади. Это случилось

возле старой мельницы. Вам, конечно, известно это место?

— Да, известно, — подтвердил Гусев.

— Каким образом Эльфрида очутилась на мельнице?

— Видимо, когда девушка потеряла сознание, упала, преступник, думая, что она мертва, втащил ее туда.

— Какова, по-вашему, цель нападения?

— Грабеж исключается. Все вещи Эльфриды Лоди остались целы. Да и какие могут быть у девушки, шедшей на танцы, вещи? Попытка изнасилования? Нет, и эта версия отпадает. Платье, белье пострадавшей — в полном порядке. Никаких следов насилия на теле нет.

— Кто первый обнаружил потерпевшую на мельнице?

— Тракторист Андрей Кожухов.

— Вы его допрашивали?

— Да. Он сообщил, что шел мимо мельницы, услышал стоны и, зайдя в нее, обнаружил на полу Эльфриду Лоди. Голова ее была разбита, лицо залито кровью.

— Как очутился Кожухов в столь позднее время около мельницы? Чем он это объясняет? Кстати, вы его отпустили?

— Нет, он задержан. Объяснений, почему оказался возле мельницы, не дал. Вы с ним будете разговаривать?

— Обязательно. Но сперва я хотел бы повидать Эльфриду Лоди. К ней можно?

— Она очень слаба, но вам, товарищ лейтенант, я разрешу навестить ее, — сказал главный врач. — Сестра, дайте начальнику заставы халат. Пойдемте!

Он привел Гусева в палату. Эльфрида неподвижно лежала на койке. Голова ее была забинтована. Гусев знал Эльфриду такой, какой она была всегда, — веселой, оживленной, и ему стало не по себе оттого, что

сейчас он видел ее беспомощной, страдающей. Наверное, ей было больно, очень больно.

— Она в сознании? — спросил он, глядя на Эльфриду.

— Да. Только ей нельзя много разговаривать, делать резких движений. Ну, и не волноваться, понятно.

Гусев подошел вплотную к койке. Ему показалось, что шпоры его звенят слишком громко.

— Эльфрида, — произнес он. — Вы слышите меня, Эльфрида?

Она открыла глаза. Увидела Гусева, и руки ее, лежавшие поверх одеяла, слегка вздрогнули.

— Эльфрида, всего один вопрос. Вы в состоянии мне ответить? Это был Виктор? Ваш двоюродный брат Виктор Лоди?

Она отрицательно покачала головой: нет, не Виктор!

— Тогда кто же? Неужели Андрейка? Или кто-нибудь из других парней?

Эльфрида не ответила. Она закрыла глаза. Ей опять стало плохо. Она снова потеряла сознание. Наверное, от волнения. Ведь ей нельзя было волноваться. Гусев поспешил выйти из палаты.

— Да, это был не Виктор Лоди, — произнес он вслух, и в тоне его голоса чувствовалось убеждение. — На этот раз Эльфрида не солгала.

Да, Эльфрида сказала правду. Она плохо помнила подробности этого злополучного вечера: ранение, которое она получила, стерло из памяти некоторые подробности. Она помнила только, что собиралась, как всегда, на танцы. На ней было новое розовое платье. В волосах — голубая лента. Внезапно в дом постучали.

Эльфрида подумала, что это вернулся Виктор. Или, может быть, пришел Андрейка, с которым она так скверно поступила, обозвав его трусом? Но это был не Виктор и не Андрейка.

Вошел незнакомый человек. Немолодой. С толстым, отечным лицом. Он окинул Эльфриду взглядом и спросил:

— Одна?

— Да, — ответила она, почему-то совсем не ощущая страха.

— Такая девушка — и одна? Ни мужа, ни просто дружка? Впрочем, скоро ты перестанешь находиться в одиночестве. Там, куда ты собираешься, тебя оценят по заслугам.

Только теперь Эльфрида ощутила страх. Противный, омерзительный страх, от которого все тело покрылось липкой испариной.

— Кто вы такой? Что вам надо?

— А разве я что-либо неправильно сказал? Ведь ты же хочешь бежать отсюда? Из этой страны. Видишь, я все знаю!

— Вы что же, пришли уговаривать меня?

— Нет, просто помочь. Ну, как мы с тобой договоримся? Когда прийти за тобой?

Она уклонилась от ответа. Только промолвила сухо:

— Вот что, мне некогда. Ступайте себе. Мне надо идти.

Они вышли во двор.

— Так когда мне все-таки прийти? Я жду ответа.

— И не дождетесь, — сказала Эльфрида, выходя за ворота и ругая себя за то, что до сих пор не завела собаку, верного четвероногого друга. Жить одной на хуторе и не иметь собаки — это довольно смело.

— Ты, кажется, начала петь по-другому? — спросил мужчина.

Эльфрида остановилась.

— Если ты сейчас же не удалишься, — произнесла она, с отвращением глядя на незнакомца, — я не пойду на танцы, а отправлюсь на заставу, к пограничникам. Пусть проверят тебя, что ты за птица.

Он поглядел на нее сверху вниз и сказал злобно:

— Тварь! Я так и думал, что ты именно такая...

Повернулся и зашагал по дороге. А Эльфрида пошла на танцы. Но до деревни не дошла. Около старой мельницы услышала шорох в кустах. Не успела оглянуться — как на нее обрушился сильный удар. Что было потом, Эльфрида не помнила — очнулась уже в больничной палате.

Обо всем этом она рассказала Гусеву после того, как немного пришла в себя. Это случилось на пятый день ее пребывания в больнице. Она уже чувствовала себя лучше, только голова болела сильно. Главный врач, тот, который оперировал ее, сказал, что теперь у нее часто будут головные боли. Во всяком случае, первое время. Эльфрида испугалась — ну кому она будет нужна такая?

Но, оказывается, она была нужна. Все тому же Андрейке. И даже в таком состоянии. Если б не Андрейка, может быть сейчас Эльфриды уже не было бы в живых. Это Андрейка услышал ее стон, когда проходил мимо старой мельницы, а потом нес на руках

до ближайшей деревни, откуда она была доставлена на подводе в больницу.

Самому Андрейке эта история доставила немало неприятностей. Взять хотя бы то, что его заподозрили в покушении. Будто бы он напал на Эльфриду и ударил ее по голове. И будто бы сделал это из ревности, из мести. А ведь он оказался в ту ночь у старой мельницы лишь потому, что шел на пограничную заставу. Чтобы рассказать лейтенанту Гусеву о преступном замысле Эльфриды Лоди — бежать за границу.

Правда, сделать это не пришлось. Сама Эльфрида призналась во всем. И как впустила к себе Виктора, и как прятала его под полом, и как уговаривала Андрейку бежать вместе с ней.

Слезы текли по ее лицу, когда она рассказывала обо всем лейтенанту Гусеву. Она закрывала лицо руками, но слезы текли и текли, просачиваясь сквозь пальцы, падая на больничный халат.

— Что же теперь будет со мной? — спрашивала Эльфрида. — Я уже не буду больше работать на тракторе? Меня посадят в тюрьму? Вышлют?

— Никто вас не тронет, Эльфрида, — отвечал Гусев. — Ведь вы раскаялись чистосердечно, а это самое важное. Хорошо, что нападение на вас окончилось благополучно. А могли и убить.

— Вы так и не узнали, кто этот человек?

— Пока — нет.

Гусев беседовал об этом и с Андрейкой. Он сказал, что Эльфрида, конечно, виновата. Ей следовало бы немедленно сообщить о появлении Виктора на заставу или в комендатуру. А Эльфрида не сделала этого. Наоборот, соблазненная его рассказами, сама решила бежать за границу.

Одна сделать это она побоялась и поэтому начала льнуть к Андрейке, чтобы потом склонить его к побегу.

А он-то ничего не подозревал. Думал, что она по-настоящему любит его.

Самое удивительное, что после покушения на нее Эльфрида вдруг действительно почувствовала к Андрейке симпатию. Ведь это он обнаружил ее без сознания на старой мельнице. А потом нес на руках, и кровь, которая текла из ее пробитой головы, пачкала ему рубаху. Эльфрида стала думать, что, пожалуй, никто и никогда не относился к ней с такой теплотой, как Андрейка. Ни Питер Реемси, ни даже Пашка-кузнец.

Сам Андрейка пока еще не знал, что ему делать. Забыть Эльфриду или, наоборот, жениться на ней? Больше всего ему хотелось сейчас встретиться с ее двоюродным братом — Виктором. Ну, попадись ему этот Виктор! Говорят, он очень хитрый и ловкий. И силы у него хватит на троих. Ну, что ж, Андрейка тоже не из слабосильных. Он бы показал этому Виктору Лоди.

Андрейка теперь много работал — шла уборка урожая, подготовка к осенней пахоте. В работе хотел найти Андрейка успокоение. Он по две смены не слезал со своего трактора, и начальник МТС ничего ему не говорил. Он понимал переживания тракториста.

Девушки и парни звали Андрейку в клуб, на танцы, но Андрейка отказывался: нет, без Эльфриды он никуда не пойдет.

Иногда только по вечерам после работы он отправлялся бродить по окрестностям, по местам, где встречался с Эльфридой. Теперь он искал встречи с ее двоюродным братом, с Виктором Лоди. Но Виктора не было.

Стояла уже осень. Желтые и красные листья слетали с деревьев к ногам Андрейки.

Комендант Рогачев был у себя. Гусев поправил фуражку и, постучавшись, вошел в кабинет.

В маленькой комнатке было жарко. Рогачев сидел за столом, расстегнув воротник гимнастерки, тучный, багровый. Фуражку он сдвинул на затылок.

— Ну, что? — спросил Рогачев, поворачиваясь всем своим грузным туловищем на стуле.

Только тут Гусев заметил, что комендант не один. Прислонившись спиной к печке, стоял Матросов. Он пожевывал мундштук папиросы, глядел на Гусева и улыбался.

— А меня ты уже и замечать не хочешь? — сказал он, обращаясь к Гусеву.

— Ну, что вы! — вспыхнул Гусев от радости. — Как можно!

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Давно мы с тобой не встречались, — произнес Матросов. — Ну, как семейные дела? Как Леля?

— Скоро наследника мне подарит. Или наследницу.

— Заранее прими мое поздравление!

— Спасибо!

— А как дела на заставе?

— Небось знаете!

— Знаю, дружище, знаю. Но не огорчайся. Бывают ситуации и посложнее. Ты помнишь, Рогачев, человека со стеклянными бомбами?

— Ну, как же! — откликнулся Рогачев, проявляя несвойственную ему живость. — Этот человек ни на минуту не вынимал рук из карманов.

— Совершенно верно, — подхватил Матросов. — Там у него лежали гранаты. Даже войдя в дом, где у него была явка, он сел за стол, не вынимая рук из карманов.

Жена хозяина кормила его с ложечки. А в заплечном мешке у него находились три стеклянные бомбы собственного производства. В случае задержания он должен был кинуться на пол, перевернуться на спину и разнести на куски и себя, и окружающих. Фанатик! Но мы не допустили до этого. Мы задержали его на железнодорожной станции, где он стоял в очереди за билетом. Для этого нам пришлось пуститься на хитрость. Замаскироваться под крестьян, якобы везущих на рынок бидоны с молоком.

— А Бугаев? — спросил комендант Рогачев. — Этого задержать было еще труднее.

— Да, и Бугаев! — кивнул Матросов. — Высоченный, плечи, как у борца. Попробуй вступи с таким в схватку! И тем не менее мы тоже задержали его. В вагоне поезда. При этом самое главное — не дать нарушителю возможности вытащить пистолеты. Когда мы обезоружили его, он схватился за голову и застонал: «Взяли! Взяли меня живьем, меня, Бугаева! Как это могло получиться?»

— Надо было ответить: «Очень просто! Шпион, как бы тщательно он ни готовился, всегда допускает просчеты. Если не один, то другой», — сказал Рогачев.

— Правильно! — промолвил Матросов. — Тот человек со стеклянными бомбами сразу же обратил на себя внимание, как только появился на нашей территории. Он решил изображать плотника. Нес топор и пилу. А на нем был охотничий пиджак с большими накладными карманами. На носу — пенсне. Не сообразил, что у нас плотники пенсне не носят.

Гусев слушал эти воспоминания бывалых пограничников с интересом. Он подумал, что надо будет пригласить Матросова на заставу — пусть выступит перед молодыми бойцами.

— Но давайте вернемся к Лоди, — сказал Матросов, — я ведь по поводу его и приехал.

Рогачев встал из-за стола. Половица скрипнула у него под ногами. Комендант подошел к окну и остановился около него, заложив руки за спину.

Из окна виднелась хмурая река. Деревья протягивали свои ветви над самым окном. Ветви, с которых уже начали слетать листья. Шел дождь. Крупные мутные капли текли по стеклу.

— Осень, — сказал Рогачев, поглядев на Гусева. — Смотрите, лейтенант, уже осень.

— Да, осень, — ответил неопределенно Гусев.

Комендант вернулся к столу.

— Н-да, — сказал он и снова поглядел на Гусева. Потом побарабанил пальцами по столу. — Послушайте, Гусев, а ведь Виктор Лоди вернется обратно. Вы понимаете?

Гусев все понял. Но он молчал, ожидая, что скажет дальше комендант Рогачев. Заговорил Матросов:

— Наша задача — встретить Виктора Лоди как подобает. Если ему удалось переправиться на наш берег, то обратно уйти он не должен. У нас тут с комендантом составлен план. Мы считаем, что Виктор пойдет назад тем же путем. Эта дорога для него самая удобная. Не исключено, что он вновь попытается зайти на хутор. Поэтому там надо организовать засаду. Выделите для нее самых опытных, подготовленных людей. Но никто из посторонних ничего знать не должен. В том числе и Эльфрида Лоди.

— При чем здесь она? — спросил Гусев.

— Потому что двоюродная сестра Виктора Лоди будет снова жить на хуторе. Понятно?

— Понятно! — ответил Гусев.

— Ну, тогда действуй, дружище. Желаю удачи!

Хутор стоял на горе. Дом, крытый черепицей, конюшни, сарай.

Правда, ни лошадей, ни коров на хуторе теперь не было. В доме жила одиноко Эльфрида Лоди.

Даже после того как она вышла из больницы, врачи еще долго не разрешали ей работать. От нечего делать Эльфрида принималась то за шитье, то за уборку. Иногда стирала. Мокрые белокурые волосы ее были растрепаны. И без того короткая юбка была подогнута, и голые круглые колени девушки блестели. В таком виде она ходила по двору, считая, что на хуторе никого больше нет. Эльфрида не знала, что в одном из сараев сидят в засаде люди. Ей это даже в голову не приходило. Четыре пограничника — Иванов, Строгов и еще двое — дожидались появления Виктора Лоди. Он мог прийти, а мог и не прийти. Комендант Рогачев и Матросов считали, что придет.

Четыре человека расположились в закромах амбара. Там можно было лежать на боку или сидеть полусогнувшись. Пограничники говорили между собой шепотом, питались концентратами и даже от курения отказались. Особенно трудно приходилось по ночам — мучил холод. Он пронизывал все тело. Спали по очереди, и тот, кто спал, часто просыпался.

— Который час?

— Еще четыре.

— Все тихо?

— Да, тихо!

Прошло уже двенадцать суток, а Виктор Лоди все не появлялся. Но снимать засаду было нельзя. Надо было встретить Лоди как полагается.

— Ты совершил, Виктор, ошибку, встретившись со своей двоюродной сестрой. Разнежился, разнюнился. А она в любой момент могла сообщить о тебе пограничникам. Ты не учел, что это не прежняя Эльфрида. Правда, кое-что старое в ней осталось. Потому-то в первый момент она легко поддавалась на твои уговоры — бежать, но в остальном это был уже совсем другой человек. Поэтому пришлось принять кое-какие меры против нее. К чему иметь лишнего свидетеля. Ты, надеюсь, не возражаешь?

Слушая своего собеседника, Виктор, как всегда, молчал. Ему хотелось лишь одного — поскорее покончить со всеми делами, ради которых он снова очутился на этом берегу. А какова судьба Эльфриды — его, в сущности, не интересовало. Еще день-два — и он будет там, откуда пришел. Тогда он получит много денег, купит мотоцикл и будет присматривать себе какой-нибудь хорошенький домик в уединенной местности.

Он уже представлял себе: домик с деревянными ставнями. Белая эмалированная ванна. На столиках бумажные салфетки. И тут же белокурая женщина с красивой смуглой кожей. Такая, как Хильда Корка.

Разве не заслужил он этого, черт побери!

— Ну, я пойду! — сказал он.

— Счастливцев! Как я тебе завидую. Скоро ты будешь в цивилизованном мире. А мне по-прежнему надо будет торчать в этой тесной будке и разыгрывать роль продавца газированной воды. Кланяйся от меня господину полковнику. Передай ему от меня личный привет.

— Ладно, передам.

...Поезд, который вез его к границе, шел медленно, осторожно забираясь на подьемы и подолгу отдыхая на полустанках. Виктор смотрел в окно. Он видел лес: клены, березы, сосны.

Была уже осень. С севера плыли тучи.

Надо было торопиться, чтобы успеть перебраться через реку.

Это было единственное, из-за чего нервничал Виктор.

В вагоне он ни с кем не разговаривал. Он сидел лицом к двери, неподалеку от нее, держа руки в карманах. Он трогал теплые рукоятки пистолетов, и это успокаивало его. Иногда, прислонившись головой к полке, Виктор делал вид, что дремлет, а сам сквозь полусомкнутые ресницы наблюдал за соседями.

Ничего такого, что могло бы угрожать ему опасностью, не было.

Один только раз Виктор не на шутку испугался. Неожиданно в вагон вошли пограничники. Их было трое. Молодые ребята в шинелях с зелеными петлицами. Они, видимо, только что сели в поезд. Сапоги у пограничников были мокрые от холодной осенней росы.

Виктор уже хотел было выйти в тамбур, но пограничники спокойно примостились рядышком на скамейке, поставив винтовки между коленями. Лица у них были юные, безусые, простодушные, и Виктор опять успокоился. Для тревоги, во всяком случае, не было оснований.

Вскоре пограничники вышли. Виктор видел, как они пошли по перрону к зданию станции. Когда поезд снова тронулся, он постоял немного у окна, потом зевнул и, сладко потянувшись, направился в тамбур.

Он думал, что никого не застанет на грохочущей и лязгающей железом площадке. Но там стояла проводница — тоненькая девушка в форменном берете.

Поезд шел теперь под уклон, набирая скорость. Мимо быстро мелькали деревья, телеграфные столбы, летели клочья паровозного дыма.

Виктор закурил папиросу. Он ждал, что проводница уйдет, но та продолжала стоять на площадке. Потеряв терпение, Виктор стал открывать тяжелую, неподатливую дверь.

— Эй, эй! — закричала суровым голосом проводница. — Не балуй!

Виктор шевельнул бровью. Не обращая внимания на проводницу, он открыл дверь. Ветер мгновенно ворвался на площадку. Он облепил вокруг колен девушки ее короткую и тонкую юбку. Стало холодно. Проводница, прижимая руками подол, что-то кричала, но Виктор из-за ветра и грохота колес не разобрал ее слов.

Конечно, он мог бы столкнуть ее вниз, под колеса, или просто оглушить, ударив кулаком по голове. Но ему не хотелось утруждать себя. Он снова стал смелым и дерзким. Ненависть душила его.

— Молчи, сволочь! — негромко сказал он.

— Чего? — спросила она, не расслышав.

Поезд шел мимо леса. Это было самое удобное место. Виктор торопливо спустился вниз по ступенькам и, с силой оттолкнувшись, не глядя, прыгнул вперед, под насыпь.

Поезд умчался далеко вперед. Виктор поднялся с земли и, отряхнув с колен сырой песок, спокойно углубился в чащу.

И почти тотчас же пошел снег.

Прямо удивительно было, как быстро и неожиданно наступила зима.

Проснувшись, Сергей Красихин, пограничник первого года службы, не одеваясь, в одной рубашке выскочил на крыльцо.

Снег! Снег! Первый снег!..

Все было бело кругом. Первый пушистый снег лежал пластами на крышах, на заборе, на старой вишне, что росла у ворот заставы. Даже удивительно было — как это могло за одну ночь выпасть столько снега.

Серега долго стоял на крыльце, любуясь чистотой белоснежного покрова, с удовольствием вдыхая свежий, почему-то пахнувший антоновским яблоком воздух. Он посмеялся, глядя, как повар Терентьев шагает из кухни к кладовой. Терентьев надел новые сапоги на какой-то особенной лосевой подошве и теперь с трудом ступал по утоптанной, ставшей скользкой дорожке. Ноги его то и дело разъезжались. Повар обиженно надувал губы и смешно растопыривал толстые короткие пальцы. При этом лицо у него было строгое и сосредоточенное.

Подошел Семенов. Он был в тулупе и валенках, с винтовкой, как и положено часовому.

— Иди, иди, — сказал он сурово Красихину. — Ишь какой атлет нашелся — стоит на морозе в одной рубахе. Замерзнешь!

Тут лишь Серега почувствовал, что и впрямь замерз. Стуча зубами, он вернулся в теплую комнату, где стояли койки бойцов.

Егор Мотыльков только что проснулся. Он сидел на постели и, потягиваясь, громко зевал. Глаза у него были сонные.

— Куда ходил? — спросил он Серегу.

— На снег смотрел, — ответил тот. — Снегу-то выпало! Ужас!

— Снег — это хорошо, — наставительно сказал Мотыльков, — службу легче нести.

Сергеа быстро облачился в гимнастерку, подпоясался ремнем. Он уже привык к жизни на заставе. Был доволен, что попал в пограничники. Здесь ему нравилось.

Хорошее настроение не покидало его. А тут еще — радость. Когда отделение шло на завтрак, на столике у дежурного по заставе Серега нашел письмо для себя. Его, верно, принесли ночью вместе с другой почтой из комендатуры. Он прочел обратный адрес на самодельном конверте — писали из дома.

Сергеа сунул письмо в карман ватных штанов.

«Потом прочту!» — решил он.

В маленьком домике, где помещалась столовая, вкусно пахло свежим ржаным хлебом. Между столами ходил, круто выгибая спину и мурлыча, кот.

Сергеа погладил кота. Кот поднял упругий блестящий хвост и стал тереться о сапог. «Мяу-мяу!» — подразнил Серега кота, засмеялся и, довольный, сел за стол.

Терентьев сегодня особенно отличился. Завтрак был вкусный. Серега с аппетитом съел полную миску жирных макарон с мясом и выпил две кружки горячего сладкого чая.

Облизав ложку, он поднялся из-за стола.

— Готовься к наряду, — сказал Мотыльков, — вместе пойдем.

Сергеа хотел прочитать письмо, полученное из дома, но времени уже не было. Он направился к пирамиде и стал осматривать винтовку, с завистью поглядывая на Мотылькова, которому был доверен карабин. К Мотылькову Серега относился с уважением и во всем старался ему подражать. Это был старый,

опытный пограничник, сверхсрочник. Он был суров, молчалив и безнадежно влюблен в парикмахершу Тонечку.

Подготовив оружие, Серега переобулся в новые валенки, на голову нахлобучил лохматую рыжую шапку. Он стал толстым и неуклюжим.

Хорошее настроение не покидало его.

Оделся и Мотыльков. Вдвоем они явились за получением задания к Гусеву.

Начальник заставы выглядел осунувшимся, измученным. Он, верно, опять не спал всю ночь. Так оно и было. Дело в том, что пришлось отвозить в больницу жену. Конечно, они давно с Лелей ожидали, что это случится, но, когда наступил срок, оба страшно занервничали. Особенно Гусев.

— Ты не беспокойся за меня, — твердила Леля. — Все будет благополучно. Вот увидишь!

— Эх, Лелишна, не могла подождать хоть немного. До тех пор, пока мы не поймем этого Виктора Лоди.

— Дурачок! — ласково проговорила Леля, проводя рукой по волосам мужа. — Разве это делается по заказу?

— Ну, ладно, — махнул рукой Гусев. — Пусть будет так...

Ни Серега, ни Егор, понятно, ничего не знали о том, что происходило в личной жизни начальника заставы. А тот и вида не показывал.

— Ну, как отдохнули? — спросил он у бойцов. — Как чувствуете себя?

— Отлично, товарищ лейтенант! — закричал Серега, расплываясь в улыбке.

Невольно улыбнулся и Гусев, глядя на открытое, простодушное лицо Красихина. Но тут же вновь стал деловито-сосредоточенным...

Когда наряд вышел за ворота, неожиданно густо повалил снег. Он падал непрерывно. От мелькающих в

воздухе хлопьев рябило в глазах. Сталкиваясь на лету, снежинки совершенно отчетливо позванивали. Весь лес был наполнен этим нежным, сказочным звоном, шелестом и шуршаньем.

Сергея шел чуть позади Мотылькова. Тот не спеша двигался между деревьями. Он словно чутьем угадывал скрытую под снежной пеленой тропинку. Сергей с уважением смотрел на него.

Пограничники подошли к реке.

Было холодно, но Виктор не чувствовал этого. От быстрой ходьбы ему стало жарко.

Правда, жарко Виктору было и по другой причине. Он чуть было не попался, причем обстоятельства были глупые до смешного.

Дернуло же его, черт побери, зайти на хутор. Он прямо-таки обалдел, когда увидел на дворе Эльфриду. Ведь, судя по всему, ее не должно было быть в живых, а она цела и невредима. Что же случилось? Неужели удар, который ей был нанесен, оказался неточным? Или она была живуча как кошка?

А он-то хорош — решил навестить хутор! Как будто он там чего забыл. И чуть было не попался.

Хорошо, что он сразу захлопнул калитку и пошел быстрым спортивным шагом. И хорошо, что у них в этот момент не было собаки, а то бы ему вряд ли удалось уйти.

Так что же все это значит? Выходит, в доме была засада? Следовательно, Эльфрида обманула его? Она предала его?

Встретилась бы она ему теперь! Он бы ей показал. Теперь бы она не ушла от расплаты. С каким бы наслаждением обхватил он ее горло своими крепкими пальцами.

Эта тварь, наверное, сейчас смеется над ним. Продала свою душу и совесть. Сидит теперь под крышей, сытая, в тепле, а он, Виктор Лоди, должен пробираться по лесу, дрожа от холода, оглядываясь, прячась за деревьями и кустами.

Он должен бояться всего. Даже собственной тени.

Что он — волк? Или какой-нибудь другой хищный зверь? Он, Виктор Лоди, тоже требует права на

человеческую жизнь. Но каждый добывает это право по-своему.

У него будет собственный домик с палисадником, и мотоцикл, и по утрам молодая женщина с красивой смуглой кожей будет жарить ему яичницу.

А потом он будет целовать ее в шею, в то место, где под тонкой теплой кожей бьется голубая жилка.

Но все это будет позже. А пока у него нет ничего, кроме двух пистолетов, ножа и пары крепких кулаков. У него нет даже ни крошки табаку, И как это он поступил так безрассудно — не запасся на дорогу табаком? Иди вот теперь и сплевывай густую слюну...

Кругом ни души. Только лес. Огромные сосны и ели. И снег. Белая сетка снега.

Граница.

Придется отсидеться в этом лесу до ночи, а потом уж перебираться через реку на тот берег. Только бы не пустили по его следу собаку.

Нет, он их обманул. Пошел не прямо, а делая круги и петли, возвращаясь назад, переходя с дороги на дорогу, заходя в лес и выбираясь обратно. Он сделал все, чтобы замести свои следы. Пускай теперь ищут его. Это совсем не просто. Даже собаке.

Виктор присел на пенек. Курить хотелось нестерпимо. Он взял в рот комок снега, подержал, пока тот не растаял, и выплюнул. Но и это не помогло.

Вдруг он услышал какой-то звук. Он прислушался. Звук был близкий и довольно громкий: «тик-так, тик-так...»

Где-то он уже слышал этот звук? Ах да, ведь так стучали часы на камине в комнате у Хильды Корка.

Он положил руку на грудь. Под теплым шерстяным свитером отчаянно билось сердце: «тик-так, тик-так...»

Это было уже слишком. Виктор вскочил. Он вынул из кармана пистолеты и, держа их перед собой в

напряженных, согнутых в локтях руках, пошел дальше по лесу.

Он направлялся к реке. Он решил; будь что будет!

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. В лесу словно посветлело, стало просторно и нарядно.

Идя следом за Мотыльковым, Серега не мог не залюбоваться деревьями. Будто кто-то накинул на них кружевные шали чудесной белизны. Красота! Закричать бы сейчас, загоготать, ударить по плечу хмурого Мотылькова, затеять с ним веселую возню на снежной тропинке.

Но, подумав об этом, Серега тотчас же застыдился своих мыслей. Ну и мысли у человека, который несет ответственную службу на государственной границе! Что бы сказал начальник заставы Гусев, если бы узнал, какой легкомысленный, несерьезный парень этот Красихин?

Но хорошее, теплое чувство, которое он испытывал сегодня с утра, не покидало его.

Он стал думать о письме, которое лежало в кармане его ватных штанов и которое он не успел прочитать. Потом о доме, о колхозе. Как-то там теперь? Избы, наверное, занесло снегом, и к розовому небу поднимаются дымки из труб.

В доме тепло, уютно. Братишки, наверное, на улице катаются с ледяной горки. Дед, подсев к запотелому окну и надев очки, читает вчерашнюю газету. Или пристроился к радиоприемнику и слушает музыку.

Мать, разрумившись от жара печи, печет блины. Никто в деревне не печет их лучше, чем мать Сергея. Это знают все.

— Слышь!..

Сергей поглядел на Мотылькова. Тот осторожно манил его к себе согнутым в крючок пальцем. Сергей

приблизился.

Егор молча показывал рукой на лесную чащу. Серега посмотрел туда. Стал слушать. Ему, как и Мотылькову, почудилось, что кто-то ступает по лесу. Шаги были легкие, чуть слышные — будто кто крался. Так обычно — Сергей уже знал — идет по пограничной полосе чужой.

А может быть, это зверь — лось или медведь — нарушил лесную тишину? Нет, не похоже, что зверь. Идет человек. Неужели случилось ЧП? Сергею с непривычки сделалось тревожно и немного жутковато. Но он не подал и вида.

Снова пошел снег. И опять все замелькало, заплясало вокруг. Мотыльков прислушался. Напряг слух и Сергей.

Но теперь пограничники ничего не слышали, кроме однообразного шелеста и шуршания непрерывно падающего снега.

Дальше они пошли почти рядом друг с другом, стараясь не производить никакого шума. Мотыльков снял карабин и держал его наготове. То же сделал и Сергей с винтовкой. Он шел и смотрел влево, а Мотыльков — вправо и вперед.

Снег падал. И вдруг сквозь частую белую рябь прямо на пограничников вышел человек. Он был без шапки, высокий, с черными волосами.

— Стой! — негромко, но твердо приказал ему Мотыльков. И еще раз повторил: — Стой!

И тотчас же в лесу грохнули выстрелы, сыпанув снег с ближайших веток. Что-то ожгло Сергею лицо. Он сделал шаг вперед и, не выпуская из рук винтовки, повалился на занесенную снегом тропинку.

Первый выстрел был меток. Виктор Лоди недаром учился стрелять без промаха. На расстоянии 25 метров он мог всадить из пистолета шесть пуль подряд — одну за другой — в крошечный кружочек мишени.

Но сейчас что-то случилось с ним. Рука Виктора дрогнула. Пуля пролетела, не задев Мотылькова.

Дальше стрелять было неразумно. Наверное, и так выстрелы привлекли внимание. Надо уходить.

Пятясь, Виктор отступал за деревья. Он не сводил глаз с пограничника, и было удивительно: почему тот не стреляет? А, все понятно! Они хотят захватить его живьем.

Ну, нет, это им не удастся. Еще один шаг, другой — и он снова скроется за белой сеткой снега, за деревьями, за кустами. Он не дастся им в руки. А если его разыщут с собаками, он сам себя уничтожит.

Он провел рукой по лбу. Лоб был весь мокрый. Пот струился по лицу, скапливался на верхней губе. Все тело Виктора было в испарине.

«Как бы не простудиться», — машинально подумал он.

И тут пограничник, проявив необычайную живость, рванулся вперед. Двумя прыжками он настиг Виктора, схватил его за руки, чуть выше кистей, и стал их выворачивать. Виктор вынужден был разжать пальцы и, чертыхаясь, выпустить оружие. Пистолеты упали на землю. Оскалив зубы, Виктор прыгнул на Мотылькова. Тот свалился, но, падая, увлек за собой и противника. Так, вцепившись друг за друга и тяжело дыша, Мотыльков и Виктор перекатывались по снегу, утапывая и приминая его. Несколько секунд они

боролись молча, и то один оказывался наверху, то другой.

И вдруг Виктор, который уже начал было одолевать Мотылькова, почувствовал, как чьи-то сильные и твердые руки обхватывают его сзади. Выпустив Мотылькова, он повернулся и увидел перед собой молодого солдата. Это был Красихин. Потеряв на мгновение сознание — пуля ожгла ему щеку, — Сергей, очнувшись, мигом встал и бросился на помощь Егору. Виктор понял, что дальнейшая борьба бесполезна. Он прекратил сопротивление. Его подняли с земли. Он стоял, опустив голову. Ненависть душила его. Ненависть и бессильная злоба.

А вдали за деревьями уже показались люди. Это спешили наряды с соседних участков, бежала с заставы тревожная группа во главе с лейтенантом Гусевым.

52 коп.

